

Иван Александров

Анютинны глазки

ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ

Я сошел с поезда

Я сошел с поезда, спросил у первого встречного, где сейчас размещается роно, и, громко стуча подковками кирзовых сапог, зашагал через мост к серому зданию.

Все, что было связано с армией, с беспокойной, бродячей жизнью военного топографа,— все осталось позади. Даже не верилось, что снова вернулся на гражданку: на душе было радостно и тревожно.

Знакомый городок встретил меня неприветливо, отчужденно, с холодком. Промозглый ноябрьский ветер бил в лицо, мокрые хлопья снега бестолково кружились в воздухе и, обессилев, тяжело падали на голову и плечи.

Отряхнув снег и поправив бушлат, я переступил порог роно:

— Вы, наверное, к Софье Андреевне? — с явным любопытством спросила меня машинистка.

— Да, мне к заведующей,— ответил я.

Софья Андреевна, полная, скромно одетая женщина лет сорока пяти, отложила в сторону бумаги и озабоченно взглянула на меня.

— Слушаю вас,— спокойно сказала она.

— Я прямо с вокзала: зашел узнать о работе,— заговорил я.— Понимаете, стосковался по школе, по ребятам.

Софья Андреевна задумалась, перебирая что-то в памяти.

— Ваша фамилия? — спросила она. Я отрекомендовался.

— Значит, это вы нам писали из армии, интересовались работой?—оживилась Софья Андреевна, вспомнив мое письмо.— Придется вас огорчить,— печально покачала она головой, давая понять, что сочувствует, но помочь не может.— Учебный год начался давно. Все школы, даже сельские, обеспечены кадрами. Вы —словесник? Тем более: их у нас хоть пруд пруди,—пошутила она и, подумав, неожиданно призналась: — Нам нужен дельный человек в роно: инспектор по патронату.

— По патронату?—непонимающе пожал я плечами.

— Вам непонятно, что это за должность? — спросила Софья Андреевна, уловив замешательство в моем голосе.— Инспектор по патронату — это своего рода инспектор скорой помощи. Представьте себе: случилась беда. Вот живой пример. Недавно по глупости погибли двое родителей. Девятилетний сынишка остался круглым сиротой, а ведь его надо растить, учить, воспитывать. Как поступить: определить в детский дом или подыскать заботливого опекуна?

Работа эта большая, трудная, хлопотливая. На месте не засидишься, придется много ездить. Причем каждая поездка — это командировка в чужую беду, в чужую жизнь, в чужую душу, а чужая душа, как говорится, потемки: надо тактично, терпеливо, обдуманно разобраться, почему это произошло, кто виноват, а потом уже оценивать, делать выводы, принимать решение. Тут потребуется житейская мудрость, душевная чуткость, любовь к людям, особенно к детям, желание повозиться с ними, помочь им. Мне кажется, вы справились бы с этой работой, почему-то вы внушаете мне доверие,— довольно умело и настойчиво обрабатывала меня Софья Андреевна.

— А вы умеете уговаривать,— осмелев, пошутил я, ободренный вниманием и добрым расположением заведующей.— Мудрый вы человек.

— Недаром Софьей нарекли, приходится оправдывать имя,— улыbnулась она не без лукавства.

Я подумал, что неплохо, пожалуй, закрепиться в роно: отсюда проще будет перебраться в школу.

— Что ж, попробую,— согласился я, все еще колеблясь в душе.— Принимаю ваше предложение.

— Вот это мне нравится, вот это деловой разговор! — обрадовалась Софья Андреевна, что наконец-то удалось найти человека на эту беспокойную должность.

Софья Андреевна оказалась права: работа увлекла меня, захватила всего. Я колесил по району, возился с трудными ребятами, разбирал семейные неурядицы: чужие беды и горести близко коснулись моего сердца, глубоко запечатлелись в памяти.

Многие факты, события, житейские истории, необычные, полные драматизма, легли в основу этой книги.

Патруль

1

Во дворе нашего дома одиноко зеленеет высокая, с выжженным дуплом ракита: когда она цветет, над ней стоит сплошной пчелиный гуд.

Я помню ее с детских лет, с тех самых пор, когда возле ракиты плескался большой пруд, а вокруг пруда разноголосно шумел, спорил базар. Пруд давно пересох, на его месте поднялся высокий дом, но память о пруде жива, и в дождливую погоду сюда, под ракиту, по древнему непостижимому для ума инстинкту сходятся со всего городка гуси.

Сюда, в августе сорок третьего года, мы привели с бабкой продавать свою корову, которую «испортил» дурной глаз, и она перестала давать молоко. Бабка привязала корову к раките и побрела пытаться цену, наказав мне:

— Карауль, а то неровен час — уведут: всякие люди есть.

Подошла какая-то женщина, оглядела корову со всех сторон, поинтересовалась зубами, потрогала вымя, потянула за соски.

— Почем товар-то? — обратилась она ко мне. Я поковырял в носу, почесал в затылке, словно раздумывая, и заломил довольно высокую цену:

— Нравится — покупай, не пожалеешь: зальет молоком. Бери, не раздумывай, мне надоело с ней стоять,— убеждал я женщину, заметив, что она начинает торговаться,— а то сейчас бабка придет, с ней не договоришься.

Женщина отвалила мне изрядную сумму и повела Красавку.

Бабка вернулась, узнала, что я спихнул корову за сходную цену, обрадовалась.

Я грустно улыbnулся, вспомнив то далекое и трудное время, и поглядел в окно. Возле ракиты остановились розвальни. Какой-то колхозник, закутанный в овчинный тулуп, привязал лошадь к дереву, бросил ей охапку сена и направился в хлебный магазин.

Не успел он скрыться за дверью, как чей-то мальчишка, вынырнув из-за угла, подбежал к саням, порылся в передке, извлек оттуда коньки, сунул их под мышку и метнулся в сторону стадиона.

— Вот жук! — вскочил я со стула, готовый броситься за ним в окно, но в эту минуту из подъезда соседнего дома выскочила знакомая мне девчушка, Галя Цветкова, и припустилась вдогонку за воришкой. Она кричала ему, чтобы остановился, но перепуганный мальчуган без оглядки мчался по двору. Галя настигла его, но не схватила за руку, а ловко подставила ножку, и тот со всего маху кувыркнулся в сугроб — шапка и коньки полетели в разные стороны. Она быстро подобрала их, взяла пацана за рукав и потащила его к саням. Мальчишка упирался, хныкал, грубил:

— Ну, что ты пристала? Отвяжись! Отдай коньки, на каток спешу.

— Не хитри, не проведешь! — строго прикрикнула на него Галя. — Зачем коньки стащил?

— Это мои коньки, мои! — отбивался мальчишка, стараясь вырваться из цепких девчоночьих рук.

— Не ври, не твои, а чужие, еще смазанные, — оборвала она его.

Галя отдала коньки хозяину, который и не подозревал о пропаже, и повела воришку в детскую комнату милиции.

Меня разобрало любопытство. Я быстро оделся и поспешил вслед за ними.

— С удачей, патруль! — поздравил я свою давнишнюю знакомую. — Ловко сработала: все видел.

Мальчишка стоял сгорбившись, опустив низко голову.

— Вот жук! — выругалась Галя. — На чужие коньки позарился: выследил и тяпнул.

— Я все видел, — подтвердил я. — Очень скверно.

Галя записала фамилию мальчишки, домашний адрес, школу и, помедлив, вдруг предложила ему:

— Хочешь кататься — ходи к нам: у нас отличная секция.

— А вы не скажете в школу? — всхлипнул мальчишка.

— Нет, в первый раз прощу! — заверила Галя, достала из кладовки новенькие «снегурочки» и вручила ему.

Ошеломленный мальчуган, не ожидавший такого поворота дела, взял коньки, благодарно взглянул на Галю и завихрился на стадион. — Ей-богу, здорово! — похвалил я Галю, удивленный ее доверчивостью, находчивостью и смелостью.

— А чья наука? — улыбнулась она.

2

Деревенька, где жила Галя Цветкова, была далеко от города, затерялась в самой глушинке. Старики потихоньку умирали, а молодежь перебиралась в город или соседние, большие села. Сады зарастали, курчавились, дичая. На месте покинутых домов лежали груды битого кирпича, в заброшенных садах под тяжестью плодов гнулись яблони и сливы, в пересыхающем пруду метались головастики, осиротевший

колодезный журавель жалобно поскрипывал и тоскливо глядел в небо, словно пытался улететь следом за своими хозяевами.

Деревушка оказалась на грани полного запустения. В последние годы здесь оставалась одна-единственная хатенка Цветковых: зимой она по самую крышу проваливалась в сугробы, а летом скрывалась с трубой в зелени сада. Старшие братья жили в Москве, одна Галя, как могла, скрашивала скучную однообразную жизнь своих остаревших родителей. Они давно собирались переехать в ближний городок, но за житейскими делами и заботами все откладывали свою затею. Галя училась в восьмом классе, бегала ежедневно верст за пять в школу. Возвращалась она домой усталая, злая и начинала хныкать:

— Что это за жизнь? Ни кино, ни радио — сплошная глушь. Не держите меня на привязи, все равно уеду в город: буду учиться дальше. Старички подумали, погоревали и решили отпустить дочку из родительского дома.

— Поезжай, навести знакомых, пошукай себе квартиру, — согласились они, — а мы через годок продадим свою живность и тоже последуем за тобой.

Галя, прихватив с собой денег, вышла на большак, по которому ходил автобус, и поехала в город, где она намеревалась первым делом зайти на базар, чтобы купить себе обновку, а потом через своих знакомых поискать квартиру.

Базар теперь был в другом месте, возле старой больницы, недалеко от шоссе. Галя нашла его быстро: едва сошла с автобуса, людская волна потянула ее за собой.

Девчонка потолкалась на барахолке, заглянула в промтоварные ларьки и, не выбрав ничего подходящего, зашла под навес в холодок, где на длинных столах лежали вороха лисичек, подберезовиков, свиных, от которых тянуло приятным родным запахом леса, сырой земли, прелой листвы. У самого края стола, возле большой горки боровиков, прислонившись к столбу, стояла пожилая, небрежно одетая, довольно красивая женщина. Она мусолила папироску и добродушно перебрасывалась с покупателями озорными, замысловатыми фразами, пересыпанными солеными словечками. Галя подошла поближе, ей показалось, что от женщины пахнет не только дымком, но терпким перегаром. В городке, пожалуй, все знали тетю Дуню, эту разбитную торговку. Ее видели то с земляникой и малиной, то с грибами и орехами. Она выносила их даже тогда, когда их, казалось, не достанешь ни за какие деньги.

Галя задержалась на минутку возле этой женщины и, не в силах скрыть своего восторга, воскликнула:

— Вот это грибы! Настоящие боровики! Такие только у нас в Зеленом Дубке можно отыскать.

— Где это, где? В Зеленом Дубке, говоришь? — загорелись глаза у тети Дуни. — Далече отседова? И много их там?

— Гм, много? — усмехнулась Галя. — Да хоть косою коси! — подзадорила она. — Кому собирать-то? Все на свекле. Не до грибов.

— Слушай, доченька, — расплылась в улыбке тетя Дуня. — Поедем завтра вместе.

— Нет, я нынче уезжаю, — огорчила ее Галя. Мне ночевать негде, надо домой спешить.

— Вот дурочка-то! — повеселела женщина.— О чем беспокоится. Да у меня можешь заночевать. Я одна живу, кровать пустует.

У Гали дрогнуло сердце: «А что если правда остаться! Уже поздно, автобус, наверно, ушел. Тетенька простая и добрая. Может, о квартире договорюсь».

— Оставайся, доченька, хорошо переночуешь, мне веселей будет,— уговаривала ее тетя Дуня, заметив, что девочка заколебалась.

Тетя Дуня покорила Галю своей грубоватой простотой, откровенностью, дружелюбием. Галя открылась ей, что наскучило жить в деревне, что она надумала перебраться сюда, чтобы учиться в девятом классе, и попросила подыскать ей квартиру.

— Знаешь что, голубушка,— заворковала тетя Дуня, прижимая к себе хрупкую Галину фигурку.— На ловца и зверь бежит. Если понравится, живи у меня. Мои бродяги-сынки разлетелись по белу свету, вот я одна и кукую. Все будет с кем душу отвести. Ты мне сразу приглянулась, чуется мое сердце, что ты послушная девочка.

3

Тетя Дуня часто была не то чтобы совсем пьяненькой, а так себе — навеселе- Она останавливала любого прохожего, балагурила, сыпала анекдотами, хвасталась удачной сделкой на барахолке. Все, что выручала на (базаре, она тратила в свое удовольствие. Случалось, что ее обводили вокруг пальца, она не унывала, а ждала удобного случая, чтобы наверстать упущенное. Тетя Дуня давно подыскивала себе надежную и бесхитростную помощницу. Галя понравилась ей, и она пригрела у себя наивную деревенскую девчонку.

Все лето бродили они по дальним лесам, стужались грибами, таскали их на базар и довольно бойко, ловко и прибыльно торговали.

Галя быстро принарядилась и уже бегала по вечерам на танцы, щеголяя модными туфельками, шерстяной кофточкой, голубой косынкой. Тоненькая, хрупкая, с милым личиком, с густыми веснушками, Галя нравилась ребятам, не отказывалась от их робких и озорных ухаживаний.

— Молодец, Галка!—подбадривала ее тетя Дуня.— Крути им голову да наряжайся помоднее. А что понравится — бери, выручу, есть деньга, потом отдашь.

Тетя Дуня не отличалась жадностью. Ей важно было приручить девчонку, заловить, чтобы безотказно использовать во всех своих похождениях и сделках. Галя брала деньги и незаметно залезала в долги.

— Ладно, расплачусь,— утешала она себя.- Помогут наши.

Однажды она завернула домой. Никого не было, наверно, ушли за сеном. Дверь оказалась закрытой. Галя побродила по саду и, не дождавшись стариков, полезла в окно. Она выпила из махотки молока, посидела на лавочке, походила по хате и заглянула в ящик стола. В уголке, в тряпочке, лежали три десятки. «Возьму-ка я их себе,—решила она.— Они им пока не нужны.» Галя так и уехала, не повидав отца с матерью. Она собиралась все написать им, что взяла деньги, да так и не удосужилась.

Приближался сентябрь, а Галя еще не заглядывала в школу, даже не отнесла документы, не купила книги. Она спохватилась, заволновалась, но тетя Дуня принялась успокаивать и наставлять ее:

— Зря ты себе голову морочишь голубушка. Я вот закончила два класса да третий коридор, а живу припеваючи, не хуже любых инженеров. Что толку-то? Кончают всякие там институты врачихи да училки, а потом все равно переучиваются в домашнем университете. Для бабы самое главное — отхватить дельного мужика, чтобы жила да купалась в масле, да наряжалась, как куколка.

Галя слушала, смущенно улыбалась, возражала, а тетя Дуня капала и капала ей в душу, и эти тяжелые капли оставляли поневоле метинки в доверчивом сердце девчонки. Галя и сама не заметила, когда все это произошло: стала развязнее, густо мазала пухленькие губы, поздно возвращалась домой.

Соседи искоса, осуждающе поглядывали на нее, а она еще пуще, одобряемая тетей Дуней, подводила ресницы да хихикала, как глупышка.

В школу Галя пошла, но душа к учебе не лежала. В голову все чаще лезли тревожные, навязчивые мысли: «В долгах, как в репьях», — они все больше царапали совесть. Тетя Дуня вскользь, как бы невзначай, намекала, что валюта течет, как вода сквозь пальцы, что в деревне лучше жить: свой огород, сад, корова. У стариков небось денег — куры не клюют. Однажды она призналась:

— Знаешь, Галочка, у меня скоро день рожденья. Я для тебя сколько хорошего сделала, ничего не жалею.

Галя поняла намек хозяйки:

— Спасибо, тетя Дуня, в долгу не останусь.

Ей становилось не по себе, она задумывалась и мрачнела, хорошо понимая, что самое страшное — потерять доверие тети Дуни. Беда давно подстерегала Галю, ждала, чтобы она оступилась, поскользнулась и — упала.

4

В субботу вечером Галя пошла в баню. Она уже вымылась, оделась и стояла перед зеркалом, причесываясь. В уголке зеркала Галя заметила, как молодая незнакомая женщина, раздевшись, сняла с руки золотые часики и сунула их в хозяйственную сумку, под белье.

Женщина прошла мимо Гали, мягко ступая босыми ногами и, закрывая за собой дверь, успела заглянуть ей в лицо.

У Гали затаенно забилося сердце, лихорадочно заблестели глаза, нервно задрожали руки. Она мгновенно отогнала дурную мысль, но соблазн был так велик, грех так солон, что она не устояла, повернулась, огляделась и, поборов страх, шагнула к чужой сумке.

Женщина, словно почувствовав недоброе, наспех вымылась и заторопилась одеваться. Подошла, всплеснула руками, заохала:

— Ах, ты, мерзавка! Ах, бесстыжая. Это она, конопатая! Никого больше не было.

Она растерянно озиралась вокруг, даже старого белья не осталось, не бежать же домой голой. Бабы зашумели, засуетились, захлопотали, чем помочь. Выручила уборщица: она одолжила пострадавшей старый халат.

Галя незаметно выскользнула из бани, добежала до речки, извлекла часики, а сумку, хоть и понравилась она ей, вместе с бельем бросила в воду.

Целую неделю ходила женщина, как неприкаянная, пристально вглядываясь в лица городских девчонок, забегала то в одну, то в другую школу, надеясь встретить «конопату» Она столкнулась с ней совершенно неожиданно, лицом к лицу, возле гастронома. Все время думала: «Встречу — разорву на части!» — а сейчас остановилась, как вкопанная, ноги подкосились, язык не поворачивается. Сделав мучительное усилие, задыхаясь от волнения, женщина прошептала:

— Слушай, девочка, мне нужно с тобой поговорить.

— О чем? — удивилась Галя, ошеломленная неожиданностью, и метнулась в сторону, пытаясь скрыться за углом.

— Ловите ее, ловите! — не помня себя, закричала женщина. — Ловите воровку! — и бросилась догонять.

Случилось так, что я вышел за сигаретами и, услышав истошный крик и увидев убегающую девочку, ринулся на помощь пострадавшей. Перепуганная девочка юркнула в ближайший подъезд, забилась в угол, прикрыв себя дверью. Запыхавшись, она тяжело, громко дышала. Я потянул на себя дверь и замер: девочка дрожала всем телом, глаза горели, как у затравленного зверька. Женщина бросилась на нее с кулаками, схватила за распущенные волосы и стала бить головой о стену.

- Не троньте девочку! — возмутился я, отрывая разъяренную женщину от нее. — Имейте совесть.

Мы повели преступницу в детскую комнату милиции. Она не упиралась, покорно шла впереди, понуро опустив голову, спотыкаясь и беспрерывно всхлипывая.

В детской комнате девочка окончательно разревелась, не могла слова выговорить, а слегка успокоившись, искренне призналась, что это она украла часики.

Я позвал инспектора детской комнаты и женщину в коридор и стал упрашивать их, словно в беду попала родная сестра.

— Ради бога, не предавайте пока этот факт огласке. Надо детально разобраться. Разрешите мне заняться этим делом.

Я вызвался проводить Галю до дома, а когда вышли на улицу, она, все еще всхлипывая, пролепетала:

— Если бы не вы, эта женщина растерзала бы меня.

5

Вечер был удивительно тихий, теплый, ласковый. Пахло сиренью и жимолостью. Мы долго бродили с Галей по городу. Я больше молчал, слушал, она без конца говорила, искренне, осуждающе, словно старалась выплеснуть из души вею боль и накипь.

Воскресным утром, прихватив с собой Галю, я отправился на роновском газике в деревушку, где жили ее родители.

Собравшись с духом, я кратко и тактично объяснил родителям, что отучилось.

— Ругать поздно и бесполезно, — посоветовал я им. — Надо выручать Галю из беды.

— Дурочка! — причитала мать, метаясь по хате. — Что же ты натворила? Что тебе не хватало? Мы ничего для тебя не жалели: учись да будь человеком!

В тот же день Галя вернула женщине часики, которые не успела подарить тете Дуне, уплатила ей за белье и сумку, трогательно извинилась перед ней и, робко, мучительно улыбнувшись, сказала:

— Если можете, простите меня, пожалуйста.

У Гали навернулись слезы, и она припала своей несмышленной, непутевой головенкой к груди женщины.

Галя рассталась с тетей Дуней, и я помог ей найти другую квартиру.

С тех пор Галя часто забегала в роно, в детскую комнату милиции, для которой она стала своим, незаменимым человеком, рьяной и бесстрашной помощницей.

Славка с Полярной звезды

1

Этот красивый парк на высоком берегу Оки разбил сто лет назад мценский врач Александр Иванович Шестаков, страстный любитель природы и талантливый ботаник.

Ученый давно умер, подарив парку свое доброе имя, а редкие экзотические деревья и кустарники, собранные им со всего белого света, до сих пор радуют и восхищают души людей своей дикой красотой.

Говорят, что родственник Шестакова, внук или племянник, живущий ныне в Мурманске, вспомнил родные места:

— Есть на Орловщине, под Мценском, на берегу Оки, чудесный уголок: парк, луг, речка. Затишье, зелень, чистый воздух. Лучшего места для отдыха ребят не отыскать.

Пионерский лагерь «Полярная звезда» разместился на самой окраине Шестаковского парка, в тихом лесочке, где попеременно с молодыми посадками сосен и елей красуются березы, осины, дубы.

В июне шумный пассажирский поезд привозит сюда озорных ребяташек Севера набираться сил и здоровья.

Начальник лагеря Михаил Федорович Василенко, веселый и хлопотливый украинец, как всегда приезжал раньше всех, чтобы приготовить все для приема своих «бесенят».

Михаил Федорович зашел в роно, чтобы ему помогли подобрать дельных, любящих возиться с детьми воспитателей. Мы давно были с ним накоротке, и он подал мне заманчивую мысль:

— А почему бы тебе не поработать в лагере? Все равно проболтаешься в отпуске, а здесь и отдохнешь, и познакомишься с северянами.

Я поколебался, поразмыслил и согласился, только не в первую смену, а во вторую, с июля.

Ребята встретили меня холодно, недоверчиво, подозрительно. Я особенно не подлаживался к ним, не заискивал и не церемонился, а сразу взял их в ежовые рукавицы, чем вызвал скрытое недовольство и даже явную враждебность с их стороны.

Постепенно ребята ко мне притерлись, привыкли, признали за своего и даже привязались. Я заметил, что к концу смены они как-то заскучали, загрустили, стали самовольно отлучаться из лагеря.

— Как ни хорошо в лагере, а в дороге лучше, веселее, — посочувствовал я им и предложил: — Пойдемте-ка в поход по тургеневским местам, а то живете здесь, а толком не знаете их, не видели.

Ребята охотно уцепились за эту идею, и началась суматошная подготовка к походу.

— Ты и Славку Дагурова берешь? — поинтересовался Михаил Федорович.

— Обязательно! — не раздумывая, ответил я. — Это моя правая рука.

Начальник неодобрительно покачал головой:

— Если так, то пиши пропало: он тут тебе больше всех крови попортил, а в походе тем более.

— Наоборот, — горячо возразил я, — в походе его проще раскусить, легче заглянуть в душу. Да он уже сейчас крепко изменился.

— Свежо предание, а верится с трудом, — засомневался Михаил Федорович.

Маршрут нашего похода лежал через Спасское-Лутовиново на Бежин луг. Правда, в походе не обошлось без приключений, но Славка Дагуров был на высоте: моя «правая рука» действовала уверенно и безотказно.

Вернувшись из похода, я доложил Михаилу Федоровичу:

— Все в порядке: жертв не оказалось, пропавших без вести тоже нет. Были пострадавшие, но не очень.

— Значит, кто-то все-таки отличился? — нахмурился Михаил Федорович. — Небось опять Славка?

— Конечно, он! — подтвердил я его предположение.

— Я так и знал! — уколол он меня. — Горбатого только могила исправит.

2

Я вылез из автобуса, свернул влево и зашагал в пионерский лагерь, что был неподалеку. За деревней, в лощинке, у толстых разлапистых раkit мне повстречались два мальчугана: один — приземистый, рыжий, с нерасчесанными вихрами и облупившимся носом, в коротеньком потертом пиджачке, видимо, местный, другой — рослый, худой, с бледно-смуглым лицом и озорными возбужденными, южными глазами, в свежей клетчатой рубашке, по всей вероятности, из лагеря.

Я остановился, вынул пачку «Беломора» и стал доставать папиросу. Черноглазый мальчуган, поравнявшись со мной, заискивающе улыбнулся:

— Дядь, будь добр, угости беломоринкой.

Мне стало неловко: оговорить или дать, но ради любопытства протянул ему папиросу. Он чиркнул спичкой, затанулся, выпустил вверх замысловатое колечко дыма и крякнул от удовольствия.

— Далеко? — спросил я, и моя догадка подтвердилась.

— Я с «Полярной звезды», а он здешний, позвал в гости, — подмигнул мне черноглазый, щелкнув пальцем у подбородка.

— Ого! С «Полярной звезды», говоришь? — удивленно пожал я плечами. — Как это ты умудрился оттуда прилететь?

— Гм, очень просто, на звездолете, с высадкой во Мценске,— шутливо разъяснил мальчуган, уловив мою мысль.

— А ты находчивый!

— Угу!— буркнул он и, толкнув дружка в бок, заспешил с ним в деревню, а я, утопая в песке, двинулся в лагерь.

Мне вручили старший отряд, непоседливый и капризный.

На вечерней линейке не присутствовал Славка Дагуров. Он вернулся поздно, незаметно пробрался в палату и юркнул под одеяло.

Утром, опираясь на суковатую палку, в кабинет Михаила Федоровича вошла сгорбленная морщинистая старуха и запричитала:

— Что же это получается, товарищ начальник? Для него, окаянного, я сажала и выхаживала яблони? Все зелепухи проклятый обобрал, прямо с почками, с ветками,— не переводя дыхания, чуть не плача, негодовала бабушка.— Была бы я помоложе, догнала бы, исходила бы палкой, ноги бы вывернула, как куренку.

Возмущение старушки невольно передалось Михаилу Федоровичу.

— А вы заметили его, узнаете?— затеребил он ее за рукав.

— Еще бы не узнать! — повысила она голос.— Из-под носа убежал, да еще язык высунул, рожу скорчил и пульнул в меня зелепухой.

Михаил Федорович привел бабусю на утреннюю линейку. Она, горбясь, опираясь на палку, не спеша обходила строй ребят и подозрительно заглядывала в их лица. Дойдя до Славки, умышленно опустившего голову, она взяла его за подбородок и ахнула:

— Вот он, черномазый!

— Неправда!—нахально отрезал Славка.— С кем-то опутала бабка.

— Ну, хорошо, мы разберемся в этой некрасивой истории,— успокоил старушку Михаил Федорович, а ребят строго предупредил:— За такие позорные проделки будем выгонять из лагеря!

После линейки Михаил Федорович пригласил меня и Славку к себе в кабинет.

— Это она перепутала сослепу! — продолжал оправдываться Славка.— Я вчера никуда не отлучался, спросите у вожатой,— сказал он, покосившись на меня.

Бессовестная Славкина ложь покорибила меня, и я оборвал его:

—А кого я вчера встретил возле деревни?

Славка был сражен на месте: он не ожидал этого подвоха.

Вечером, уложив ребят спать, я завернул на минутку к Михаилу Федоровичу.

— Пройдемся по лагерю,— предложил он.— Посмотрим порядок.

В мальчишеской палате моего отряда не спали: стоял шум и хохот.

Михаил Федорович тихонько открыл дверь и включил свет. Славка Дагуров стоял у соседней койки и гвоздил подушкой увальня Степку Круглова.

— Что тут творится? — закричал взбешенный Михаил Федорович. Он вырвал у Славки подушку и, забыв педагогическую этику, стал обхаживать драчуна.

Славка, в одних трусах и майке, выпрыгнул в раскрытое окно и скрылся в темноте.

С утра парило, собиралась гроза. Поздно вечером хлынул проливной дождь, и лагерные дорожки захлебнулись в шумных пенистых ручьях.

Всю ночь с фонариками в руках ребята разыскивали Славку, а он, спокойно переночевав у своего деревенского дружка, утром, словно красное солнышко, появился в лагерь и ходил гоголем, приводя в трепет младших.

— Забирай свои вещи и уезжай в свой Мончегорск!— расвирепев, сказал Михаил Федорович Славке.

— Я больше не буду, простите, пожалуйста,— взмолился виновник.

Михаил Федорович, человек добрый и отходчивый, оставил его в покое: слишком много волынки с отправкой, без него хлопот по горло.

Дагуров не успокоился, а только переменил тактику, озоруя исподтишка.

У меня со Славкой отношения были скверные: он или избегал меня, или открыто показывал свое пренебрежение.

Однажды, после завтрака, на веранде корпуса он затеял игру в «ножички»: отходил на несколько шагов от двери, прицеливался и бросал нож в дверь, стараясь вонзить лезвие.

— Слушай, Дагуров! Мало того, что ты дверь портишь. А если сейчас выйдет вожатая и ты попадешь в нее? — пристыдил я Славку, осуждая его за опасную затею.

— Не попаду!— огрызнулся он, продолжая игру. Я обозлился, подошел к нему вплотную и потребовал:

— Дай сюда нож!

— Не дам. Не твой! — нагло отрезал он, пряча нож за спиной и не трогаясь с места.

— Славка, не дури! — дружелюбно, но строго предупредил его я.— Все равно отберу.

— Попробуй!—ухмыльнулся он ехидно. Меня взорвало: я подошел к Славке и взял его за грудь. Он рванулся и упал навзничь. Оправившись от испуга, Славка вскочил и, разъяренный, бросился ко мне. Я поймал его правую руку и сильно заломил ее за спину. Славка попытался вырваться, но не сумел: рука его обмякла и выпустила нож.

— Хватит?— беззлобно спросил я, расслабляя пальцы.

— Можешь,— кивнул он головой,— сдаюсь! Девчонки зашумели, запищали, заныли, возмутившись моим поступком.

— Заткнитесь! — рывкнул на них Славка и, униженный и оскорбленный, пошел по дорожке.

Ребятишки, которых Славка беспрестанно обижал и задира, злорадно и с жалостью глядели ему вслед.

Через несколько дней, столкнувшись лицом к лицу с Дагуровым, я спросил его напрямик:

— Обижаешься?

— Нисколько! — совершенно искренне признался он.

— Знаешь, мы собираемся в поход,— сказал я ему, не скрывая тревоги.— Дорога дальняя, ребята бестолковые, без надежного помощника не обойтись.

— Возьмешь?

— Конечно! — обрадовался я.

Перед самым походом, вечером, меня вызвал Михаил Федорович.

— Значит, завтра отчаливаете? — заволновался он— Хорошо подготовились?

— Были сборы недолги, но вполне продуманны,— пошутил я, чтобы успокоить Михаила Федоровича.

Я заранее распределил обязанности, ознакомил ребят с маршрутом, рассказал им, как вести себя, как двигаться, чтобы не натереть ноги, не обгореть.

Мы еще с вечера получили продукты, посуду, палатки, одеяла и укомплектовали рюкзаки.

Утро было тихое и солнечное. Провожать нас вышел весь лагерь. Баянист сыграл походный марш, и ребята двинулись в путь, горланя в такт замирающей музыке:

«Солдаты, в путь, в путь, в путь!»

Мы вышли за лагерные ворота, спустились по лесной дорожке на лужайку и зашагали берегом Оки. Ребята двигались цепочкой, оживленно разговаривали, запевали то одну, то другую песню и, не допев до конца, теряли по дороге забытые слова.

Отряд выглядел пестро, но красиво: синие кеды, коричневые шорты, клетчатые рубашки, бумажные пилотки. Деревенские мальчишки выбегали навстречу, и глаза их загорались от зависти при виде озорных и веселых мурманских ребят.

В дороге не обошлось без приключений. Мне хотелось помирить Славку и Степку, связать их одной веревочкой. Им было поручено ответственное задание: тащить ведро с яйцами. Сначала они несли его попеременно, в руках, потом нажгли дужкой ладони, подобрали длинную жердь и водрузили ее на плечи.

Все шло хорошо, но случилось непредвиденное. Степка увидел красивую бабочку, сердце его запрыгало от восторга. Забыв про осторожность, он потянулся за ней. Жердь сползла с плеча, и ведро ударилось о землю.

Девчонки завопили с испугу, набросились на Степку, готовые растерзать его.

Славка тоже кинулся с кулаками на своего напарника, но сдержался и предложил: — Пусть один несет ведро, а потом сам ест разбитые яйца!

Все шумно одобрили Славкин приговор и двинулись дальше.

В Спасское-Лутовиново мы пришли вовремя: успели осмотреть флигель изгнанника, полюбоваться тургеневским дубом, побродить по тенистым аллеям парка, постоять у пруда Савиной и даже помечтать в беседке Рудина.

Заночевав в березовой рощице, что возле Спасского, мы снова двинулись в путь. Впереди были Снежедь и Бежин луг. В Голоплеках - уйма вишен. Они висели так низко, так соблазнительно дразнили, что Степку Круглова пришлось вести под руки по деревне.

От Ветрова до самого Бежина луга пробирались извилистым берегом Снежеди, словно держась руками за ее голубую ленту.

Бежин луг возник неожиданно, такой знакомый и неузнаваемый, такой удивительный и обычный. Переведя дыхание, мы остановились на высоком берегу. Перед нами, внизу, прыгала по камешкам Снежедь, срываясь в большой омут, а дальше расстилался сам луг, поросший редкими кустами, весь в желтых крапинках цветов, а еще дальше и выше открывался рваной раной карьер.

— Ничего особенного! — разочарованно вздохнул Славка и, помолчав, признался:—А все-таки красиво, ей-богу, красиво!

— В этом-то вся суть!— обрадовался я его открытию.— Вот так же думал Тургенев, оглядывая с Висельной горы Мценск: «В этом зрелище нет ничего особенно пленительного — а мне весело. Это и есть чувство родины».

Ребята замолчали, притихли, вбирая в себя звуки, краски, запахи Бежина луга, а потом расчувствовались, разговорились, засыпали меня вопросами, смешными и наивными:

— А в каком месте мальчики жгли костер?

— А почему Бежин луг так называется?

Я обрадовался, что удалось расшевелить ребят, заинтересовать их.

— Ей-богу, не знаю, не хочу врать,— откровенно признался я, огорчив ребят.— Говорят, в очень давние времена здесь шумели дремучие леса и сюда бежали из тюрьмы арестанты. Возможно, что это название произошло от слова «беза», что значит: кусты на лугу. Вон видите, сколько их разбрелось,— показал я рукой на луг.— А скорее всего этим лугом владел какой-нибудь помещик Бежин. Трудно объяснить, ребята. А еще труднее сказать, где был костер. Это одному Ивану Сергеевичу известно!

— А мы все-таки разыщем это место!—загорелись ребята.

Мы спустились с горки, перешли вброд родниково-ледяную Снежедь, разбились возле кустов, у самого берега, палатки.

Ребята разбрелись по лугу в поисках сухого лозняка, а мы со Славкой настроили удочки, облюбовали чуть повыше быстринку и увлеклись рыбной ловлей. Солнце быстро заходило, рыба охотно клевала, и мы уже успели схватить несколько подлещиков. Кто-то неожиданно и шумно бултыхнулся в воду, и вслед за этим раздался истошный крик:

— Степка! Степка тонет!

Славка вздрогнул, выронил удилище и, обжигая крапивой голые колени, ринулся через кусты к омуту.

— Что вы рты разинули? — обрушился Славка на ребят.— Где? В каком месте?— и, не дожидаясь ответа, бросился головой в Снежедь.

Славка дважды показывался над водой, встряхивал головой, отфыркивался и, набрав воздуха, снова нырял на дно. Наконец, поймав Степку за ногу, он вынырнул и, заикаясь от радости, крикнул:

— Сома поймал! Во какой сом! Держите.

Степку бледного, посиневшего, с трудом вытащили на берег и стали отхаживать, заламывая руки и ноги. Несчастный издал слабый вздох, нервно заикался и стал рваться водой. На щеках его выступил румянец, и девочки захлопали в ладоши:

— Жив! Жив Степка!

А Степка долго еще лежал на берегу, приходя в себя. Оказалось, он хотел показать свою удаль, нырнул с берега, да слишком близко, ударился головой о корягу, а дальше ничего не помнит.

Ребята обнаружили старое, затянувшееся травой кострище и запрыгали от радости:

— Вот это место! Вот оно! Еще травой не заросло. Ведь правда? — искали они у меня поддержки.

— Это оно, без сомнения! — рассмеялся я.

Ребята разожгли костер, сварили уху и, обжигая и облизывая губы, стали уплетать ее, нахваливая:

— Вот это ушица! Вот это вещь!

Давно стемнело, давно опустилась ночь, а ребята все еще не расходились, все сидели, рассказывая смешные истории, и возбужденные ребячьи лица, освещенные пламенем костра, сияли от счастья.

В реке плескалась рыба, в стороне фыркали лошади, за деревней тарахтел трактор, а над самой головой ярко горели звезды.

— Красота! — восхищались ребята, отыскивая ковшик Большой Медведицы и родную Полярную звезду.

— А у нас в Оленегорске лучше! — расчувствовался Степка.

— Нашел, чем хвастаться! — передразнил его Славка. — То ли дело — Мончегорск: сосны, сопки, поглядишь, аж голова закружится! Ребята уснули далеко за полночь.

Рано утром мы нежно распрощались с Бежиным лугом и заторопились в Тургенево, родовое село Ивана Сергеевича, где нас уже ожидал лагерный автобус. Всю дорогу слышались шутки, стоял смех, не смолкали песни. Славка и Степка сидели рядом, рассеянно глядели в окно и мирно молчали.

Чужая беда

1

Ядреный морозец цепко схватил землю, посеребрил густую свалявшуюся озимь, опушил инеем оголенные, озябшие березы.

Из-за леса робко, словно извиняясь за свое опоздание, выглянуло солнце, пригрело помятую, скомканную отаву, и па высоких, голенастых стеблях конского щавеля, опущенных белой бахромой, игриво переливаясь, заблестели прозрачные капельки.

Луговая тропинка вильнула вправо от обрыва, словно боясь сорваться в пего, а потом нырнула в лес, в кусты орешника, карабкаясь наискосок в горку.

Я вышел на опушку леса, перевел дыхание, осмотрелся и двинулся через поле, по жнивью, в сторону дереvушки, возникшей на пологом склоне, над речкой. Неглубокой канавой, что тянулась в конце огородов, я спустился вниз к речке и оказался возле той самой школы, где учился Слава Скворцов. Не успел я войти в коридор, как раздался звонок с урока.

Плотная, круглая, как колобок, женщина выкатилась из класса и робко протянула мне короткую пухлую руку, перепачканную мелом.

— Мария Петровна Перекатова, — смутившись, отрекомендовалась она и поинтересовалась: — Л вы, наверно, новый инспектор?

— Не волнуйтесь, Мария Петровна,—дружелюбно сказал я, заметив, как запылало ее полное, округлое лицо.— Меня интересуют не столько уроки, сколько Слава Скворцов.

Мария Петровна сразу приободрилась и хотела тут же позвать Славу, но я удержал ее за руку:

— Не надо, не тревожьте сейчас мальчишку. Лучше вызовите его отвечать, я посмотрю, каков он. Что у вас дальше? Чтение? Вот и хорошо.

Мария Петровна больше всего боялась, что завернет инспектор, заглянет на урок, начнет перебирать косточки: все хорошо, скажет, методически правильно, а вот воспитательный момент — слабоват. Она усердно натаскивала ребятишек, даже первоклашек, постоянно внушала им: «Ваша главная задача, ваш долг и обязанность — прилежно учиться, любить труд, уважать старших». Ребята давно усвоили эту истину, привыкли к этому вопросу и заранее знали, с чего Мария Петровна начнет урок. А Мария Петровна, желая блеснуть сознательностью своих учеников, спросила:

— Ребятки, ваша главная задача — какая? Потянулись руки: одни — нетерпеливые, другие — робкие, неуверенные.

— Ну, Слава, скажи.

Лобастый мальчишка встал, смутился, опустил голову.

— Спокойно, Слава, не волнуйся,— ободрила его Мария Петровна.

Слава поднял глаза и отвел их в сторону. Мальчишка помолчал, подумал, вспомнив, что Мария Петровна всегда подчеркивает: «Владимир Ильич завещал вам: «Учиться, учиться и учиться!»—ответил:

— Мы должны до седьмого пота учиться, не прятаться от работы, не обманывать своих родителей.

Я не мог удержаться от улыбки, услышав наивные и верные Славкины рассуждения.

После уроков, когда ребятишки, схватив свои портфели и сумки, смачно похрустывая яблоками, заспешили по домам, я поделился своими впечатлениями о мальчишке:

— Вы чувствуете, какой понятливый, самодумный этот Слава Скворцов! С наперсток, а как рассуждает: мал золотник, да дорог!

Мария Петровна приятно заулыбалась, приняв мою похвалу и в свой адрес, но я откровенно заметил:

— Марин Петровна, голубушка, хороший вы человек, по будете еще лучше, если умерите свои назидательный пыл.

— Я поняла, учту, постараюсь, — скороговоркой, оправдываясь, заверила она и, выглянув в коридор, спохватилась: - Батюшки! А Славку-то я забыла задержать.

— Не велика беда! — успокоил я Марию Петровну. — Я сознательно не стал с ним беседовать здесь, чтобы не смущать его. Мы лучше сходим к нему домой. С кем он сейчас живет?

— С кем живет-то? — засуетилась Мария Петровна, наводя порядок на рабочем столе.— С тетей Дашей, старшей сестрой матери. Пойдемте, пожалуй.

Дорогой Мария Петровна поведала мне, как все случилось.

С утра погода хмурилась, дул резкий, порывистый ветер. Крупный, перемешанный с градом дождь, разбежавшись по открытому полю, словно ошалелый, наскакивал на деревню и, перепрыгнув через крыши домов, мчался дальше, в сторону леса, а потом, перед самым обедом, солнце, растолкав лохматые тучи, вышло на середину неба и улыбнулось загрустившим было людям по-праздничному щедро и широко.

В десять часов, когда начался торжественный парад войск на Красной площади, отец включил телевизор. Слава подвинул поближе стул и до рези в глазах стал всматриваться в переливающееся, рябящее снежными полосами выпуклое зеркало, а когда на площадь выкатились огромные, длиннющие ракеты, он заерзал, захлопал в ладоши и завопил:

— Ой, мамочка, посмотри какие!

— Некогда, сынок, некогда, - отговорила мать, скосив глаза на экран. Ей в самом деле было не до ракет. Она с раннего утра хлопотала по хозяйству, наводила порядок в доме, мыла посуду, пекла пышки, варила курятину, два раза бегала в погреб то за огурцами, то за мочеными яблоками. Мать знала, что гостей будет много, что встретить их надо по-людски, угостить на славу, от души, чтобы они почувствовали, что родители ничего не жалеют ради своего единственного сына, тем более, что у него сегодня день рождения: девять стукнуло.

Перед обедом потянулись гости: друзья, знакомые, соседи, уже захмелевшие, веселые, возбужденные. Они врывались в дом, тормозили Славу, трепали по вихрам, хватили за уши: «Расти большой». Слава еле отбивался от назойливых гостей и смущенно принимал подарки: блестящую шелковую рубашку, авторучку, портфель, лыжи, а тетя Даша расщедрилась и вручила ему новенькие часики.

— Позавидуешь тебе, Славка! — расчувствовалась она. — В такой день родиться! Не всякому выпадает такое счастье.

Мать благодарно, сияя от радости, смотрела на гостей, на сына, нежно улыбалась мужу.

Долго веселились гости: балагурили, горланили песни, задавали такого трепака, что дом ходил ходуном. Разошлись, разбрелись они поздно, в полночь. В доме было накурено, натоптано, намусо-рено. «Ладно, не без этого,— утешила себя Славкина мать,— завтра уберу». Она уложила сынишку в кровать, укрыла его теплым одеялом, а сама полезла на печку, где потеплее, и, намаявшись за день, уснула мертвым сном.

Дверь весь вечер не закрывали, дом настудился, было холодно. Отец, зябко поживаясь, засыпал в печь побольше угля и, забыв открыть трубу, завалился спать.

Утром, мучаясь от головной боли, сосед зашел выпить кваску: открыл дверь и отпрянул — чуть с ног не сбило дымом и чадом.

Родителей сняли с печки мертвыми, а Слава лежал в кровати едва дыша. Его в беспомощности доставили в районную больницу. Врачи сделали все, чтобы отходить мальчика. Вскоре он поправился и вернулся домой.

Все заботы о мальчике взяла на себя тетя Даша, сестра покойной. Прошло уже полмесяца после того нелепого случая. В школе старались не вспоминать о нем, и Слава помаленьку стал забывать свое горе.

Мне не терпелось увидеть тетю Дашу, потолковать с ней по душам. За разговором мы не заметили, как подошли к добротному кирпичному дому, что стоял в конце деревни. У крыльца нас встретила высокая худощавая женщина с грубоватым обветренным лицом. Увидев нас, она бросила рубить дрова, положила топор, выпрямилась и с любопытством уставилась на нас.

— Бог помощь! — по-свойски приветствовала ее Мария Петровна.— Как поживаете, Дарья Ивановна? Привыкаете на новом месте? А мы вот зашли проведать вас и Славу.

— Спасибо, Мария Петровна, спасибо, — засуетилась тетя Даша. — Заходите, милости просим.

3

Дарья Ивановна, или тетя Даша, как ее уважительно звали в деревне, выглядела много старше своих неполных пятидесяти лет. Одинокая вдовья жизнь, бесконечные хлопоты по хозяйству, частые сердечные приступы наложили свой отпечаток на ее лицо, изрезав его глубокими морщинами.

Муж Дарьи Ивановны не вернулся с войны. На ее руках осталось четверо детей. Трудно было одной растить и воспитывать их. В непрерывных заботах не заметила, как дети выросли и разлетелись из родного гнезда. Все выучились, вышли в люди, обзавелись семьями. Мать не забывали, к праздникам присылали красивые открытки и подарки, а навещали редко.

Жила тетя Даша в старенькой покосишейся избенке с почерневшей соломенной крышей. Намается за день на работе, сядет вечером на коник, положит на стол свои отяжелевшие руки и, закрыв усталые веки, слушает неумолкающую трескотню сверчков. Часто, заскучав в одиночестве, она закрывала дверь на засов и уходила вечерами к сестре, чтобы развеять нахлынувшую тоску, поговорить о житье-бытье, потрепать по вихрам племянника, а заодно написать вместе с ним письмецо сыну или дочери.

Внезапная смерть сестры оглушила Дарью Ивановну, как обухом по голове. Едва оправившись от похорон, она заспешила в больницу за Славой. Мальчик уже был здоров, и она забрала его домой.

— Тетя Даша, а почему мамка с папкой ни разу не проведали меня? — с нескрываемой обидой в голосе спросил Слава, когда они вышли за ограду больницы.

У Дарьи Ивановны задрожали губы и похолодело в груди, но она, еле сдерживая слезы, успокоила его:

— Знаешь, Слава, а ведь они тоже угорели, только их отвезли в участковую больницу. Не горюй: они скоро вернутся.

Приехав домой, Дарья Ивановна ни на минуту не отходила от мальчика: ласкала, шутила, рассказывала сказки. Слава до самого вечера просидел у окна, поглядывая на

дорогу, ожидая, что вот-вот покажутся мать и отец, а их все не было и не было. Мальчишка не вытерпел, захныкал: — Ну когда же они приедут?

Тетя Даша отвернулась, словно не расслышала, вытерла рукавом глаза и загремела в печке посудой. Перед самым, вечером она отлучилась из дома подоить корову. Слава выпорхнул на улицу, увидел своего дружка и похвалился:

— Я уже совсем здоровый, завтра в школу пойду, а сейчас иду встречать папку с мамкой.

Дружок, ничего не понимая, заморгал, захлопал глазенками и бухнул:

— Разве ты не знаешь, что их похоронили? Известие это было настолько неожиданным и ошеломляющим, что оно не вместилось в Славкиной головенке: мальчишка вскрикнул, как ужаленный, посмотрел на дружка испуганными глазами и тут же рассмеялся:

— Дурак!

— Сам ты дурак! — искренне обиделся дружок. Обида была такой горячен и неподдельной, что Слава поверил: правда! Он сорвался с места и побежал по деревне, крича и махая руками.

Тетя Даша подхватила его на руки и крепко прижала к груди.

— Весь вечер Слава бился в горячке, а потом затих и уснул у меня на коленях, — рассказывала сейчас Дарья Ивановна. — А утром за ним зашли ребята и увели в школу.

Горе и боль постепенно притуплялись, Слава все больше привязывался к тете Даше, а иногда, забывшись, разгоряченно-радостный кричал с порога:

— Мам, я пятерку получил!

Прощаясь с нами, Дарья Ивановна всхлипывала и заверяла:

— За Славу не беспокойтесь: я вместо матери ему. Четверых вырастила, выхожу этого.

Я вернулся в роно и рассказал обо всем Софье Андреевне. Она внимательно и грустно выслушала меня и согласилась:

— Этой женщине можно доверить мальчика. Надо усыновить. Лучше не придумаешь.

Домой я пришел совершенно расстроенный, с тяжелой головой лег в постель. Долго не мог сомкнуть глаз и только перед рассветом забылся. Мне снился Слава: он сидел у окна родительского дома, прислонившись щекой к холодному стеклу, и глядел на дорогу, терпеливо ожидая мать и отца.

Ромашка

1

Ядреный морозец цепко схватил землю, посеребрил густую свалявшуюся озимь, опушил инеем оголенные, озябшие березы.

Из-за леса робко, словно извиняясь за свое опоздание, выглянуло солнце, пригрело помятую, скомканную отаву, и па высоких, голенастых стеблях конского щавеля, опушенных белой бахромой, игриво переливаясь, заблестели прозрачные капельки.

Луговая тропинка вильнула вправо от обрыва, словно боясь сорваться в пего, а потом нырнула в лес, в кусты орешника, карабкаясь наискосок в горку.

Я вышел на опушку леса, перевел дыхание, осмотрелся и двинулся через поле, по жнивью, в сторону деревушки, возникшей на пологом склоне, над речкой. Неглубокой канавой, что тянулась в конце огородов, я спустился вниз к речке и оказался возле той самой школы, где учился Слава Скворцов. Не успел я войти в коридор, как раздался звонок с урока.

Плотная, круглая, как колобок, женщина выкатилась из класса и робко протянула мне короткую пухлую руку, перепачканную мелом.

— Мария Петровна Перекатова,— смутившись, отрекомендовалась она и поинтересовалась:— Л вы, наверно, новый инспектор?

— Не волнуйтесь, Мария Петровна,— дружелюбно сказал я, заметив, как запыхало ее полное, округлое лицо.— Меня интересуют не столько уроки, сколько Слава Скворцов.

Мария Петровна сразу приободрилась и хотела тут же позвать Славу, но я удержал ее за руку:

— Не надо, не тревожьте сейчас мальчишку. Лучше вызовите его отвечать, я посмотрю, каков он. Что у вас дальше? Чтение? Вот и хорошо.

Мария Петровна больше всего боялась, что завернет инспектор, заглянет на урок, начнет перебирать косточки: все хорошо, скажет, методически правильно, а вот воспитательный момент — слабоват. Она усердно натаскивала ребятишек, даже первоклашек, постоянно внушала им: «Ваша главная задача, ваш долг и обязанность — прилежно учиться, любить труд, уважать старших». Ребята давно усвоили эту истину, привыкли к этому вопросу и заранее знали, с чего Мария Петровна начнет урок. А Мария Петровна, желая блеснуть сознательностью своих учеников, спросила:

— Ребятки, ваша главная задача — какая? Потянулись руки: одни — нетерпеливые, другие — робкие, неуверенные.

— Ну, Слава, скажи.

Лобастый мальчишка встал, смутился, опустил голову.

— Спокойно, Слава, не волнуйся,— ободрила его Мария Петровна.

Слава поднял глаза и отвел их в сторону. Мальчишка помолчал, подумал, вспомнив, что Мария Петровна всегда подчеркивает: «Владимир Ильич завещал вам: «Учиться, учиться и учиться!»—ответил:

— Мы должны до седьмого пота учиться, не прятаться от работы, не обманывать своих родителей.

Я не мог удержаться от улыбки, услышав наивные и верные Славкины рассуждения.

После уроков, когда ребятишки, схватив свои портфели и сумки, смачно похрустывая яблоками, заспешили по домам, я поделился своими впечатлениями о мальчишке:

— Вы чувствуете, какой понятливый, самодумный этот Слава Скворцов! С наперсток, а как рассуждает: мал золотник, да дорог!

Мария Петровна приятно заулыбалась, приняв мою похвалу и в свой адрес, но я откровенно заметил:

— Марин Петровна, голубушка, хороший вы человек, по будете еще лучше, если умерите своп назидательный пыл.

— Я поняла, учту, постараюсь, — скороговоркой, оправдываясь, заверила она и, выглянув в коридор, спохватилась: - Батюшки! А Славку-то я забыла задержать.

— Не велика беда! — успокоил я Марию Петровну. — Я сознательно не стал с ним беседовать здесь, чтобы не смущать его. Мы лучше сходим к нему домой. С кем он сейчас живет?

— С кем живет-то? — засуетилась Мария Петровна, наводя порядок на рабочем столе.— С тетей Дашей, старшей сестрой матери. Пойдемте, пожалуй.

Дорогой Мария Петровна поведала мне, как все случилось.

2

С утра погода хмурилась, дул резкий, порывистый ветер. Крупный, перемешанный с градом дождь, разбежавшись по открытому полю, словно ошалелый, наскакивал на деревню и, перепрыгнув через крыши домов, мчался дальше, в сторону леса, а потом, перед самым обедом, солнце, растолкав лохматые тучи, вышло на середину неба и улыбнулось грустившим было людям по-праздничному щедро и широко.

В десять часов, когда начался торжественный парад войск на Красной площади, отец включил телевизор. Слава подвинул поближе стул и до рези в глазах стал всматриваться в переливающееся, рябящее снежными полосами выпуклое зеркало, а когда на площадь выкатились огромные, длиннющие ракеты, он заерзал, захлопал в ладоши и завопил:

— Ой, мамочка, посмотри какие!

— Некогда, сынок, некогда, - отговорила мать, скосив глаза на экран. Ей в самом деле было не до ракет. Она с раннего утра хлопотала по хозяйству, наводила порядок в доме, мыла посуду, пекла пышки, варила курятину, два раза бегала в погреб то за огурцами, то за мочеными яблоками. Мать знала, что гостей будет много, что встретить их надо по-людски, угостить на славу, от души, чтобы они почувствовали, что родители ничего не жалеют ради своего единственного сына, тем более, что у него сегодня день рождения: девять стукнуло.

Перед обедом потянулись гости: друзья, знакомые, соседи, уже захмелевшие, веселые, возбужденные. Они врывались в дом, тормошили Славу, трепали по вихрам, хватали за уши: «Расти большой». Слава еле отбивался от назойливых гостей и смущенно принимал подарки: блестящую шелковую рубашку, авторучку, портфель, лыжи, а тетя Даша расщедрилась и вручила ему новенькие часики.

— Позавидуешь тебе, Славка! — расчувствовалась она.— В такой день родиться! Не всякому выпадает такое счастье.

Мать благодарно, сияя от радости, смотрела на гостей, на сына, нежно улыбалась мужу.

Долго веселились гости: балагурили, горланили песни, задавали такого трепака, что дом ходил ходуном. Разошлись, разбрелись они поздно, в полночь. В доме было накурено, натоптано, намусо-рено. «Ладно, не без этого,— утешила себя Славкина

мать,— завтра уберу». Она уложила сынишку в кровать, укрыла его теплым одеялом, а сама полезла на печку, где потеплее, и, намаявшись за день, уснула мертвым сном.

Дверь весь вечер не закрывали, дом настудился, было холодно. Отец, зябко поживаясь, засыпал в печь побольше угля и, забыв открыть трубу, завалился спать.

Утром, мучаясь от головной боли, сосед зашел выпить кваску: открыл дверь и отпрянул — чуть с ног не сбило дымом и чадом.

Родителей сняли с печки мертвыми, а Слава лежал в кровати едва дыша. Его в беспомощности доставили в районную больницу. Врачи сделали все, чтобы отходить мальчика. Вскоре он поправился и вернулся домой.

Все заботы о мальчике взяла на себя тетя Даша, сестра покойной. Прошло уже полмесяца после того нелепого случая. В школе старались не вспоминать о нем, и Слава помаленьку стал забывать свое горе.

Мне не терпелось увидеть тетю Дашу, потолковать с ней по душам. За разговором мы не заметили, как подошли к добротному кирпичному дому, что стоял в конце деревни. У крыльца нас встретила высокая худощавая женщина с грубоватым обветренным лицом. Увидев нас, она бросила рубить дрова, положила топор, выпрямилась и с любопытством уставилась на нас.

— Бог помощь! — по-свойски приветствовала ее Мария Петровна.— Как поживаете, Дарья Ивановна? Привыкаете на новом месте? А мы вот зашли проведать вас и Славу.

— Спасибо, Мария Петровна, спасибо, — засуетилась тетя Даша. — Заходите, милости просим.

3

Дарья Ивановна, или тетя Даша, как ее уважительно звали в деревне, выглядела много старше своих неполных пятидесяти лет. Одинокая вдовья жизнь, бесконечные хлопоты по хозяйству, частые сердечные приступы наложили свой отпечаток на ее лицо, изрезав его глубокими морщинами.

Муж Дарьи Ивановны не вернулся с войны. На ее руках осталось четверо детей. Трудно было одной растить и воспитывать их. В непрерывных заботах не заметила, как дети выросли и разлетелись из родного гнезда. Все выучились, вышли в люди, обзавелись семьями. Мать не забывали, к праздникам присылали красивые открытки и подарки, а навещали редко.

Жила тетя Даша в старенькой покосишейся избенке с почерневшей соломенной крышей. Намается за день на работе, сядет вечером на коник, положит на стол свои отяжелевшие руки и, закрыв усталые веки, слушает неумолкающую трескотню сверчков. Часто, заскучав в одиночестве, она закрывала дверь на засов и уходила вечерами к сестре, чтобы развеять нахлынувшую тоску, поговорить о житье-бытье, потрепать по вихрам племянника, а заодно написать вместе с ним письмецо сыну или дочери.

Внезапная смерть сестры оглушила Дарью Ивановну, как обухом по голове. Едва оправившись от похорон, она заспешила в больницу за Славой. Мальчик уже был здоров, и она забрала его домой.

— Тетя Даша, а почему мамка с папкой ни разу не провели меня? — с нескрываемой обидой в голосе спросил Слава, когда они вышли за ограду больницы.

У Дарьи Ивановны задрожали губы и похолодело в груди, но она, еле сдерживая слезы, успокоила его:

— Знаешь, Слава, а ведь они тоже угорели, только их отвезли в участковую больницу. Не горюй: они скоро вернутся.

Приехав домой, Дарья Ивановна ни на минуту не отходила от мальчика: ласкала, шутила, рассказывала сказки. Слава до самого вечера просидел у окна, поглядывая на дорогу, ожидая, что вот-вот покажутся мать и отец, а их все не было и не было. Мальчишка не вытерпел, захныкал: — Ну когда же они приедут?

Тетя Даша отвернулась, словно не расслышала, вытерла рукавом глаза и загремела в печке посудой. Перед самым, вечером она отлучилась из дома подоить корову. Слава выпорхнул на улицу, увидел своего дружка и похвалился:

— Я уже совсем здоровый, завтра в школу пойду, а сейчас иду встречать папку с мамкой.

Дружок, ничего не понимая, заморгал, захлопал глазенками и бухнул:

— Разве ты не знаешь, что их похоронили? Известие это было настолько неожиданным и ошеломляющим, что оно не вместились в Славкиной головке: мальчишка вскрикнул, как ужаленный, посмотрел на дружка испуганными глазами и тут же рассмеялся:

— Дурак!

— Сам ты дурак! — искренне обиделся дружок. Обида была такой горячен и неподдельной, что Слава поверил: правда! Он сорвался с места и побежал по деревне, крича и махая руками.

Тетя Даша подхватила его на руки и крепко прижала к груди.

— Весь вечер Слава бился в горячке, а потом затих и уснул у меня на коленях, — рассказывала сейчас Дарья Ивановна. — А утром за ним зашли ребята и увели в школу.

Горе и боль постепенно притуплялись, Слава все больше привязывался к тете Даше, а иногда, забывшись, разгоряченно-радостный кричал с порога:

— Мам, я пятерку получил!

Прощаясь с нами, Дарья Ивановна всхлипывала и заверяла:

— За Славу не беспокойтесь: я вместо матери ему. Четверых вырастила, выхожу этого.

Я вернулся в роно и рассказал обо всем Софье Андреевне. Она внимательно и грустно выслушала меня и согласилась:

— Этой женщине можно доверить мальчика. Надо усыновить. Лучше не придумаешь.

Домой я пришел совершенно расстроенный, с тяжелой головой лег в постель. Долго не мог сомкнуть глаз и только перед рассветом забылся. Мне снился Слава: он сидел у окна родительского дома, прислонившись щекой к холодному стеклу, и глядел на дорогу, терпеливо ожидая мать и отца.

Дубок

1

Лаборантка вечерней школы Люба Мореходова, бойкая, смешная, белобрысая девчушка, влетела в инспекторскую и застрекотала, как сорока:

— А у нас завтра выпускной! Приглашаем всех. Вот билеты. Обязательно приходите, не пожалеете: весело будет. Ей-богу, не пожалеете, — она засуетилась по комнате, вручая пригласительные, а подойдя к моему столу, смутилась, покраснела, заулыбалась: —А вам персональный! В знак особого уважения,— пошутила она. — Только не от меня, а от Володьки Дубкова. Смотрите, какой «разрисованный»: перекресток, машина, семафор. Вот чудак! У него болезнь: машины, дороги, перекрестки — на всех тетрадах и учебниках. Понятно: сам шофер, сам рисует. Его оговаривали, стыдили, а он, хоть кол на голове теши, все равно малюет: выслушает, согласится, что, правда, нехорошо, по-детски это, а сам расхохочется и опять за свое. Взяли и поручили ему оформить билеты, он и рад стараться: на одном подснежник нарисовал, на другом — ветку сирени, а вам почему-то вот это самое! - лукаво подмигнула Люба. — Наверно, вспомнил что-нибудь, — улыбнулся я, догадавшись.

Володька Дубков, плотный, кряжистый парень с приятным смуглым лицом и живыми карими глазами, заинтересовал и подкупил меня с первой встречи своей мальчишеской откровенностью, прямоотой, решимостью.

Где-то в начале октября Софья Андреевна сказала мне:

— Сходите в среднюю школу. Там вечером комсомольское собрание. Два десятиклассника совершили довольно дерзкий и глупый проступок. Наверно, будет много шума. Посмотрите, чтобы не перегнули палку.

Собрание действительно было бурным. Ученики, особенно девчонки, шумели, спорили, горячились, говорили резко, занозисто, категорично.

— Дубок вечно выхваляется, хочет показать, что он лучше всех водит машину. Вообразил себе: шофер первоклассный, все позволено, лихач какой!

— А не подумал своей дубовой башкой, когда выезжал из ворот, что прав нет. Всякое могло случиться: и авария, и жертвы.

— Петра Макаровича подвел, школу опозорил. Ему наплевать на всех, ни с кем не считается.

— Выгнать его из школы! Вместе с Пашковым. Одной веревочкой связаны.

Выступления становились все обрывистей и злей, а реплики все смешнее и обиднее. Сенька Пашков сидел, слушал, опустив голову. Володька, конечно, здорово волновался, ему было неприятно все это слышать, он сознавал свою вину, готов был извиниться, но когда кто-то из девчонок крикнул: «Из школы выгнать!» — он вскочил, как ужаленный, хотел возмутиться, но сдержался и притворно-обиженным голосом сказал:

— Умоляю вас, ради бога, не выгоняйте. Не утруждайте себя, пожалуйста. Я сам уйду, а вы еще ходите за мной.

Все возмутились неожиданной Володькиной выходкой, а я воспользовался замешательством ребят и спокойно, доброжелательно посоветовал:

— Конечно, Дубков виноват, крепко виноват: и перед Петром Макарычем, и перед вами, и перед школой. Но с кем не бывает греха, кто не ошибается, кто не делает глупостей. По-моему, надо простить: Володя все понял, все осознал, просто ему стыдно, вот он и огрызается.

Из школы мы вышли вместе с Лубковым, нам оказалось по пути. Я знал по опыту: бывает, что не решишь па серьезном и долгом собрании, можно быстро и просто утрясти в другом месте. Прервав неловкое молчание, я сказал Володьке откровенно:

— Знаешь, Дубков, все пройдет, все перемелется, а бросать школу, доучившись до десятого, нелепо и глупо.

Володька замедлил шаг, помолчал, раздумывая, и решительно отрезал:

— Все, баста! Я давно думал об этом, думал и колебался, а теперь - бесповоротно. Был бы отец - еще полбеды. Но батя в прошлом году попал в аварию, месяц проскрипел и — умер. Осталось пятеро, мать одна мыкается, бьется как рыба об лед, едва концы с концами сводим. Я самый старший, надеяться больше не на кого, надо совесть иметь, устроюсь куда-нибудь. А что аттестат даст? Зрелость? Я и так давно созрел, слава богу, скоро восемнадцать.

— Ты ошибаешься, Дубков! — выслушав запальчивую Володькину исповедь, горячо возразил я. — С аттестатом смелей и уверенней будешь чувствовать себя на земле.

— Увереннее? - ехидно усмехнулся Володька. — Как эти дуры набитые... громкими фразами. Знаю я их: спесь индюшачья, а мозги куриные, только и берут. что зубрежкой. Слышали, как они умно рассуждали, зло обличали, уверенно держались? Нет, плевать мне на такую уверенность!

Я понял, что разубеждать Володьку бесполезно: сам не терплю ученой назойливости.

— Смотри, тебе видней, ты не маленький! — сдался я. — Будет трудноато, заходи, помогу подыскать работу.

2

Володька и Сенька, наскоро позавтракав, заторопились в школу, чтобы ровно в девять быть у гаража. Они обежали школьный двор, заглянули в кабинет машиноведения — учителя нигде не оказалось.

Петр Макарович Петрушин, преподаватель автодела, человек насмешливый, строгий, исключительно точный, почему-то задержался дома. Месяц назад пришел он к директору школы и посоветовал:

— Как-то нескладно получается. Второй год стоит машина в гараже, вроде новенькая, блестит, а выехать нельзя, с места не сдвинуть. От ребят стыдно: толкуешь-толкуешь им на уроке, плакаты показываешь, детали разбираешь, а приведешь в гараж, облепят, как мухи, посмотрят, повздыхают, хочется за руль сесть, покрутить, покататься,—так стоп, руки опускаются, интерес пропадает, — сокрушался учитель.

— Петр Макарович, дорогой ты мой! — вздохнул тяжело директор, разводя руками.—Понимаю вас, вполне понимаю, согласен. Нескладно это, очень даже

нескладно: есть машина и нет машины, а она вот так нужна, позарез! — директор вскинул руку к подбородку. — И ребятам нужна, и школе. Надо что-то придумать: и с шефами поговорю, и с бухгалтерией. Достанем запасные части, обязательно достанем, — пообещал подобревший директор. — Без машины, как без рук. Вы только постарайтесь подлечить ее на совесть, основательно, чтобы можно было ездить, не смешить людей. Если потребуется помощник, и его найду.

— Не нужно никакого помощника! — замахал руками Петр Макарович. — Я все сделаю сам, да и ребята у меня есть толковые, в технике разбираются.

Петр Макарович поведал ребятам о своем крупном разговоре с директором, они наперебой вызвались помогать.

— Можно и после уроков! - загорелся Володька Дубков.

— Можно и в воскресенье, - подхватил Сенька Пашков, тоже заядлый автолюбитель.

Дело закрутилось колесом. Шефы подбросили два ската, правда, не новенькие, изрядно стертые, но не совсем лысые, еще ходят. В «Сельхозтехнике» выпросили исправный радиатор, а знакомые шофера достали тормозные колодки. Вот до кабины только (руки не дошли: спидометр помалкивал, а другие приборы безбожно ввали, но это полбеды, без них можно обойтись.

Целый месяц хлопотал Петр Макарович с ребятами, колдовал над машиной, звенел ключами, охаживал ее. Все было сделано по-людски, оставалось только пройти техосмотр да номера получить.

Пробный выезд был назначен на воскресенье.

Петр Макарович, чтобы не поднимать шум не создавать излишнюю суету, шепнул об этом по секрету только Володьке и Сеньке.

3

— Видно, не придет Петр Макарович! — сокрушался Володька. — Что-нибудь дома случилось.

— Придет! — не терял надежду Сенька.— Все равно придет: если некогда, скажет, чтобы шли домой. Давай пока выгоним машину во двор.

— Ты что, спятил? — набросился на него Володька.— Он тебя так распетрушит, что забудешь про машину. Да и гараж .нечем открыть.

— Вот еще загвоздка! — самоуверенно хмыкнул Сенька. — Гвоздем запросто откroю, не в первый раз.

«Ну и ловкач! — подивился про себя Володька, ему даже завидно стало. — Ладно, зато я буду выгонять», — успокоил он себя.

Бензину в баке было на доньшке, а кладовку, где была полная бочка, открыть не удалось, несмотря на все Сенькины старания и хитрости.

— Не горюй, Дубок! — прибодрил Сенька приунывшего было друга, чтобы как-то замять неловкость и оправдать свою неудачу. — Тут еще на десять километров хватит.

Дубок сел за руль, включил зажигание и нажал на стартер. Сенька распахнул ворота—машина выкатилась во двор.

- Дай-ка я попробую! - не терпелось Сеньке. Он водрузился за руль, сделал два круга по школьному двору и лихо затормозил.

Петра Макаровича все не было и не было, а ребята уже не могли удержаться от соблазна прокатиться по улице.

— Поедем к нему! — неожиданно предложил Сенька. — Узнаем, что с ним, а заодно похвалимся, что машина, как зверь.

— Что ты, опасно без номеров, рискованно, — возразил ему Дубок. — Тем более, что шоссе пересекать. Попутают, а мы без прав, без путевки.

— Трус ты, я вижу! — подзадорил его Сенька. — Выедем, оглядимся, проскочим как дважды два.

— А что? Может, правда, пронесет? — осмелел Дубок, задетый за живое. — Валяй!

Они выехали из школьных ворот, повернули направо, а подлетев к магистрали, осмотрелись и, незамеченные, пересекли ее.

Петр Макарович жил на самой окраине городка. Улица, по которой Сенька вел машину, была длинной, узкой, булыжной. Застоявшийся ГАЗ-51 резво мчался по ней, распугивая кошек и собак, высоко вскидывая зад на неровностях дороги, но Сенька крепко держался за руль, и машина шла довольно ровно.

Жена учителя опечалила ребят: — Извините, мальчики, Петра Макаровича дома нет. Он просил, чтобы я добежала до школы, предупредила вас, чтобы не ждали его, а я, как на грех, замешкалась по хозяйству, не успела. Петр Макарович срочно выехал в деревню: у него мать при смерти.

Ребята пригорюнились, посочувствовали и заспешили назад. За руль пересел Дубок. Он спокойно отпустил тормозную педаль, и машина плавно тронулась с места.

— Не тяни кота за хвост! — засопел недовольно Сенька. — Пришпорь.

Дубок дал газу—ветер засвистел в открытые окна кабины. Сердце замирало от радости. Охваченный азартом, он прижался грудью к рулю и восторженно произнес:

— И какой же русский не любит быстрой езды?

Влетев на перекресток, Дубок резко отпустил педаль, до отказа сбавил газ: мотор зачихал и заглох. Дубок попытался завести машину, но бесполезно: кончился бензин. Сенька выскочил из кабины, надеясь рукояткой на малых оборотах стянуть машину с шоссе.

Магистраль была шумной и оживленной. Через несколько минут по обе стороны скопились машины, запрудили улицу, задержали движение. Шофера вылезали из кабин и, узнав, в чем дело, недовольно хмурились и ругались: «Эх, ты, желторотый!»

Заметив скопление машин, подлетел на мотоцикле автоинспектор.

— Что тут такое произошло? — зашумел он, направляясь к Дубку. — Чья машина? Почему без номеров? За это не только талон проколоть! — возмутился он. — Права отберу. Ах, и прав нету?

Ребята не на шутку перетрусили: оправдываться было бесполезно. Машину стянули с шоссе, заправили и отогнали в автодорожную милицию. Утром в школе был страшный переполох: директор хватался за голову, а Петр Макарович виновато топтался на месте и вздыхал.

Дубок оказался упрямым: в школе он больше не появился. Его осаждали учителя, одноклассники, Сенька: упрекали, уговаривали, убеждали.

— Ты с ума сошел: десять лет коту под хвост...

— А ты о матери подумал? Ждала, надеялась, верила: выучится сын, пойдет работать, станет помогать.

— Сам виноват: тише будешь — дальше уедешь!

Дубок внимательно слушал, делал озабоченно-серьезный вид, вроде даже соглашался:

— Правда, мальчики, погорячился, зря, глупо! — разыгрывал он их. — Окончил бы десятилетку, получил бы аттестат зрелости, а там куда твоей душе захочется: все пути-дороги открыты! И о матери не подумал, верно. И дуюсь напрасно: сам виноват! — признался он и, увидев сочувствующие, сожалеющие взгляды, зло сказал: — Знаете что, умники, не утруждайте себя, зря время тратите, все ваши слова на ветер. Оставьте меня, пожалуйста, в покое. Я все равно не приду. Это твердо и бесповоротно.

Ребята непонимающе разводили руками и уходили от него, обиженные и злые, а директор, услышав об упрямстве Дубкова, возмущался:

— Напрасно мы его тогда приняли, когда он вернулся из техникума, не солоно хлебавши.

Дубок еще после восьмого не хотел идти в девятый. Он попытался поступить в автодорожный техникум, но провалился на экзаменах, вернулся домой крепко огорченный неудачей и, чтобы не пропал год, пошел в школу, в девятый. Учился он неохотно, перебивался с тройки на четверку, особенно не горевал, если схватывал двойку, В классном журнале у него неизменно стояли пятерки только по рисованию и машиноведению. Рисовать он пристрастился еще в детском саду, со временем наловчился, получалось неплохо. Он испытывал явное тяготение к творчеству, к рукоделию: умело вырезал, выжигал, выпиливал. Окна его дома были украшены довольно забавными, замысловатыми вырезными узорами. С годами к этому пристрастию прибавилось и захлестнуло его увлечение машинами. Дубок зачитывался учебниками и пособиями для шоферов, знал все марки автомобилей. Нередко после уроков он убегал в гараж и помогал отцу ремонтировать машину. Отец часто, особенно летом, во время заготовок брал его с собой, иногда доверял ему даже баранку. Дубок давно мечтал самостоятельно сесть за руль. Теперь, после разрыва со школой, ему не терпелось осуществить свою заветную мечту.

Дубок направился в школу шоферов с твердым намерением поступить в нее, но его неожиданно огорчили:

Слушай, ведь ты еще несовершеннолетний, кто за тебя отвечать будет, да и занятия давно начались, подожди до следующего года.

Как ни упрашивал, как ни убеждал он руководителя, ему отказали наотрез. Дубок призадумался, загоревал, отчаялся. «Дело-табак! — решил он. — Все планы рушатся. Надо, пока не поздно, в вечерку».

Директор вечерней школы встретил его откровенно удивленным признанием:

— Пойми, не могу я тебя принять, не могу. Не хочу портить отношения с твоим прежним директором, будет коситься, жаловаться в роно. Да ведь ты и нигде не работаешь, а это школа рабочей молодежи! — развел он руками: мол, лучшей причины для отказа не придумаешь.

В разговор невольно вмешалась Володькина подружка Люба Мореходова, годом раньше окончившая школу, которую бросил Дубков.

— Я ручаюсь за него, — заверила она директора. — Он упрямый, наверстает, не пожалееете, что примете его, — настаивала она.

Любу директор уважал, ценил, верил ей, поэтому не смог отказать в просьбе.

Дубок обрадовался, что его приняли в вечернюю, но мысль о школе шоферов ни на минуту не покидала его, не давала ему покоя.

5

Я крайне удивился неожиданному появлению Дубкова, но встретил его дружелюбно, как старый приятель. Он откровенно, грубовато, с юморком и горечью поведал о своих мытарствах.

— Я подождал бы еще год, но жаль терять время, — посетовал он на свою неудачу. — Л я мог бы свободно закончить курсы, даже экстерном сдать.

Не долго думая, я схватил его за рукав и потащил в ДОСААФ, где у меня работали знакомые ребята.

— Мальчики, помогите! Пропадает первоклассный шофер, — взмолился я полусерьезно. — За возраст не беспокойтесь, ему скоро восемнадцать стукнет, а машину он знает назубок, уже имел возможность отличиться! — подмигнул я Володьке, намекая на дорожное приключение. — Он наверстает, без всякого сомнения догонит, — убеждал я их.

Дубок помчался в больницу за медицинской оправкой. Он ко всему был готов, но этого совершенно не ожидал: как снег на голову, свалилась беда. Дубок волновался и перепутал буквы. Врач приписал ему близорукость. Володька отчаялся: рушилась последняя надежда. Он пошел на риск: подослал своего двоюродного брата. Тому повезло — принимал другой врач.

Заполучив справку, Дубок примчался снова ко мне. О его выходке я узнал много позже, а сейчас опять пошел с ним в ДОСААФ. Оттуда позвонили в школу шоферов и уговорили руководителя принять Дубкова на курсы в качестве исключения. Руководитель упрямо возражал, но его убедили:

— Не беспокойтесь: этот парень всех за пояс заткнет!

Занятия в школе шоферов были в самом разгаре. Ребята напряженно занимались, дотошно изучали материальную часть, усердно зубрили правила уличного движения, безжалостно жгли бензин на разводке и на улицах городка.

Преподаватель, высокий, по-армейски подтянутый мужчина в черном кителе, выслушал меня и смерив Володьку беглым взглядом, недоверчиво покачал головой:

— Пустая затея, бесполезно пытаться: не сумеет догнать! Я вам сейчас, докажу на конкретном примере. Пройдите в класс, поприсутствуйте на занятии.

Он взял журнал, заглянул в него и обратился к ребятам:

— На чем мы вчера остановились? — спросил он, улыбаясь.

— На железнодорожном переезде, — дружно ответили они.

— В таком случае мы грубо нарушили правила уличного движения: надо немедленно очистить переезд, пока поезд не раздавил нас всмятку, — пошутил он и задал щекотливый вопрос: — Что должен сделать водитель, если у него на железнодорожном переезде отказал двигатель? А ну, скажи, Дубков.

«На перекрестке случилось, а на переезде — нет!» — промелькнуло у Володьки в голове. Он встал, заколебался, вызвав у преподавателя невольную улыбку, а потом подумал, оправился от смущения и дал четкий, продуманный и совершенно исчерпывающий ответ.

— Знаешь! - холодно одобрил его преподаватель.

Дубку было трудно: вечером он занимался в школе, а днем — на курсах. Он не пропускал ни одного занятия, подолгу простаивал у схем и плакатов, вдумчиво разбирая детали и узлы, ухитрялся раза два в день покрутить баранку.

— А ведь ты, Дубков, родился шофером. Весь в батю, — радовался инструктор и ставил пятерку в зачетную книжку по вождению.

В вечерней школе Дубок занимался с большим трудом. Ему помогали знакомые ребята, больше всех старались Сенька и Любка, но все равно ему приходилось туго. Он сразу почувствовал облегчение, словно гора с плеч свалилась, когда закончил курсы шоферов. Сияя от счастья, Володька смотрел на долгожданные, выстраданные коричневые корочки с заветным силуэтом автомобиля на обложке.

В автохозяйство Дубков устроился без особого труда.

Я пошел заказывать экскурсионный автобус и совершенно случайно увидел Володьку, когда он выезжал из ворот автохозяйства на главную магистраль, отправляясь в свой первый самостоятельный рейс.

Пушистые мартовские снежинки кружились в воздухе, без всякого разрешения садились в кузов, цеплялись за подножку, срывались и падали на дорогу под колеса спешивших машин.

Володька заметил меня. Скупая улыбка вспыхнула и погасла на его лице. Дубок быстро набирал скорость, уходил вперед, а я, забыв, за чем шел, стоял на обочине и смотрел ему вслед.

Меж двух огней

1

Я сам охотно хожу в эту окраинную городскую школу, просторную, светлую, веселую, с молодым яблоневым садом, с кудрявыми липами во дворе и буйством цветов под окнами, а сегодня мне позвонила Александра Ивановна и попросила:

— Зайдите, пожалуйста, на полчаса: очень нужно посоветоваться.

Александра Ивановна Смирнова, директор школы, невысокая женщина, с аккуратно зачесанными седыми волосами и усталым припухшим лицом, рано овдовела, своих детей у нее не было, родными и близкими стали для нее все эти

шустрые, любознательные ребяташки, которые учатся, растут, мужают на ее глазах. Она жила в постоянной тревоге за судьбу каждого питомца, поэтому ее крайне озадачило и опечалило поведение шестиклассницы Вали Поленовой.

— Мать поругалась с мужем, уехала на Урал, а теперь сходит с ума, слезно просит отправить к ней Валю, — заговорила Александра Ивановна, разъяряя мне суть дела. — Понимаете, очень трудно разобраться в чужой беде: кто прав, кто виноват? Лучше вот почитайте письмо матери. Для вас многое прояснится.

Я взял письмо и стал читать.

«Уважаемый товарищ директор!

Извините, что я не знаю, как Вас звать. Пишет Вам мать Поленовой Вали, которая учится у вас в шестом классе. Я места себе не нахожу, все думаю о ней. Дома за ней некому присмотреть. Наверно, ходит в школу неряхой и ворот грязный. Она у меня неопрятная и бойкая, за ней нужен глаз да глаз. В последнее время Валя совсем перестала меня слушаться. Я звала ее с собой, она отказалась, а теперь все говорят, что я ее бросила. Это неправда, поверьте мне: никакая мать не бросит свое дитё, а тем более, что она не родная отцу. Мне очень обидно за такую судьбу.

Может быть, на нее подействовали наши семейные ссоры и драки? Как она может жить с таким отцом, надеяться на него, уважать, если он все время бил ее, издевался надо мной? Она все видела, но скрывала ото всех, никому ничего не говорила.

Я уехала от безвыходного положения, даже не выписалась и не рассчиталась, не могла больше дня жить с таким человеком: двенадцать лет промучилась, а теперь решила все порвать. Ему нечего верить, он может наговорить, что угодно. Правда, со мной был один смешной случай, ну, мало ли что бывает с людьми, проходит время, человек исправляется.

Я просто не приложу ума. как быть. Он, конечно, женится, обзаведется другой семьей, Валя ему не нужна будет, отдаст ее в интернат, а я ни за что не соглашусь, она ведь не сирота, у нее есть мама, которая так горячо любит ее, так горько переживает. Пожалуйста, подействуйте на нее, она ведь пионерка, должна кому-то подчиниться. А с ним ее нельзя оставлять: он может все сотворить с девочкой.

Я приехала бы за ней сама, но боюсь показываться ему на глаза, он прибьет меня, а ведь у меня есть еще маленькая Галинка, да и не могу я приехать, все время болею, нигде не работаю, живу без копейки. Пусть Валя приезжает сама, ничего с ней не случится дорогой, а я ее встречу тут. Скажите ей, пожалуйста, чтобы она забрала все свои вещи и документы. К сему Жмуркина».

Я дочитал письмо, пробежал еще раз, задумался, пытаюсь докопаться до истины, но так и не смог.

— Знаете, Александра Ивановна, какое-то оно путаное, это письмо,— поделился я своими мыслями.— По-моему, эта Жмуркина в чем-то крепко виновата и перед мужем, и перед дочерью. Она понимает это, да не хочет признаться, раскаяться, вот и оправдывается, изворачивается, хитрит, разыгрывает из себя заботливую, нежную, несправедливо обиженную маму.

— Мне тоже так кажется,— согласилась Александра Ивановна.— У меня от первой встречи с ней осталось какое-то неловкое чувство.

Дело было так. В кабинет Александры Ивановны постучалась и вошла незнакомая женщина, еще молодая, лет тридцати, не более. Низенькая, круглая, белолицая. Глаза большие, серые, лукавые, так и бегают. Не женщина, а куколка-матрешка. Александра Ивановна взглянула на нее и подивилась: «Откуда такая красавица писаная?». Словно угадав ее мысли, женщина представилась:

— Мы только приехали сюда с Урала. Примите мою дочку в шестой класс.

Александра Ивановна посмотрела документы, задумалась.

— Вы не удивляйтесь, что у девочки другая фамилия, Поленова, она от первого мужа,— пояснила женщина, слегка смутившись.

С первым мужем Тоня Жмуркина прожила всего два года. Он умер нелепо, утонул, оставив ее с маленькой дочкой на руках. От горя Тоня чуть не сошла с ума, запыла, опустила. Николай Жмуркин, скромный, застенчивый парень, вернувшись из армии, застал ее на грани падения. Эта молодая, привлекательная, убитая горем женщина приглянулась ему, и он, особо не раздумывая, женился на ней, а через год родилась Галинка.

Родители Николая были очень недовольны, что он не посчитался с их волей, отыскал себе кралю, позарился на вдовушку, взял ее с привеском. Дружки, подвыпив, смеялись ему в глаза, зло шутили, когда он торопился домой:

— Боишься, что твоя цаца опять загуляет? Ей не привыкать, было время — откальывала номерки!

Однажды Николай не стерпел, ударил соседа в лицо, расквасил ему нос. Отсидев пятнадцать суток, он пришел домой и решительно сказал:

— Я не могу больше слушать эти дурацкие разговоры. Уедем отсюда с глаз долой!

Так Жмуркины оказались в другом городке. Николай устроился плавильщиком на завод, а Тоня— официанткой в ресторан. Им пообещали квартиру, поставили на очередь, а пока выделили комнату в общежитии. Жмуркин трудился на совесть, в поте лица, неплохо зарабатывал. Семья жила в достатке, душа радовалась. Тоня, общительная и хлопотливая, быстро освоилась на новом месте, проворно бегала с подносами между столиками, услужливо подавая блюда. Ее сразу прозвали Пышкой: круглая, румяная, кровь с молоком. Подвыпившие мужчины заглядывались на нее, сыпали шутки, приглашали за стол. Она не оговаривала их, не возражала, ей нравилось мужское внимание. Тоня все чаще стала задерживаться на работе, иногда возвращалась очень поздно, от нее несло вином. Николай ворчал, сердился, упрекал, но она умело обезоруживала его поцелуями и лаской.

В один из вечеров Тоня совсем не пришла домой. С ней произошел тот самый «смешной» случай, о котором она упоминает в своем письме. Опьянев до бесчувствия, она забрела в мужской туалет и свалилась возле батареи. Вид у нее был кошмарный. В таком состоянии и обнаружили ее сослуживцы.

Утром об этом знал весь городок. Шутники зубоскалили, смаковали рассказ, придумывали жуткие подробности.

— Все это брехня! — пострадавшая строила невинную рожицу и оправдывалась.— Ничего особенного не случилось. Просто я перепутала двери. Валя сгорала от стыда, Николай ходил мрачнее тучи, не выдерживал, разражался бранью:

— Как ты могла дойти до такого скотского состояния? Ты опозорила семью. Убирайся прочь!

Тоня поняла, что муж не простит, что оставаться с ним бесполезно. Она забрала вещи, взяла за руку Галинку и заспешила на вокзал, опасаясь, что муж вернется с работы, узнает о ее бегстве, станет преследовать.

Вернувшись на родину, Тоня объяснила своим старикам, что Николай совсем спился и озверел, что жить с ним стало неважко, а через месяц одумалась, заволновалась о Вале и написала письмо директору школы, упрасивая, чтобы помогли отправить дочку к ней.

Александра Ивановна вызвала Жмуркина в школу. Она ожидала встретить грубого, опустившегося человека, но перед ее глазами предстал высокий, симпатичный, хорошо одетый мужчина с чисто выбритым лицом и запавшими печальными глазами. Держался он с достоинством, рассуждал трезво и умно, говорил взволнованно и совершенно искренне.

— Пьете? — спросила напрямик Александра Ивановна.

— Пью, — виновато сознался он.

— Дочку бьете?

— Неправда!

— Вы скажете, что и жену не били, не оскорбляли? — обвиняла его Александра Ивановна.

Николай вздрогнул, зло сощурил глаза и, еле сдерживая гнев, заговорил:

— А вы хотите, чтобы я был ангелом, когда она наплевала мне в душу? Я не настолько безразличен и рогат, чтобы простить такое. Конечно, я перегорел бы, смирился бы, не стал бы разрушать семью. Она сама смоталась, позорно обежала, забрала мою родную дочь, а мне оставила свою. Правда, мне и Валя близка и дорога. Я ее выхаживал с пеленок. Это все, что у меня осталось от семьи, с кем я могу отвести душу. Девочка считает меня за родного, привязалась, заботится. Прихожу с работы, дома порядок: полы вымыты, белье постирано, обед приготовлен. Были случаи, когда я наказывал ее, за дело наказывал, чтобы не шлялась допоздна на улице, не водилась с дурными подружками, а учила уроки! Если бы мать нуждалась в ней, она бы забрала ее, а то оставила здесь умышленно, под залог. Она хитрит, знает, что Валя одна не поедет. Думает, что я ее повезу, а я не поеду, понимаете, не поеду! Да и бесполезно, глупо срывать сейчас, в конце учебного года, девочку с места. Вот закончит шестой класс, пусть сама решает, с кем ей оставаться.

Николай говорил убедительно: ему трудно было возразить.

3

Вале по душе пришлась новая школа: чистота, порядок и дисциплина. Девочка быстро сдружилась с ребятами, освоилась, осмелела, даже вела себя иногда развязно,

по привычке, но ее пристыдили, она осеклась, присмирела, вошла в колею школьной жизни.

Мне захотелось узнать, как настроена девочка, что думает об отце, о матери.

Александра Ивановна пригласила Валю к себе. Я стоял в конце коридора и наблюдал за девочкой. Она была одета в поношенный темно-синий спортивный костюм, плотно облегавший ее фигуру. Юбочка поверх шаровар, тоже синяя, немного посветлее, в сборочку, повыше колен, скрашивала ее бедный наряд и придавала приятный вид. Валя шла неторопливо, в развалочку, покачивая, как взрослая, бедрами, ступая интересно, словно на пятках, как на разминке в начале зарядки.

Я вошел вслед за Валею и присмотрелся к ней. Низкорослая, плотная, словно сбитая. Лицо круглое, с пухлыми щечками. Нос прямой, укороченный. Волосы темно-русые, под кружок. На груди свежий, аккуратно отглаженный галстук, кончики взброс. Сидит смиренная, волнуется, теребит кончики галстука.

«Разве она неряха, ворот грязный?» — невольно подумал я, вспомнив слова ее матери.

Валю уже не раз вызывала Александра Ивановна, расспрашивала о матери, поэтому девочка знала, о чем пойдет речь, и покорно ждала начала разговора.

— Ну, что будем делать, Валя? — спокойно, по-матерински ласково и озабоченно заговорила Александра Ивановна. — Мать опять пишет, просит, чтобы мы отправили тебя к ней. И почему ты тогда не поехала? Не было бы сейчас этого неприятного разговора.

— Ведь я объясняла вам, Александра Ивановна, — с обидой в голосе сказала Валя. — Мать уехала в спешке. Уложила вещи и приказала мне: «Собирайся живей, поедem к бабушке!» Я только пришла из школы, не успела опомниться, не могла ничего сообразить, отказалась: «Куда на ночь глядя ехать?» Мать взяла вещи, схватила за руку Галинку и хлопнула дверью.

— Вероятно, ты говорила, что хочешь закончить шестой класс здесь? Но это можно и там сделать, — настаивала Александра Ивановна, испытывающе поглядев на нее.

— Мне там не нравится, — призналась Валя, — здесь лучше.

— Я вполне понимаю тебя, Валя, — вмешался я в разговор. — Ты привыкла к школе, к ребятам, к учителям. Все это понятно, но когда-нибудь все равно придется распрощаться с ними и поехать к матери. Как ни говори, а отец тебе не родной, обзаведется новой семьей, ты ему станешь помехой. Да и сейчас чему он тебя научит? Без конца пьет. мало ли что может сделать? — вспомнив опасения матери, заметил я и замолчал, спохватившись, что сказал лишнее, допустил резкость, задел девочку за живое.

Валя встрепенулась, вскинула и тут же опустила голову, закрыв глаза ковшиком ладоней, и прерывающимся голосом заговорила:

— Не поеду я к матери и в интернат не пойду. И отец меня никуда не пустит. И совсем он не такой гадкий, как вы думаете. Это только мать на него наговаривает. Он любит меня, как родной, больше матери. Все равно я не поеду к ней, не поеду, не поеду! — взбунтовалась Валя, заливаясь слезами.

— Ну, полно тебе, Валя, полно, — уговаривала ее Александра Ивановна, глядя по голове доброй материнской рукой. — Успокойся. Валя вздрагивала всем телом и, громко всхлипывая, утирала слезы кончиком галстука.

Светлячек

1

В этот день в городке буйствовал май — зеленый, цветущий, залитый солнцем. Но таинственно и тревожно шептались молодые липы и тополя по обе стороны узкой асфальтированной дорожки, проложенной от старой больницы до самой автостанции.

Света Долгова и Ваня Зверев, тихие и умиротворенные, возвращались из школы домой, робко и блаженно улыбались майскому солнцу.

— Боже мой, как хорошо! — задумчиво, закрывая от счастья глаза, признался Ваня.

— Божья благодать снизошла на грешную землю, — затаенно, шепотом пояснила Света.

Еще издалека они услышали шумные, возбужденные, растревоженные голоса и увидели возле автостанции большую колыхающуюся толпу людей.

— Что-то случилось, — забеспокоился Ваня, ускоряя шаг.

Возле автостанции, у дома Зверевых, творилось что-то непонятное. Огромная толпа, охваченная яростью, гневом, болью, запрудила Садовую улочку, захлестнула автостанцию, перекрыла дорогу. Со всего города, пораженные страшным известием, стекались люди. Они лезли в толпу, охали, спорили, возмущались и, потрясая кулаками, с неудержимой силой напирали на дом Зверевых.

В городке остановилось движение. Автобусы, грузовики, легковые машины загорделиво стояли на шоссе. Шоферы дальнего следования невольно вылезали из кабин и, сгорая от любопытства, спрашивали людей:

— Да объясните толком: что стряслось? Что за шум?

Местные жители, перебивая друг друга, шумно и путанно пытались растолковать:

— Жуткое дело! Машка Зверева, вон из того дома, — тыкали они пальцем в серый, обшарпанный дом, что напротив колонки, — зарезала ножом соседнего мальчонку, трехлетнего Валерку. Небось, своих не тронула. У нее их семеро.

— Баптистка она, фанатичка. Озверела, мерзавка, крови невинной захотела, в жертву богу принесла. Мать в город пошла, а эта зверюга заманила мальчишку к себе.

— Отец почуял недоброе, бросился за сыном, а дверь на замке. Заглянул в окно, а она наряжает ребенка в какую-то розовую распашонку. Ритуал, значит, такой. Стали ломиться в дверь, в окно стучать, а Машка рычит: «Не подходите — зарежу!»

— Примчалась милиция, ворвалась в дом, а мальчонка уже в крови захлебнулся. А эта подлюка вытирает нож и со спокойной совестью говорит: «Забирайте меня: я свое дело сделала».

Объяснениям конца нет, одно страшнее другого. Разъяренная толпа рвется на расправу, милиция еле сдерживает натиск, никакие уговоры не помогают.

— Хороша милиция: убийцу спасает, боится, что ее растерзают, разорвут в клочья,— слышится в толпе.

Какой-то мужчина в шляпе, в очках, заступился:

— Нельзя иначе, самосуд получится, кровь прольется...

На него набросились со всех сторон, сжимая кольцо:

— А кровь пролилась уже, невинная, детская. — Бейте его, он тоже из баптистов, они всех наших детей перережут.

Заступник еле вырвался из цепких рук, спасаясь бегством от побоев. Ярость людей нарастала:

— Что стоите? Кого ждете? Гоните бульдозер, раздавим гадючье гнездо!

— Не надо бульдозер, он только разворочает. Бегите за бензином, чтоб пепел один остался.

Света и Ваня, оглушенные шумом, бранью, угрозами, метались вокруг разбушевавшейся толпы и, бледные, беспомощные, жалкие, никак не могли пробиться домой, на Садовую улочку.

В толпе заметили Ваню Зверева и закричали:

— Давите его, баптистского ублюдка. Он тоже грозитя божьей карой! — набросились на него, но сильные, добрые руки учительницы, оказавшейся рядом, подхватили Ваню и спасли...

Перепуганная насмерть Света, дрожащая, плачущая, прибежала домой и, задыхаясь от слез, уперлась в подол матери:

— За что она его, за что? Разве бог велел ей? Зверь она, зверь, а не слуга божья!

Мать растерянно гладила дочь по белесой головке и злыми, невидящими глазами поглядывала в окно, настороженно прислушиваясь к неумолкающему шуму голосов и вздрагивала по-собачьи.

2

Вера Долгова и Мария Зверева жили на одной улице: часто навещались в гости, вместе ходили в молельню, распевали псалмы. Еще молодые, тридцатилетние женщины, одурманенные религиозным чувством, они безрассудно втянули в секту своих детей.

Света и Ваня долгими вечерами засиживались с «братьями» и «сестрами», замороженно вслушиваясь в их таинственную и загадочную воркотню и бормотание. Ваня был застенчив и непонятлив, с большим трудом постигал тайну (божью, а Света, смышленная и старательная девочка, с мягким задушевым, грудным голосом, схватывала на лету «слово божье», быстро заучивала наизусть большущие, путаные псалмы и покоряла всех своим бархатным пением. «Братья» и «сестры» всячески одобряли ее радение, а она робко, застенчиво и покорно опускала свою белесую головку. Девочка цепко и твердо заучивала их повадки, манеры, жесты, даже походку, выражение лица и глаз, а в школе за партой рассеянно слушала учительницу и тупо воспринимала все, что говорилось. Она сбивчиво, бессвязно, невпопад отвечала на вопросы, а чаще всего запинаясь, терялась и замолкала совсем. Девочки, прямые и откровенные, ревниво болея за часть класса, выговаривали ей, намекая на святость.

— Не позорь наш класс! — потребовали от нее подружки.

Худенькая, бледная, настороженная, с грустными, затуманенными глазами, она держалась замкнуто и отчужденно.

Мать, узнав, что над Светой посмеиваются подружки, написала Галине Васильевне, учительнице третьего класса, гневное письмо, обвиняя ее в преследовании дочери и угрожая карой божьей.

— Бог не выдаст — свинья не съест! — успокоила она дочку и настроила ее воинственно: — Не бойся никого: бог с тобой, родненькая.

Света осмелела, глядела на всех исподлобья, зверьком.

Галина Васильевна вызвала ее в учительскую:

— Света, это ты пожаловалась матери, что тебя обижают?

Девочка встрепенулась, сверкнула злыми глазами и с раздражением выпалила:

— Оставьте меня, не мучайте. Все вы антихристы, всех вас покарает суд божий, «сем вам гореть в геенне огненной».

— И даже Галине Васильевне? — опешили учителя, слышавшие этот удивительный разговор. — И не жалко тебе ее?

— Всем! — ожесточилась девочка.

Стало ясно, что убеждать Свету бесполезно, что виновата во всем мать, искалечившая душу ребенка.

Вызвали в школу мать Светы. Возмущенные родители и учителя обрушились на нее:

— Почему вы, гражданка Долгова, мешаете дочери учиться: водите ее в молельный дом, запугиваете страшным судом, карой божьей.

Долгова встала, сутулясь, словно сгорбилась под тяжестью обвинений, и нагло заявила:

— Да, я верую, вы мне не запретите, нет такого закона! А дочку беру потому, что не с кем оставить дома, — изворачивалась она.

Все убедились, что эта женщина потеряла стыд и совесть. Родительский комитет обратился в суд с просьбой лишить Долгову материнских прав.

3

В школе боролись за Свету. Галина Васильевна и девочки убеждали ее, что бог — это обман, что баптисты — злые и коварные люди. Вскоре Света сама поняла это. Жуткое преступление, совершенное Марией Зверевой, потрясло девочку, перевернуло в ней душу.

Суд над Зверевой проходил в районном Доме культуры. Зал был набит до отказа. Люди запрудили улицу, с затаенным дыханием, слушая репродуктор, следили за ходом суда, требовали расстрела.

Убийцу сурово покарали, заменив ей смерть длительным тюремным заключением. «Братья» и «сестры» Зверевой не на шутку перепугались, приуныли, присмирели. Вера Долгова умерила свой божественный пыл и рвение, притихла, затаилась, оставила Свету в покое.

А Света ходила, словно пришибленная, пряча от стыда глаза. Ей было нестерпимо больно и горько: трудно было понять, объяснить, увязать все, что произошло. «Бог есть любовь», — услышала она в молельном доме при первом своем появлении. Чаше и нежнее других говорила об этом «сестра Мария», тетя Маша. Ее уважали и слушались, в секте она была правой рукой бога. Эта «правая рука» зарезала Валерика. Значит, бог с ней заодно? Девочке становилось страшно, ее бросало в озноб при одной этой мысли.

Едва Света выходила из дома, ей чудилось: вот-вот вынырнет из-за угла шустрый белоголовый Валерик, заглянет в глаза и скажет: «Ты в школу, Света? Да? Я тоже скоро пойду!» Завидев Зверевский дом, Света испуганно вздрагивала, отворачивалась и быстро проходила мимо. Однажды ей померещилось, что за спиной послышался укоризненно-ласковый голос «сестры» Марии: «Что не заходишь, девочка?» А ночью ей приснилось страшное: «сестра» Мария зажала ее между колен, приподняла подбородок и полоснула по горлу ножом. Света закричала глухим сдавленным голосом и проснулась, дрожа от страха, обливаясь холодным потом. Она догадалась, что это дурной сон, не более, а пальцы сами, невольно, потянулись к горлу: пощупать.

Душевная рана у Светы незаметно заживала: порозовели щечки, засветились глаза, в уголках губ вздрагивала затаенная улыбка. Сначала робко, осторожно, словно боясь потревожить незримый шрам на шее, затем все смелее, увереннее Света поднимала голову.

Мальчики и девочки, видя, что Света тяжело, мучительно переживает, щадили ее самолюбие, боясь хоть словом, хоть намеком, хоть жестом вызвать у нее горькое воспоминание. У Светы был красивый, бархатный голос. Девочки слушали ее и, закатывая глаза, щебетали:

— Света, милая, еще!

Девочка незаметно втянулась в художественную самодеятельность, охотно бегала на репетиции, старалась ото всей души, затаенно радовалась успеху.

Однажды, возвращаясь из школы, возле старой больницы, на дорожке, обсаженной липами и тополями, Света столкнулась лицом к лицу с дедушкой Игнатием, которого боялись и почитали в секте. Этого плотного, приземистого, благообразного старца с белой, клинышком, бородкой, улыбчивым лицом и воркующим ангельским голосом хороню знали в городке. После зверевской шумихи глава баптистов-раскольников пошатнулся, чувствуя, что почва уходит из-под старческих ног, забеспокоился, что станет с другими, если кроткая овечка Света отрелась от учения Христова. Он совсем не случайно встретился с девочкой.

— Поздно из школы, поздно, — пропел елейно дедушка Игнатий. — Небось без обеда? — спросил он и протянул Свете горстку дорогих, обернутых в блестящую бумажку конфет. — Бери, не гребуй, богом освященные, — настаивал он. — Слышал, голубушка, слышал, что поешь, успехом пользуешься и даже в пионеры готовишься. Оно для безбожников похвально, а для тебя грех, тяжкий грех, не миновать кары божьей! — дедушка Игнатий хмуро сдвинул брови и пошел прочь.

Света смутилась, растерялась и понуро побрела домой. Она оглянулась, хотела вернуться, догнать дедушку, но он быстро, торопливо свернул за угол дома, и возвращаться было бесполезно, поздно... Не удержавшись от соблазна, Света

развернула блестящую бумажку. Конфета была старая, помятая, липкая, и девочка с отвращением запулила ее в канаву.

Шумная школьная жизнь захлестнула Свету, и девочка скоро забыла о своей случайной встрече с дедушкой Игнатием.

4

Мать вздрогнула, недовольно нахмурилась, увидев на пруди у Светы красный галстук, но сдержалась и промолчала.

Утром, собираясь в школу, Света засуетилась, разыскивая галстук.

— Где положила, там и возьми. Не знаю, не видела, — помрачнела мать. Света почувствовала злую ухмылку в голосе матери и запах паленой материи. Плохо скрытая ложь матери покорибила девочку. Она всхлипнула, взяла портфель и заторопилась в школу.

Обеспокоенная Галина Васильевна сразу поняла, в чем дело, пошла к старшей вожатой, попросила у нее новый галстук и повязала его Свете:

— Это мой подарок тебе, береги его. Заметив, что у дочери новенький галстук, мать обозлилась:

— У, бесстыжая! На зло мне делаешь? Пока жива, не носить тебе эту антихристову повязку.

В то же мгновение Света почувствовала, что не мать, а сама «сестра» Мария прикоснулась ледяными пальцами к ее горлу. Мать сорвала галстук и порубила его на мелкие кусочки. Света оторопела от неожиданности, и синие-синие глаза ее загорелись нескрываемой ненавистью к матери. Девочке хотелось обозвать ее самым черным словом, хлопнуть дверью и убежать, куда глаза глядят. Легко сказать, а куда убежишь? Отец далеко, неизвестно где. Он не примирился с матерью и бросил ее, когда девочке было уже пять лет.

«А тетя Валя? — вдруг осенило ее. — Она хорошая, добрая, не прогонит, заступится». Света набросила курточку и, не раздумывая, ушла к ней.

Валя, младшая сестра Долговой, была замужем, но своих детей еще не имела. С Верой она не ладила, ссорилась и редко навещалась к ней. Выслушав плачущую племянницу, Валя сердито покачала головой и успокоила ее:

— Ну, что ты ревешь, дурочка? Найдем другой галстук, а мать все равно не переделаешь. Я тыщу раз пыталась ее убедить, образумить, да как об стенку горох.

Валя давно таила обиду на свою заблудшую сестру. Расстроенная и злая, она пришла вечером к Вере и набросилась на нее:

— Слушай ты, божья тварь. Что ты вытворяешь над девочкой? Оставь, ради бога, ее в покое. Сама свихнулась — веруй, никто тебе не запрещает, а Свету не трожь, не калечь, Что ты привязалась к ней? Чем тебе галстук ее помешал? Глаза жжет? Отвернись, не смотри. Даже поповы ребята ходят в школу с галстуками, а ты — что: ревнивее попа блюдешь волю божью? — ополчилась на нее Валя. — Для тебя бог — все, а человек — прах у ног господ, ничтожество, червь. Да, Света — червячок, но червячок не простой, а светящийся. Знаешь, есть такие червячки — светлячки! Вот и

Света такая. Оставь ее, не мучь, добром прошу! — пригрозила сестра и хлопнула дверью.

Мать, столкнувшись с дьявольским упрямством дочери, махнула на нее рукой, совсем забыла, что она существует. После того как Звереву упрятали в тюрьму, Вера Долгова стала правой рукой дедушки Игнатия и самого Христа. Баптисты разбрелись, как заблудшие овечки, трудней и опасней стало творить «дело божье».

В городке неожиданно появился смуглый, в темных очках, модно одетый человек. Он был неутомим, хлопотлив и приветлив и умело поправлял дела растревоженной секты. Переспав ночь у Долговой, он исчезал днем из городка, иногда надолго, оставляя за себя Веру, постоянно поддерживая с ней связь. «Я верю в тебя, дорогая. Ты — преданный нашему делу человек. Не опускай руки, не ослабляй работу. Наставляй и воспитывай!» — писал он ей из разных уголков.

Вера тянулась изо всех сил: бегала по городку, налаживала прежние связи, вербовала новых людей в секту. Домой она возвращалась поздно, а иногда совсем не показывалась. Света подождет-подождет ее и, свернувшись калачиком, не раздевшись, заснет на диване. Девочка оказалась совершенно заброшенной.

5

Долгову вытащили на суд общественности. В зале Дома культуры собралось полно народу. Учителя, родители выходили на трибуну и клеймили позором свихнувшуюся женщину-мать. Валя, бледная и разгоряченная, обратилась к сестре с мольбой:

— Вера, опомнись!

Зал загудел, словно растревоженный улей и затих, когда встала Долгова и, пряча глаза, заговорила:

— Я не мешала дочери выбирать правильный путь в жизни, не заставляла и не принуждала молиться богу.

Она хитрила, изворачивалась, а с языка, словно со змеиного жала, слетали ядовитые брызги:

— А мне вы не запретите верить в бога: я поклялась и никогда не отрекусь от учения Христова!

Из-за стола, под шум возмущенного зала, поднялся седой человек и, гневно скрипнув протезами, бросил ей в лицо:

— Ты видишь, что значит война? Не за то мы кровь проливали, чтобы всякая мразь мешала нам жить, калечила души наших детей! — он вскинул костыль и словно выстрелил ей в упор. — Ты где родилась? В чьей квартире живешь? Чей хлеб жрешь? Чьим воздухом дышишь? Нет тебе места среди нас!

Вскоре народный суд лишил гражданку Долгову родительских прав и места в зеленом и светлом городке.

Словно затравленный волк, почуяв недоброе, смуглый человек в темных очках, спешно покидал тихий и буйный городок. Долгова, не простившись с дочерью, которая была в школе, поспешила за ним, бросив второпях соседям в свое оправдание:

— Мне некогда, муж уезжает...

Валя взяла девочку к себе, и Света нежно привязалась к ней.

* * *

Был школьный вечер. Тонкая, хрупкая девочка с забавными веснушками на лице и алым галстуком на груди робко вышла на сцену, сощурила свои близорукие голубые глаза и застенчиво улыбнулась. Баянист поправил ремешок на плече, трогательно вздохнул мехами, а Света мягким, задушевным, грудным голосом запела:

Я люблю тебя, жизнь...

Зал замер, очарованный песней.

Коса на камень

1

По глубокому травянистому оврагу, мимо садов и огородов, прячась в прибрежные лозняки, расталкивая осоку и камыш, бежит шустрая, проворная речушка Мецна. У самого мостка, перекинутого через нее, низко наклонившись над каменистой дорогой, ведущей в гору, к церкви, стоит большая, развесистая ракита.

Два вихрастых мальчугана вынырнули из кустов, что возле ракиты, свернули с дороги, вскарабкались на высокий обрывистый холм, перевели дыхание и огляделись. Справа от них синела своими куполами церковь Петра и Павла, слева — белел бывший женский монастырь, прозванный почему-то «домом боярина». Сзади дымили высокие трубы большого завода, а прямо перед глазами лежал, как на ладони, старинный русский городок.

— И почему это наш город так называется? — озабоченно пожал плечами Петька Козел.

— Потому что Мецна! — голосом, не вызывающим возражений, ответил Витька Говорков. — Темнота!

— Мецна, Мецна, — передразнил его Петька. — Без тебя знаю, что Мецна, а вот что она означает, никто толком не объяснит.

— Что значит Мецна? — переспросил Витька и гордо улыбнулся. Он вспомнил, как недавно, по просьбе их учительницы, директор краеведческого музея, дотошный и всезнающий старикашка, привел их, четвертый класс, на этот холм и поведал историю городка.

— Знаете, ребятки, — волнуясь, заговорил директор музея, — здесь, на этом холме, когда-то давным-давно, лет этак восемьсот назад, возвышалась неприступная крепость, в которой укрывались наши предки-русичи, обороняясь от татар, хазар и прочих супостатов.

Вокруг шумели дремучие леса, в которых водилось много всякого зверья и дичи и распевали соловьи-разбойники, и бродил тут Илья Муромец со своей хороброй дружинишкой, — явно фантазировал старикашка, беспредельно влюбленный в седую древность. — А еще раньше, в незапамятные времена, — продолжал он, — тут было

городище — поселение древних людей, обнесенное мощным земляным валом и огороженное высоким дубовым частоколом. Древние люди охотились на зверя, ловили рыбу и лакомились медом диких пчел, губа у них была не дура, — пошутил он. — Вероятно, от этого слова пчела-мчела и произошло название Мечны, а потом и нашего города.

Витька по-своему передал услышанный рассказ и с нескрываемой гордостью заметил:

— Чувствуешь, какая давняя история?

— Да, интересно, — сознался, важничая, Петька и, взглядываясь в голубеющую даль, переметнулся к современному городку. — А теперь смотри, какой город, какие высоченные дома! Подумать только, как все изменилось.

— Ну, чему ты радуешься? — с раздражением возразил ему Витька. — Понатыкали коробок, дом на дому, дыхнуть нечем.

У Витьки были свои счеты с новыми домами, свои веские доказательства. Раньше он бегал к деду в тихий, уютный домик, утопающий в буйной зелени сада, а теперь сад выкорчевали, сровняли с землей, а на его месте поставили серую коробку. Даже не в этом дело. У Витьки такой характер: всем возражать, а Петьке — тем более.

Витька и Петька — ровесники, неразлучные друзья, водой не разольешь. В сентябре они пойдут (В пятый класс, а сейчас лето, каникулы: броди, бегай, бей баклуши, как выражается бабка Федорка-глухая тетерка.

Дружки очень разные. Петька непоседлив, вертляв, востроглаз, фантазер: ему соврать, что семечко щелкнуть. Витька, напротив, спокоен, нетороплив, рассудителен, очень правдив, терпеть не может хвастунишек. Петька любит играть в войну, читать про шпионов, а Витька — медом не корми — ловить рыбу. Очень разные они, Витька и Петька, и потому часто спорили и даже ссорились по любому поводу. Вот и сейчас не обошлось без этого.

— А мне вот нравятся эти дома! — стоял на своем Петька. — Я и нынешний и старый город люблю, — признался он, чтобы смягчить остроту спора. — Что там еще рассказывал дедок? — приставал Петька к дружку.

— Пришел бы на экскурсию и сам бы все услышал! — сердито ответил Витька, обиженный, что Петька не поддержал его.

— Я же тебе говорил, что бабка не разбудила, — оправдывался Петька.

— Не разбудила! — передразнил его Витька. — Тебе соврать, что плюнуть. Скажи, что вставать было лень, соня. Бабка тут ни при чем. Что она, глухая, что ли? Или нарочно это сделала?

— Конечно, нарочно! — со слезами в голосе произнес Петька. — Ты еще не знаешь, какая она ведьма: все видит, все слышит, а только притворяется.

— Что ты мелешь? — рассердился Витька. — Сам виноват, а на бабку сваливаешь. Как тебе не стыдно! А пионер еще. Зачем ей притворяться? И совсем она не ведьма, а добрая старушка, только слепая стала и на уши туговата.

— А я тебе говорю, что она ведьма: все видит, все слышит, а только делает все назло мне, — разошелся Петька.

— Глупости ты говоришь! — горячо и осуждающе возразил ему дружок.

— Не веришь, да? Не веришь? Я тебе докажу! — взвизгнул Петька и схватил его за грудь. — Спорим!

И они поспорили: Витька — на свою лучшую удочку, Петька — на заветный свой пугач.

2

Петька невзлюбил свою бабуку с первого дня, с того самого мгновения, когда он, веселый и радостный, подбежал к домашней калитке и увидел на заборе грозное предупреждение «Осторожно: злая собака!»

Бабка Федора вышла навстречу, перекрестив, облобызала дочь и нежно расцеловала внука. Пока охала, суетилась, расспрашивала, как добрались из такой дали, да принимала дочерние гостинцы, Петька успел обежать вокруг дома, заглянуть в сад и, не обнаружив собаки, влетел в дом и затормошил бабушку:

— А где же конура?

— А-а! - не сразу сообразила бабка Федора. - Ты о собаке? Зачем она мне? Я не из пугливых, воров не боюсь.

Петька насторожился и недоверчиво поглядел на бабуку.

Федора Лукьяновна Козюлина жила замкнуто и одиноко. Муж ее, безропотный, немощный мужичишка, простудился, почих полгода и преставился. Федора Лукьяновна похоронила его скромно и незаметно.

— Царство ему небесное, местушко покойное. Добрый был, не обижал,— сказала она, возвратись с похорон.

Дочь Клава еще при жизни отца завербовалась в поисках счастья на Север, вышла там замуж, и у нее появился Петька. Отец Петьки, отчаянный мотоциклист, попал в аварию, переломил позвоночник и умер по дороге в больницу.

Неожиданное горе потрясло Клаву, она не смогла дальше жить в своей квартире, ложиться на кровать, на которой спала с мужем, смотреть на вещи, приобретенные им. и, чтобы как-то забыться, вернулась в родной городок к матери.

— Значит, богу так угодно, все под господом ходим, — утешила ее Федора Лукьяновна. — Поживется. забудется, не клином свет сошелся. Ты еще не старая, подвернется другой. Есть у меня на примете хороший человек, ты его знаешь, сосед наш, Саша Мошкарёв, Александр Аверьянович. Мухи не обидит и во мне души не чает.

— Мам, ну что ты говоришь?—встременулась Клава, обиженная и оскорбленная — Он же блаженный, слабоумный.

— Сама ты дура! — оговорила ее мать.— Он редкой души человек, ну, прямо святой, ребятишек любит, без ума от них. Чем не отец Петруше?

Петька сидел на кухне, невольно подслушал разговор, заерзал на стуле и, не вытерпев, завопил:

— Не надо мне такого отца!

— Не суй нос, куда тебя не просят!— вспыхнула бабка.— Мал еще рассуждать. Кто тебя кормить будет? Бабка?

— Мамка прокормит: я не обжора! — отрезал Петька.

— Перестань, сынок, не пререкайся с бабушкой!— посовестила его мать.

— А что же она мелет? — завелся мальчишка. Между бабкой и внуком зародилась взаимная неприязнь, переходившая порой в открытую вражду, которая то затухала, то вновь вспыхивала.

Мать работала маляром на стройке, а Петька, придя домой из школы, оказывался под недреманным оком бабушки. Сначала он ее побаивался, слушался, вертелся возле дома, а потом обвык, завихрится —на весь день. Как-то пробежавшись и проголодавшись, Петька примчался домой, заныл:

— Ба, дай поесть. Бабка и ухом не повела.

— Ба, ты что, оглохла? — взорвался Петька.— С утра не ел.

— Не гавкай, не сдохнешь! — взвизгнула старуха и поглядела на внука своими мутными недобрыми глазами.— Кормить-то не за что окаянного, дров палки нет,— укоряла она его, подавая сковородку с холодной, посиневшей картошкой. Поставила ее на стол и замахнулась на Петьку грязной тряпкой:

— У, постылый! Хуже борзого...

Петька вскинул руку, защищаясь, чтобы не хлестнула по глазам.

— Осторожно... злая собака!—совершенно неожиданно сорвалось у него с языка.

Бабка отскочила, как ужаленная: Петька, отколов глупую шутку, даже не подумал, что задел бабку за самое больное место.

3

Во дворе, за домом, у Федоры Лукьяновны росло с десятков вишен и старых яблонь. Антоновка созревала поздно, осенью, а сладкая румяная грушовка дразнила соседских ребятишек, и они уже не раз порывались к ней.

В этот раз, заметив, что ребята опять гужуются, бабка Федора схитрила: вышла из дома и завернула к соседям, но не зашла в дом, а пробралась с другой стороны к своему саду и притаилась у изгороди. Один мальчишка, видимо, самый смелый и дерзкий, живо перемахнул через загородку и проворно залез на яблоню.

— Сгинь, сатана!—выругалась бабка Федора, сплюнув в сторону.

Мальчишка слетел с яблони, чуть не задев бабку за голову, неловко ударился ногой о землю и взвыл от боли. Бабка Федора схватила его за волосы, отстегала крапивой по голяшкам и, словно невзначай, хлестнула по лицу. Тот завопил, взвился и угодил ей головой в живот. Она охнула и осела.

В воскресенье бабка Федора шла в церковь отмаливать грехи. Завидев ее, ребятишки закрутились возле нее, дразня:

— Злая собака! Злая собака!

— Козюля! Козюля!

— Баба Яга, костяная нога!—кричали они, забегая вперед, ныряя у нее перед самым носом.

Витька Говорков, оказавшийся случайно на улице, догнал одного из мальчишек, схватил его за ухо и потянул вверх:

— Расти большой и умный!

— Брось, больно!— взмолился пацан.— А что же она крапивой?

— Не лезь, куда не просят! — прикрикнул на него Витька и зашагал, довольный.

Бабка Федора благодарно взглянула на него, склонила голову набок, похвалила:

— Спасибо, милай. Дай бог тебе здоровья. Ей нравилось, что обормот Петька подружился с этим славным мальчишкой. А Петька привязался к нему сразу после одного неприятного случая.

Ребятишки играли в лапту. Петька, выхваляясь, напоролся на мяч. Сосед вскипел и засветил ему палкой. Завязалась драка, подлетел Витька и заступился. С тех пор Петьку и Витьку водой не разольешь: вместе в школу, вместе на улицу.

Завтра, в воскресенье, интересная экскурсия. Учительница поведет их на Стрелецкую гору, чтобы полюбоваться городком и рассказать его историю. Петька готовился, как к празднику. Выучил уроки, наколот дров, принес воды и на всякий случай сказал бабушке, чтобы она его разбудила пораньше. Пронюхав, что ребята собираются на Стрелецкую гору, бабка Федора рассудила по-своему: «Придут нехристи на святую гору, будут потешаться над богом да на церковь поплевывать. Не возьму грех на свою душу!»

Витька, живший в другом конце улицы, подумал, что Петька уже ушел один, и, не заходя за ним, поспешил в школу, где были сборы. А Петька в это время сладко посапывал и видел во сне первобытных людей — могучих великанов, сплошь обросших шерстью.

Бабка Федора встала рано и потихонечку выключила радио, чтобы не разбудить внука. Петька открыл глаза, когда солнце уже завернуло за угол дома. Он пришел в отчаяние и набросился на бабку:

— Что ты натворила? Почему не разбудила меня?

Бабка Федора с недоумением уставилась на внука:

— Разве ты говорил мне?

— А то разве не говорил? — захныкал от обиды внук.

— Побойся бога, не гневи! — загремела она посудой. — Я не слышала, ей-богу, не слышала, — побожилась она.

В последнее время бабка Федора, которой надоела Петькина болтовня, чтобы избежать лишних хлопот, все чаще прикидывалась глухой.

— Видать, совсем остарела, — оправдывалась она. — В ушах словно вата набита.

Петька чувствовал, что бабка хитрит, старается умышленно не замечать его, и закипал от злости.

4

Соседи не любили Федору Лукьяновну за отчужденность, хмурость, жадность — среди зимы снега не выпросишь, про себя называли ее бабой Ягой. Она и в самом деле смахивала на нее: рябая, мутные с бельмами глаза, нос крючком.

Федора Лукьяновна больше всего боялась, что ее подожгут, и в свою очередь люто ненавидела соседей, особенно тех, кто посмеивался над ее богомольностью. Сама она верила в бога беззаветно, готова была душу заложить, на огне сгореть: свято блюла церковные праздники, не пропускала ни одной обедни. Ей казалось, что на земле была бы не жизнь, а рай, если бы все почитали бога, как Александр

Аверьянович. Но у Клавы, хоть и черного слова не скажет, не лежит душа к Христу, а в Петьку, из которого она не прочь была сделать послушника, наверно, с пеленок вселилась бесовская сила, потому он такой нехристь, такой отпетый. Бабка Федора, как могла, удерживала внука от богохульства, но старалась не раскрывать ему душу, не откровенничать с ним, чтобы не осмеял, бесстыжий, а исподтишка, скрытно, незаметно использовала всякий удобный случай, чтобы насолить ему.

— Не веруешь, не надо, — убеждала она внука, — а над богом не смей куражиться, сопливый, и о батюшке не плети, что не положено. Он самый богоугодный, самый порядочный человек в городе.

— Нашла порядочного! — ухмыльнулся Петька. — Он с чужой теткой путается.

— Сгинь, нечистая сила! — заплевалась бабка Федора, услышав эту новость. — Язык бы у тебя отнялся, у пакостника.

— Вот тебе и пакостник! — засмеялся Петька и показал бабке язык.

5

За четвертый класс Петька принес похвальную грамоту. Озорной, но смышленный мальчуган, забавник и шутник, он был на примете в школе.

В начале июня в городском парке было намечено провести день отдыха. Пионеры будут приветствовать рабочий люд. Петька еще с вечера выложил брюки, рубашку, галстук, чтобы мать утром выгладила ил. Клава спозаранку отлучилась на базар, а когда Петька проснулся, то обнаружил помятый, грязный галстук. Он сразу догадался, чья это проделка.

Витька зашел за другом и увидел возле плиты бабушку Федору, которая чистила картошку.

— Бог помощь! — приветствовал ее Витька любимой поговоркой отца.

— Что ты сказал, голубчик? — приложив ладонь к уху и улыбаясь, переспросила она. — Погромче.

— Бог помощь, говорю, бабушка! - повысив голос, повторил Витька. — Как здоровье?

— Спасибо, голубчик, спасибо! — прослезилась бабка Федора, поднося кончик фартука к глазам.

— Одна беда: стара я стала, стара. Плохо слышу, совсем плохо, словно слон на ухо наступил. Да и глазоньки мои отказывают, совсем сдали, сплошная пелена. Убирала давеча со стола да и сграбастала вместо тряпки Петькин галстук. Вот досада-то, — оправдывалась она, Витька вышел в сад и застал друга в слезах.

Может быть, она, правда, невзначай, сослепу, стал он утешать его.

— Да, невзначай, — хныкал Петька. — Назло мне. Все она видит, все она слышит. Не веришь — сейчас убедишься сам.

Петька давно замыслил сыграть злую шутку с бабкой, а теперь, после жаркого спора с Витькой, он решился, наконец, доказать, что прав.

Обозленный Петька влетел на порог и чуть слышно сквозь слезы выдохнул:

— Ба-аа, горим!

Бабка Федора всплеснула руками, охнула, схватила ведро с водой и, едва не сбив внука с ног, выскочила во двор, а Петька поджал живот и повалился на пол.

— Нехристь, безбожник проклятый! — запричитала бабка Федора, разгадав хитрость внука. Нашел, чем шутить, гроза тебя расшиби! — она взялась за каталку, но Петька ласточкой выпорхнул на улицу. — Чтоб ты голову сломал! — крикнула ему вдогонку бабка и пригрозила: — Не показывайся на порог, чтоб твоей ноги не было!

— Ну, что, умник, убедился? — злорадно спросил Петька друга.

— Пошли за удочкой! — сдался Витька. Клава вернулась с базара и узнала о Петькиной проказе.

— Я чуть в обморок не упала, — жаловалась Федора Лукьяновна дочери. — Утихомирь дурака, а то я его прибью, вот те крест!

— Мам, ведь он еще ребенок, все они такие, дурашливые! — успокаивала Клава разбушевавшуюся старуху, а про себя подумала: «Ну и нашла коса на камень!»

Жму крепко руку

1

Весна выдалась затяжная: то прояснится небо, выглянет украдкой солнце, торопливо подтачивая снег, то снова нахмурятся, разлохматятся тучи и пойдет мелкий, нудный, совсем не апрельский дождь.

Дороги развезло, никуда не доберешься.

— Сходите-ка в детский дом, — предложила Софья Андреевна, — проверьте воспитательную работу.

Мы, не мешкая, направились на окраину городка.

Две востроглазые девчушки, дежурные, смерили нас с ног до головы пристальным, недоверчивым взглядом и пропустили в коридор, по которому тянулась длинная пестрая дорожка из линолеума.

В коридоре было просторно и светло. На стене, при входе, висел табель санитарного состояния спален, экран успеваемости, стенгазета «Дружная семья». Привлекали внимание красивые, со вкусом оформленные стенды: «Каждому отряду — ударное дело», «Встреча с первыми пионерами города».

Мы задержались на минуту в коридоре и прошли в кабинет директора. Из-за стола, покрытого простенькой красной материей, навстречу нам поднялся знакомый человек с усталым, озабоченным лицом и тревожными карими глазами.

— Опять по мою душу? — пошутил Алексей Иванович Казаков. — Опять какая-нибудь жалоба? Жалобы, как репы: не хочешь — цепляются!

— Вы ошибаетесь, Алексей Иванович: обычная плановая проверка, — заверили мы его.

— Это не страшно! — сразу повеселел директор. Присаживайтесь.

В углу кабинета стоял невысокий черный шкаф. В нем — книги, детские игрушки, ребячьи поделки, подарки гостей: миниатюрный парусник, крохотная спасательная лодка, морская раковина, похожая на большое нежно-розовое ухо. Выделялся красивый, искусно сделанный макет шалаша в Разливе: на переднем плане

— Ильич, взор задумчивый, устремленный вдаль, на коленях — рукописи. Рядом — две стойки с перекладной, на ней — малюсенький чайник, а чуть подалее — копна сена.

— Умело сделано, со вкусом!—воскликнул я.

— Неплохо, правда? — поддержал меня Алексей Иванович и спокойно спросил:—Ну, с чего начнете?

— Пожалуй, с документации, предложили.

— Хорошо,— согласился директор и выдвинул ящик стола. Он достал деловую папку, порылся в бумагах и, лукаво сощурился, протянул мне письмо:— Вот вам первый документ. Мы его проработали по всем группам, теперь ваша очередь.

Я без особого интереса взял письмо, равнодушно взглянул на конверт и — подпрыгнул от неожиданности:

— Из Братска? От Михаила Тополя? Слушай те, Алексей Иванович, неужели это Тополь? Тот самый знаменитый Тополь?

— Это он,— счастливо улыбнулся директор. — Он самый!

Я с нескрываемым любопытством, возбужденно, громко стал читать.

«Дорогой Алексей Иванович! Пожалуйста, не удивляйтесь, что я пишу Вам. Вы, наверно, считаете меня поросенком, а я — большая свинья: до сих пор не мог написать. Давно собирался, да все откладывал: то дел по горло, то просто лень. А сегодня у меня выходной. Хожу как неприкаянный, не знаю, куда себя деть. Взгрустнулось от безделья, вспомнился детский дом, ребята, воспитатели. Сижусь сейчас и ясно представляю, как Вы стоите у своего стола и отчитываете какого-нибудь сорванца, вроде меня. Сижусь и вижу, как полыхают на клумбах цветы, как буйствует под окнами сирень, как шепчутся молодые тополя. Ей-богу, приятно вспомнить хорошее.

Вы даже не представляете, как мне горько и стыдно за свое прошлое, за все мои дурацкие выходки и проделки. Сколько я Вам крови испортил, сколько нервов потрепал. Простите, пожалуйста, простите. Я был упрям, как осел: все понимал по-другому, все делал не по-людски. Всю жизнь я буду благодарить Вас, Раису Павловну и противную рыжую девчонку, которую готов был тогда задушить. Она мне душу вывернула наизнанку. Меня словно подменили. Откуда только взялась энергия? Я рад был целыми днями сажать и поливать, копать в столярной мастерской, драться за каждую двойку в группе.

А Нинка сидит вот рядом с сынишкой Левкой и улыбается: «А все-таки здорово я тебя тогда приласкала!» Мы часто вспоминаем этот случай и хохочем до слез.

После училища мы всей оравой, всей группой махнули на Ангару. Вы знаете, характер у меня скверный, а руки горячие и цепкие. Работаю с огоньком. Скажете: «Вот расхвастался!» Нет, серьезно. Хватка есть. Профессией доволен. Даже горжусь: дома строю. Понимаете: дома строю! Положишь последний кирпич, разогнешь спину, поглядишь кругом — аж дух захватывает, такая красота! Перед глазами лохматая тайга, Братская ГЭС, молодой и веселый город.

Недавно нашу бригаду окрестили ударной, а меня двинули в бригадиры. Помните, как Вы меня тогда огорошили: «Старшим назначаю Тополя». Все хорошо, только вот Левка растет забиякой. Вчера гонял мяч и расхлопал стекло у соседа, а

когда соседский мальчишка отодрал его за уши, охватил камень. Я нашлепал ему, а он надулся и пригрозил: «Останусь совсем в детском садике!» А там тоже шалит и задирается. Такой гадкий мальчишка — спасу нет.

Небось, скажете: «Весь в бацию!» Ну, ладно, что было, то сплыло.

Братский привет всем: ребятам, воспитателям и тополям, конечно.

Жму крепко руку. Михаил Тополь».

Я дочитал письмо и потер руки от удовольствия:

— Здорово пишет, бродяга!

— Что вы! — загордился Алексей Иванович. — Он за словом в карман не полезет. Вы представляете, что он пишет? Вы представляете, кто это пишет? Нет, вы ничего не представляете! — разошелся директор.

— Я представляю только одно, — прервал я Алексея Ивановича, — Тополь идет в высоту.

— И уже пускает побег! Это тоже очень важная деталь, — заметил с улыбкой Алексей Иванович.

2

О Тополе мне было что вспомнить: не раз слышал, видел, сталкивался.

Я только начинал работать, когда из облоно нагрянула Александра Михайловна Машкова, шумная, дотошная женщина: куда бы она ни заявлялась, сразу принималась распекать, да так, что искры сыпались из глаз. Софья Андреевна предупредила меня об этом, и я уже знал, с кем имею дело. Мы на ходу поздоровались и двинулись проверять работу детского дома.

— В первую очередь заглянем в уборную: если чисто, значит, везде порядок, — поучала меня Александра Михайловна.

В уборной меня рассмешила грозная надпись: «Бейте Тополя — он полицей!» Больше придаться было не к чему. Тем не менее мы три дня осаждали директора, воспитателей, ребят и — кухню. Интересовались решительно всем, заглядывали во все уголки и дырки. Везде порядок: заботливые, чуткие воспитатели, здоровые, бойкие ребята, чистые уютные спальни, вкусное, разнообразное меню. Мы остались довольны, вполне довольны, пообещали даже благодарность.

— Люблю пыль отъезжающего начальства! — откровенно признался Алексей Иванович, прощаясь с Александрой Михайловной.

Не успела осесть пыль, как Алексей Иванович позвонил в роно.

— Понимаете, скандал! Замучил, бродяга, всю душу вымотал! — задыхаясь от волнения, кричал он в трубку.

— Да говорите толком: что произошло? — оборвал я его.

— Всю душу вымотал, паршивец! — не унимался Алексей Иванович. — Завтра в шесть на поезд, а он взял и сбежал. Понимаете, сбежал! Тополь.

«Испугался, что будут бить», — невольно подумал я, вспомнив угрожающую надпись в уборной.

— Когда сбежал? Куда сбежал? Что вы говорите? — я не стал дожидаться ответа, бросил трубку и заспешил в детский дом. Там царил переполох: все обились с ног, разыскивая Тополя.

— Какой это Тополь? — затормошил я Алексея Ивановича, сожалея и огорчаясь, что не пригляделся повнимательнее к нему во время проверки.

— Да вы его видели,— отозвался с досадой директор.— Такой плотный, коренастый, черный как смоль.

— Из шестого класса?— старался припомнить я.— Глаза раскосые, смотрит исподлобья?

— Вот-вот, этот самый!—забегал по кабинету Алексей Иванович.— Фамилия красивая, сам интересный, а судьба еще необычнее.

Отец Тополя был в плену, вернулся в оккупированный городок, прислуживал немцам, насолил людям. Пришли наши, узнали, отправили его туда, куда Макар телят не гоняет. Жена умерла. Восемилетний Миша попал в детский дом, в первый класс. Мальчишка рос замкнутый, озлобленный, грубый. Держался отчужденно, смотрел волчонком, не признавал никакого распорядка, презирал ребят. А когда один из мальчишек при всех обозвал его полицаем, Тополь весь задрожал, бросился на него, свалил и чуть не задушил. Налетели ребята, завязалась драка. Благо, что подоспел воспитатель и разбросал вояк. Тополю пригрозили устроить «темную».

Алексей Иванович много раз пытался поговорить с Михаилом по душам—ничего не получалось. В облоно согласились, что Тополя лучше перевести в другое место. Завтра ему уезжать, а ребята косились, решив использовать подходящий момент для отместки. Тополь смекнул, что дело табак, прикинулся больным, зашел в изолятор. Медсестра отлучилась на минуту, приходит, а Тополь как в воду канул. Алексей Иванович поставил в известность милицию, послал патрулей на вокзал и автостанцию, поднял на ноги всех ребят. Искали до двенадцати часов ночи: как испарился! А утром медсестра зашла в свою комнату и — глазам не поверила: Тополь стоит и озирается. Оказывается, всех перехитрил, всех обвел вокруг пальца: медсестра вышла, а он юркнул под кровать. Когда шум утих, он спокойно лег в постель и переспал ночь.

3

Следователь районной прокуратуры вызвал инспектора детской комнаты милиции, ознакомил его с гневным письмом, которое прислал отец Тополя, и сердито сказал:

— Разберитесь!

Инспектор детской комнаты, молодой прыщавый человек с узкими усиками и пышными бакенбардами, примчался в детский дом, ворвался к Алексею Ивановичу и, не поздоровавшись, обрушился на него:

— Что у вас тут творится? Сам черт не разберет! Мы получили письмо от одного папаши. Он возмущен: у нас, говорит, в тюрьме обращаются человечнее, чем в этом детском доме, где сын. Им, говорит, доверили учить и воспитывать, а они чем занимаются? Это же безобразие — избивать ребятшек!— вышел из себя молодой человек.

Алексей Иванович, расстроенный горячностью и неосведомленностью инспектора, попытался было разъяснить ему суть дела, но инспектор оборвал его:

— Нечего разъяснять! Позовите мальчика. Михаил вошел в кабинет директора и остановился у самой двери.

— Кого тут бить? От горшка два вершка. Безобразие!—возмутился еще более инспектор и, похлопав мальчика по плечу, заигрывая, с напускной нежностью сказал ему:— Вот что, Миша, если тебя еще хоть пальцем кто-нибудь тронет, сразу дай знать мне. Я разберусь!—заносчиво пригрозил инспектор, а директора вразумил:—Мальчик не виноват, сын за отца не отвечает!

Инспектор удалился, не попрощавшись с Алексеем Ивановичем, заторопившись по другому срочному делу.

А Михаил еще стоял у двери, переминаясь, опустив голову, смущенный, виноватый и — гордый!

Тополь был смышлен и хитер. Прослышав, что его собираются удалить из детского дома, он настроил отцу письмо, полное слез, обид и отчаяния. Отец, отбывавший последние годы заключения, прочитав письмо сына, пришел в ярость и обратился с гневной жалобой в районную прокуратуру, прося защитить сына и требуя наказать директора.

Неожиданный визит молодого человека с узкими усиками и пышными бакенбардами спас Тополя от разлуки с родным городком, но не отрезвил и не образумил его. Ободренный поддержкой инспектора, Тополь еще выше задрал нос, окончательно распоясался. В тот же день он без разрешения ушел в город, не явился на ужин и, проболтавшись допоздна на улице, вернулся только вечером.

Встретив его в коридоре, Алексей Иванович строго спросил:

— Почему ты слоняешься без дела?

— Мне так нравится!—с нагловатой развязностью ответил Тополь и хотел проследовать мимо.

Директор поймал его за руку и, нахмурившись, приказал:

— Иди в группу и занимайся делом!

— Ой, больно!—закричал притворно Тополь.— Что вы надо мной издеваетесь?

Алексей Иванович отпустил обнаглевшего Тополя, а утром позвонил в детскую комнату милиции. Расстроенный и возмущенный мальчишеским поведением инспектора, он хотел обрушиться на него: «Слушайте, вы, горе-инспектор! Кто вам доверил такую работу. У вас нет ни малейшего понятия о ней. Вас на пушечный выстрел нельзя допускать», но, сдержав гнев, спокойно сказал:

— Молодой человек, вы оказали медвежью услугу Тополю. Не разобрались по существу и поддержали зарвавшегося мальчишку, а он теперь ходит и козыряет.

— Не беспокойтесь, я займусь им лично сам и — основательно!—важно ответил молодой человек.

Мальчишки перебежали дорогу, что отделяла детский дом от парка, и скрылись в кустах, в канаве. Тополь вынул из-за пазухи пачку «Байкала», раздал по тщедушной папироске, похлопал руками по карманам, ища спички.

— Забыл,— огорчился он.

Наискосок, пересекая парк, покуривая, шел невысокий мужчина в рабочей робе.

— Беги быстрее, не прозевай!— толкнул Тополь мальчишку, сидевшего рядом, ближе всех.

Мальчишка, наверно, побоялся незнакомого дяди, а может быть, ему просто не хотелось вылезать из кустов: он недовольно засопел и огрызнулся:

— Есть помоложе!

Тополь не ожидал такой выходки, вспыхнул и поднес кулак к самому носу мальчишки:

— У, салака! Как дам, так завертишься.

— Тоже мне акула!— зло уколол его смельчак, сунул руки в карманы и с независимым видом зашагал в детский дом.

— Вернись!— закричал Тополь, догнал упрянца, избил его в кровь.

Вечером старшие ребята заманили Тополя в парк, попросили «Байкала» и дали ему «прикурить». Несколько дней Тополь ходил с «фонарями».

Девчонки ехидно поглядывали на Тополя, шушукались и прыскали в кулачки. Тополь и до этого не переносил девчонок, а теперь, получив отпор от ребят, обрушил весь свой гнев на этих сорок и хохотушек. Он не давал им проходу: то обзовет, то за косичку дернет, то больно ущипнет, то коварно подставит ножку. Заплаканные девчонки жаловались Раисе Павловне, хлопотливой и добродушной воспитательнице:

— Пристыдите его, пожалуйста. Что он липнет ко всем, как банный лист. Слушать тошно: говорит всякие пакости, за платье хватает, подглядывает, когда мы раздеваемся. Такой гадкий, такой мерзкий, спасу нет.

Раиса Павловна внимательно выслушивала девчонок, разыскивала плутоватого Тополя, начинала оговаривать и упрекать его. Тополь нагло ухмылялся и пуще прежнего донимал «легалок».

(Больше всех задирали он Нину Петрову, высокую, гибкую, с огненными волосами девчонку, свою одноклассницу: без конца предлагал свои медвежьи услуги, поджидал за углом, навязывался в провожатые. Тополь был явно равнодушен к ней. Может быть, ему, повзрослевшему и возмужавшему, хотелось, чтобы она заметила его, обратила внимание, отличила от других ребят. Он пытался заискивать, откровенничать, говорить по душам, но получалось это у него неумело, задиристо и грубо. Нина чувствовала, понимала это, но подчеркнуто старалась не замечать своего поклонника, резко обрывала его, холодно отвергала неуклюжие Мишкины ухаживания. Тополь злился, мрачнел, дерзил. Нина отличалась ловкостью, слыла отличной гимнасткой, занималась в детской спортивной школе. В ее отсутствие Тополь не находил себе места, бродил неприкаянный, терпеливо ждал ее возвращения.

В этот вечер Нина задержалась, пришла усталая, пасмурная. Ей нездоровилось, чувствовала себя скверно. Вероятно, переутомилась, перенапряглась. Она легла в постель, силилась уснуть, но не могла: ворочалась, вздыхала.

Тополь, не постучав, влетел в девчоночью спальню, развязно спросил:

— А где Нинка?

— Нина спит,— оборвали его девчонки.

— Спит,— скривив в дерзкой ухмылке губы, передразнил их Тополь.— Притворяется, а не спит.

Он шагнул к ее кровати, на мгновение заколебался и, затаив дыхание, остановился. Может быть, в эту минуту у него вспыхнули самые добрые чувства, сердце переполнилось нежностью к Нине, неосознанной тревогой за нее, но он резко схватил за край одеяла и сдернул его. Нина, как разъяренная рысь, прыгнула с постели, бросилась на Тополя, подмяла его под себя и давай трепать по щекам. Девчонки перепугались, а когда пришли в себя, захлопали в ладоши:

— Молодец, Нинка! Дай ему! Дай еще!

Кто-то из девчат подхватил упавшее на пол одеяло и набросил на растерявшегося от неожиданности Тополя: град гулких, drobных, злых ударов обрушился на его спину.

— Хватит, обрадовались!— вспыхнула Нина, выхватила одеяло и пошла к своей кровати.

Тополь вскочил и молча, славно ошпаренный, вылетел в коридор.

— Что с тобой, Михаил? Что случилось?— непонимающе спросила Раиса Павловна, столкнувшись с ним у самой двери.— Весь растрепанный, помятый, красный как рак?

Михаил зло сверкнул раскосыми глазами и, ни слава не проронив в ответ, побрел по коридору, ощупывая горящие щеки и уши.

5

Через неделю, вечером, двое мальчишек что-то не поделили между собой и вцепились друг другу в волосы. Тополь важно, вразвалку, подошел к ним, молча расшвырял их в стороны и двинулся дальше. Навстречу ему, к месту драки, спешила Нина. Тополь замедлил шаг, покосился на нее, скривил губы:

— А здорово ты меня приласкала!— пошутил он и громко, от души расхохотался.

Утром, после свалки в девчоночьей спальне, Тополь вышел хмурый, словно пришибленный, весь день ходил, как туча, ни на кого не глядел и ни с кем не разговаривал, даже на уроке отказался отвечать. Все с любопытством следили за ним, выжидая, что будет дальше.

Нина, смущенная и улыбающаяся, рассказала сначала Раисе Павловне, потом Алексею Ивановичу, как Тополь мирил сцепившихся ребяташек.

Директор рассеянно, словно ничего не случилось, выслушал ее и чуть заметно улыбнулся.

Тополь держался еще более отчужденно, неохотно, но все-таки соблюдал распорядок, вовремя являлся на подготовку, не пропускал ни одного урока. Чаще

всего он уходил в актовый зал, забивался в угол, у заднего окна, усердно и подолгу занимался, ни к кому не обращаясь за помощью.

Алексей Иванович, заметив в Тополе отрадную перемену, откровенно заговорил с ним:

— Кто прошлое помянет, тому глаз вон! Подурачился и хватит, пора браться за ум, не маленький. Вижу, трудновато тебе: разленился, запустил, нахватал двоек. Ничего не поделаешь — наверстывай, что упустил. Вот сбросишь с плеч восьмой класс, устрою тебя в строительное училище, отменный выйдет каменщик или столяр.

Тополь понимающе кивал головой, но держался по-прежнему скованно и диковато: ни с кем не дружил, ребят избегал, а встречаясь с девчонками, обходил их стороной. Он старался реже попадаться на глаза, скрывался в столярной мастерской и подолгу не вылезал оттуда, помогая мастеру по труду ремонтировать поломанные стулья, столы, вешалки.

Весь детский дом шумно, суетливо, горячо готовился к ленинской годовщине. «Мы тоже не лыком шиты!» — решил про себя Тополь. Он целыми вечерами пропадал в мастерской: строгал, выпиливал, выжигал, клеил, а потом удивил и поразил всех, подарив Алексею Ивановичу макет ленинского шалаша. Все разводили руками, восхищались, завидовали, а девчонки открыто заигрывали с ним, но Тополь, смущенный, помалкивал.

6

Старое здание детского дома с глубокими купеческими подвалами, узким коридором и лестницей было мрачно, тесновато, не приспособлено. Баня, столовая и кухня размещались в другом месте, что создавало неудобства, излишнюю беготню и суету. Сначала Алексей Иванович мирился: «В тесноте — не в обиде!», но когда в детский дом перевели воспитанников младших классов из другого района, он заволновался и стал теребить облоно, настаивая на строительстве дополнительного, а может быть, основного корпуса. Ему посочувствовали, согласились, поддержали, а через полтора года на окраине городка, на пустыре, выросло красивое, просторное, светлое, со всеми удобствами, двухэтажное здание.

Осенью успели только убрать мусор, расчистить дорожки, наметить аллеи, посадить сотню лип и тополей. Теперь предстояло разбить цветочные клумбы, заложить сад, сделать живую ограду из кустарников и деревьев.

Все трудились на совесть, азартно, с огоньком. Алексей Иванович суетился вместе с ребятами: шутил, подзадоривал, помогал. Весна, как назло, стояла жаркая, сухая, почва была, что камень. Алексей Иванович разрывался на части, метался по двору, помогая ребятам, проверяя качество работы. Он заспешил к мальчугану, который, напрягаясь изо всех сил, держал непослушный шланг, стараясь не выпустить его. Напор воды был такой сильный, что мальчишка не устоял, и шланг выпрыгнул из его рук. Тополь, до этого равнодушно наблюдавший за мальчишкой, подбежал к нему, с ходу подхватил прыгающую резиновую трубку и стал поливать.

Алексей Иванович подошел к Михаилу, задержался у маленького деревца, посаженного еще осенью, ласково погладил его шершавой рукой, с нежностью посмотрел на крохотные, клейкие, зеленые листочки и, улыбнувшись, сказал:

— Тополь пошел в рост...

Вечером, на линейке, Алексей Иванович похвалил ребят и обратился к ним за советом:

— Как вы думаете: не создать ли нам специальную бригаду по поливке?

Ребятам это предложение пришлось по душе, они нетерпеливо задвигались, наперебой загалдели:

— Меня! Меня! Меня!..

— Не шумите, всем хватит работы!—строго прикрикнул Алексей Иванович.— Старшим назначаю Тополя.

Михаил спокойно встретил это известие, только чуть дрогнули его пухлые губы да слегка шевельнулись густые черные брови.

Красный язычок

1

Я сидел и обдумывал приказ об осторожном обращении со взрывоопасными средствами. Дело серьезное, важное, касалось жизни детей, надо было хорошенько обмозговать, чтобы покороче изложить суть, пояснее выразить мысли, привести конкретные примеры, строго предупредить учителей и ребят о коварной, заманчивой, соблазнительной опасности. Тут не отделаешься короткой голой фразой: «Берегитесь мин и снарядов!» Мне приходилось три-четыре раза в год корпеть над такими приказами, а все равно задумывался, волновался, мысли путались, и приказ подвигался туго.

В инспекторскую влетела Софья Андреевна, возбужденная и мрачная:

—Приказ готов? — обрушилась она на меня, словно деловую бумагу написать проще, чем хозяйке испечь блин.— Немедленно разошлите по школам. Без конца строчим приказы, на каждом совещании твердим об этом директорам, а все на ветер. Опять ЧП: вчера в Калиновской восьмилетней школе подорвались двое ребятшек. Срочно выезжайте на место: разберитесь!

Я добрался до Калиновки только на другой день. Директор школы Надежда Павловна Сизова встретила меня у калитки, переполошилась, заохала.

— Вот беда-то, вот беда! — запричитала она.—Как гром среди ясного неба. Ведь предупреждали, тыщу раз предупреждали. И на педсовете говорили, и с родителями толковали, и ребят запугивали: смотрите, обнаружите — не трогайте! Не тут-то было, как об стенку горох. Натворил Женька дел: себе смерть нашел, мать в могилу вогнал, дружок чуть жив...

Надежда Павловна возбужденно махала руками, безутешно качала седой головой, сокрушалась:

— Мать-то, мать... Бедная, несчастная женщина... Растила, выхаживала, надеялась — и вот, пожалуйста, дождалась перемены. Не повезло ей в жизни, совсем не повезло. В прошлом году мужа похоронила, а теперь... Вчера как услышала,

всплеснула руками, зашаталась и рухнула, как подкошенная: не выдержала такого горя, не вынесла, сердце разорвалось. Женю и мать завтра будем хоронить, а Толя, соседский мальчишка, сейчас в больнице.

Мы пошли навестить мальчика. Участковая больница размещалась в небольшом приземистом здании. У крыльца печально покачивали верхушками молодые тополя и тревожно заглядывали в окна, словно интересовались здоровьем больных.

В приемной остро, неприятно пахло лекарствами. Мы спросили у дежурной сестры, как чувствует себя Толя. Милостивая, застенчивая девушка подала нам белоснежные халаты, отдающие холодком, и повела в угловую палату.

— Толе сразу, как только привезли сюда, сделали операцию, извлекли из бедра два осколка,— пояснила она и успокоила нас:— Раны не серьезные, скоро заживут.

Мы присели у Толиной кровати. Худенькое, бледное лицо, испуганные потускневшие глаза, обострившийся носик сами, без вопросов, говорили обо всем, что мальчик пережил за эти два дня.

— А Женю похоронили уже? — спросил он.

Я растерялся, отвел в сторону глаза, а Надежда Павловна упавшим голосом ответила:

— Завтра...

У Толи навернулись слезы, и он, всхлипывая, уткнулся лицом в подушку.

Мы пожелали Толе скорого выздоровления и заспешили в школу, чтобы поговорить с ребятами, выяснить все подробности трагического случая.

2

В конце Калиновки, миновав заросший бурьяном выгон, дорога спускалась с бугра наискосок, уходила узкой, прямой балкой вдаль, к пригорку, упиралась в его круглый, крутой, почти отвесный лоб, раздваивалась у подножия вилкой и, огибая его, скрывалась за густыми кустами орешника.

Пригорок когда-то был весь изрыт окопами, траншеями, теперь они обвалились, затянулись травой, прятались в зарослях малины, ивняка, орешника. Орехи в этом году уродились обильные, были они сейчас, в самом начале сентября, полные, спелые, сами прыгали в руки, стоило только дотронуться до ветки.

Калиновские ребяташки, прибежав из школы и перекусив наспех, хватали сумарьки и спешили в лес. За ними неизменно увязывался Пушок, верный Женькин друг, забавный, смешной цуцик.

Тридцать лет назад под старым кустом орешника упала и не сработала железная смерть в клетчатой рубашке. Женька случайно наступил ногой на что-то круглое, поскользнулся и выпустил из рук ветку. Он досадно поморщился, наклонился, порылся в траве и вскрикнул от неожиданности: граната, лимонка! Мальчишка страшно перепугался, а потом обрадовался. Сбежались ребята и разинули от удивления рты, рассматривая и ощупывая диковинную находку. Они спрятали ее под кустом, заметили место и, возбужденные, счастливые, отправились домой, договорившись завтра прийти и взорвать ее.

Последний урок им показался вечностью. Женька и Толя, два неразлучных дружка, сидели, как па иголках, переглядывались, перешептывались. Учительница сделала им замечание:

— В пятом классе учись, а ведете себя, как первоклашки.

Заговорщики притихли, а когда прозвенел долгожданный звонок, схватили сумки и сломя голову помчались домой.

— Мам, мы пойдем за орехами! — обронил скороговоркой Женька и сунул на ходу в сумку ломоть хлеба.

— А уроки? — забеспокоилась мать.

— Успею! — отозвался Женька уже из сеней. — Айда, Пушок!

Ребята, забыв про орехи, забегали по опушке, разыскивая спрятанную штуковину. Они замешкались, закрутились около орехового куста: вроде этот, а гранаты — нет. Толя даже забеспокоился: мол, кто-нибудь подглядел и перепрятал, но Женька молча порылся в траве возле старого, трухлявого пня и под ликование ребят потряс над головой заржавевшей лимонкой.

Мальчишки разбрелись по лесу, собирая сушняк, а Женька спустился к подножью пригорка, отыскал неглубокий овражек, облюбовал место для костра.

Когда дрова были сложены в кучу, Женька приказал ребятам удалиться и залечь в дорожную выбоину, а сам сунул в середину кучи гранату, собрал распавшиеся дровинки и положил сверху, для скрепления, сухой дубовый чурбачок. Женька наклонился над дровами, чиркнул спичкой и поднес к мелким березовым веточкам пугливо вздрагивающий огонек. Пушок, виляя хвостом, вертелся около Женьки, тыкался мокрой мордочкой в его ухо, приняхивался к дровам и даже пытался поднять над ними заднюю лапу, но Женька схватил его под мышку, подбежал к ребятам, лег рядом, слегка приподняв голову, чтобы удобнее было наблюдать. Дрова медленно, неохотно задымались, а потом, потревоженные внезапно набежавшим ветерком, загорелись, запылали. Мальчишки, затаив дыхание, ждали взрыва. Ждали пять минут, десять, пятнадцать, а его все не было. Костер уже затухал, только дубовый чурбачок продолжал еще вспыхивать, дразня ребят красным язычком пламени: «Эх, вы, трусишки!» Они уже потеряли всякую надежду, решив, что дров оказалось маловато, а костер слаб, и высунули головы, собираясь вскочить, но Женька прикрикнул на них, ослабил руку и невольно выпустил Пушка. Щенок вынырнул из овражка и устремился к гаснущему костру. Женька, не помня себя, бросился вдогонку, закричал, запустил в него комышкой, и перепуганный Пушок метнулся в сторону. Толя, а вслед за ним все ребяташки выскочили на лужайку.

В то же мгновение раздался взрыв и дикий истошный крик. Женька пошатнулся и упал навзничь, Толя пробежал еще несколько метров и споткнулся, остальные бросились врассыпную.

Пушок первый прибежал домой и, задыхаясь от страха, упал у порога, виновато поджав хвост, вздрагивая и подвывая.

У Женьки обнаружили маленькую дырочку на левой половине груди, словно птичка клюнула, а у Толи, потерявшего сознание, повыше колена, в мякоти, — два острых осколочка.

Страшная весть быстро облетела всю округу. На похоронах было многолюдно, тяжело, горько.

Когда разошелся народ, из кустов, пугливо озираясь, вылез Пушок, подбежал к могиле своего друга и, жалобно скуля, стал торопливо разгребать лапами свежую землю.

Мать-и-мачеха

1

Скользнув у самого уха Юры, пчела торопливо расправила прозрачно-слидяные крылышки и плавно села на золотисто-желтый цветок, возвышавшийся на длинном шерстисто-опушенном стебле, покрытом мелкими буроватыми листьями. Она засуетилась, копошась в глубине цветка, а потом оторвала от него заметно отяжелевшее тельце, поднялась в воздух и, натужно гудя, заспешила в свой пчелиный городок, унося на задних лапках желто-бархатистые, пахучие комочки пыльцы.

В этот солнечный майский день хлопотливая пчелка много раз навевывалась сюда за добычей, и только сейчас, перед самым вечером, когда небо затянулось дымкой, она увидела, что цветы глубоко попрятались в свои корзиночки.

Юра Греков, пятилетний малыш с живыми любознательными глазами, не менее этой пчелки удивился загадочному таинству и, почесав в затылке, затеребил свою мать:

— Мам, а мам, как называется этот цветок? Интересный какой!

Анна Ивановна с нежностью поглядела на сынишку:

-- Мать-и-мачеха, сынок.

— Мать-и-мачеха? — всполошился Юра, безмерно удивленный таким названием.— Почему мать-и-мачеха?

— Любопытный ты, Юрка! — вздохнула мать, погладив его по головке. — Почему да почему?

Как тебе объяснить? Расскажу в другой раз.

Анна Ивановна Грекова часто, почти каждое воскресенье, гуляла с Юрой в пионерском скверике, невольно заворачивала к маленькому глинистому овражку у самого берега реки и подолгу любовалась этими загадочными цветами.

В середине июня, когда длинные ползучие корневища мать-и-мачехи выкинули большие, округло-сердцевидные, слегка угловатые листья, Анна Ивановна снова привела сюда Юру и, склонившись над травой, сказала сынишке:

— Юра, Юрочка, помнишь, ты спрашивал, почему мать-и-мачеху так зовут? Помнишь? Так вот иди сюда. Потрогай, погладь лист сверху.

Юра присел на корточки, прикоснулся пальчиками к гладкой гляцевитой стороне зеленого листа и, пораженный, вскрикнул:

— Ой, мамочка, какой он холодный!

— Правда, холодный? — обрадовалась мать, одобряя смышленность сынишки.— Это все равно что мачеха, чужая, злющая, вредная тетка.

От такого открытия у Юры забегали, засверкали глазенки, ему не терпелось дотронуться до нижней стороны листа, густо и мягко опушенной тонким белым войлоком.

— А тут... тепло! — еще более удивился Юра.

— Тепло, правда? — засветилась от счастья Анна Ивановна.— А это как мать, родная, добрая, нежная.

— Мать-и-мачеха,— радостно, нараспев лепетал Юра. - Мать-и-мачеха.

— Мать-и-мачеха,— рассеянно повторила Анна Ивановна, крепко обняла Юру и расцеловала его.

2

С Анной Ивановной Грековой, невысокой, миловидной женщиной, я познакомился совершенно случайно в швейной мастерской, где она работала закройщицей.

Мне не нравились покупные вещи. Придешь в магазин, выберешь костюм: вроде цвет подходящий, материал добротный, сшит модно, а наденешь — все не по мне. Я раздосадовался, махнул рукой и заспешил в швейную мастерскую, чтобы заказать костюм по мерке, как говорится, по косточке.

Анна Ивановна долго обхаживала меня и сделала точнейшую смерку.

Костюм вышел отменный, Анна Ивановна порадовалась удачной обновке, оглядела меня со всех сторон, потрогала плечи, одернула полы, пригладила лацканы и одобрительно сказала:

— Ну вот, все в порядке, а вы горевали. В этом костюме и жениться не стыдно. Небось, не женаты еще? — пошутила она.— Теперь от девчат отбоя не будет.

— Да ну их! - отмахнулся я.— Хомут на шею.

— Напрасно так думаете, напрасно,— укоризненно посмотрела на меня Лина Ивановна и, узнав, где я работаю, словно завзятая сваха, стала уговаривать:—Пора, дорогой, пора. И годы немалые, и при должности неплохой. Сколько хороших девчат, а вы теряетесь. Приглядели бы себе симпатичную учительку да и жили бы, поживали.

— Вот уж посоветовали кого, учительницу! - засмеялся я от души, с явным разочарованием.— Скроется в школу на весь день, а ты баюкай, возись с пеленками,

Анна Ивановна сразу примолкла, недовольно закашлялась, нахмурилась.

— Глупости говорите. Не ожидала от вас, ей-богу, не ожидала! — обиженно поглядела она на меня, словно я оскорбил ее материнские чувства, задел за живое, за самое больное место.—А я бы сейчас все отдала, всем бы пожертвовала — и сном, и отдыхом, и работой, только бы возиться с ребенком. Вам не понять, какое это горе — не иметь детей. Мы с мужем пятнадцать лет вместе, здоровые, сильные, а детей нет. Поженились — сразу загадали, забеспокоились, игрушек детских накупили: медвежонка, гармошку, ружье, велосипед. Год ждали, пять, десять. Все надеялись, а теперь всякую надежду потеряли. По врачам ходила, в санаторий ездила — ничего не помогло. Придешь с работы, посмотришь :на игрушки — сердце разрывается. Для кого живем, для кого стараемся? Как пешки живем, ничего не мило. Муж сначала отшучивался: «Жизнь наша грекова — приласкать некого», а сейчас тоже

пригорюнился, затосковал, в сторону смотрит, того и гляди к другой махнет, а я его люблю,— со слезами в голосе призналась Анна Ивановна.

Я слушал эту трогательную, горькую исповедь женщины, и мне самому становилось больно и жутко.

Ведь вы в роно работаете, помогли бы мне,— словно утопающий за соломинку, ухватилась за меня Анна Ивановна. — К вам часто обращаются: усыновить, удочерить. Пожалуйста, помогите подыскать мальчика-сиротку. Только крохотного, прямо из родильного дома, чтобы с пеленок растить. Век буду благодарить,— умоляла она, словно от меня действительно зависела ее судьба.

— Почему не помочь хорошему человеку? — пошутил я, чтобы хоть как-то скрасить ее горе.

3

В этот день у всех на устах было одно-единственное имя: Юрий Гагарин. Счастливые, возбужденные люди шумно здоровались, обнимались, целовались, поздравляя друг друга.

Мне позвонила из родильного дома знакомая медсестра:

— Поздравь, дорогой!

— Поздравляю, голубушка, поздравляю!— отвечаю ей.— Юрка, ей-богу, молодец.

— Да нет, я о другом Юрке! — перебила она меня.— У меня появился мальчик. Юра.

— Что ты мелешь?— говорю ей, а сам думаю: ну, сегодня все помешались.— Какой мальчик? Какой Юра? Замуж не выходила, а родить успела.

— Да не мой! Подбросили. Серьезно,— убеждала меня медсестра. — Можно усыновить. Понимаешь?

— Так и сказала бы сразу!— обрадовался я, получив ясный ответ.

Я вспомнил Анну Ивановну, ее печальное лицо, ее слезную просьбу и — бегом в швейную мастерскую. Прибегаю, смеюсь:

— Анна Ивановна, пляшите: нашел вам мальчика! Совершенно такого, какого хотели. Мне только сейчас позвонили из родильного дома. Пойдемте быстрее, а то захватит еще кто-нибудь.

Примчались — узнаем: правда, мальчик — Найденев Юрий Сергеевич!

— Покажите, пожалуйста!.....говорю и, пожимая руку женскому врачу Сергею Михайловичу Березко, а он изумленными глазами смотрит на меня из-под очков.

— Ага, попался, голубчик! — набросился на меня Сергей Михайлович.— Предупреждал тебя: набегаешься, попадешься на крючок. Так это, значит, твой? А это кто? — кивнул он сердито в сторону Анны Ивановны.— Твоя зазноба? Все понятно, не объясняй, не оправдывайся. Ах, вы, сукины дети, ах, бесстыжие! Опомнились, спохватились. Нет вам прощения. В милицию вас, в милицию!

Я вижу, что Сергей Михайлович багровеет, а дело принимает серьезный оборот, затормозил его:

— Что вы надумали, Сергей Михайлович? Как у вас язык повернулся? Разве вы не знаете меня? Позвонила ваша медсестра, что подбросили ребенка. Вот мы и пришли с Анной Ивановной: нельзя ли усыновить? Она бездетная, — разубеждаю я Сергея Михайловича, знакомя его с Анной Ивановной, а она ни жива ни мертва.

Сергей Михайлович недоверчиво поглядел на нас, помолчал и заулыбался.

— Ну, это другой коленкор! — примирительно сказал он. — А чем вы его будете кормить? — неожиданно обратился он к Анне Ивановне.

Она оторопела: ей даже в голову не приходила такая мысль. Врач заметил испуг и успокоил:

— Усыновить — это дело хорошее. А как быть в таком положении, надо подумать.

— Как вы обнаружили мальчика-то? — сгорал я от любопытства.

— Э, голубчик, совсем как в сказке! — развеселился Сергей Михайлович. — Расскажи, Митрофановна, как было дело, — попросил он подвернувшуюся санитарку.

— Прихожу, значит, утром пораньше, — заговорила, наверно, в сотый раз, пожилая, рябоватая, словоохотливая женщина. — Дай, думаю, коридор подмету. Сунулась в угол за веником, глядь, а там сверток, шаль вроде. Откуда бы это? — удивилась. Хвать, а сверток как запищит. Я даже отпрянула, чуть сердце не выскочило: так испугалась, так испугалась, мочи нет. Пересилила страх, развернула шаль, а в ней ребеночек. А тут откуда ни возьмись, Сергей Михайлович подоспел, взял его на руки, осмотрел, ощупал и говорит: «Чудо-мальчик, богатырь будет». Позвонили в милицию: так и так, говорим, разыщите мать. Искать-поискать, а ее и след простыл.

— Не пропадет Найденов Юрий Сергеевич, — перебил ее Сергей Михайлович, — вырастят добрые люди.

— Конечно, не пропадет! — поддержал я Сергея Михайловича. — А вот почему вы его окрестили так? — не терпелось мне узнать.

— Правильно назвали, дюже правильно! — вмешалась Митрофановна. — Нашли мальчика — значит: Найденов, родился в такой день — значит: Юрий, на руки принял Сергей Михайлович — значит: Сергеич. Дюже правильно окрестили. Лучше не придумать.

— Я возражал, противился, — оправдывался Сергей Михайлович, — не послушались. Взяли и записали: Найденов Юрий Сергеевич родился 12 апреля 1961 года.

Анна Ивановна была на седьмом небе: верила и не верила, что этот мальчик теперь ее сын.

4

Людка Смирнова, рыжая, вертлявая хохотушка, была вдвое моложе Анны Ивановны, зеленая еще, совсем девчонка. Поступив в швейную мастерскую ученицей, она быстро освоилась, перезнакомилась, сошлась со всеми, а к Анне Ивановне сразу привязалась, присохла: так и вертелась возле нее, так и увивалась.

— Людка, чертушка, что ты липнешь ко мне, словно я медом обмазана? — посмеивалась над ней Анна Ивановна.

— Стало быть, нравишься! — отшучивалась Людка. — По душе пришлась.

Анна Ивановна выходила из дома пораньше: занесет Юру в ясли, передаст его нянечке, чмокнет в лобик и заспешит на работу. Иногда она прибегала веселая, возбужденная, счастливая.

— Юра-то мой стал меня узнавать! — сияла она от радости. — Подойду к нему, а он вылупит глазенки, заморгает, улыбнется и тянет ручонки: возьми, мол, мама.

Но чаще всего Анна Ивановна приходила опечаленная, обеспокоенная, подавленная тревогой.

— Вот напасть-то, — сокрушалась она, тяжело вздыхая, — замучилась с Юрой: что ни день, новая болезнь — то насморк, то коклюш, то понос. А нынче опять глаз не сомкнула: всю ночь Юра капризничал, сучил ножками. Я и на руки его, я и пить ему, я и грелку к животу — ничего не помогает: кричит и кричит. Животик вздулся, рвота началась.

Наверно, перестаралась, перекормила, дура бестолковая.

Однажды Анна Ивановна не явилась на работу, всю неделю сидела дома, не отходила ни на шаг от Юры: у него была ангина в тяжелой форме.

Людка тревожилась, волновалась и побежала проведать Анну Ивановну. Увидев исхудавшего, осунувшегося Юру, она прильнула к нему, залепетала:

— Маленький мой, глупенький, весь изболелся. С тех пор Людка зачастила к Анне Ивановне.

То шоколадку Юре принесет, то игрушку. Придет, возьмет на руки, целует, тискает, не наглядится, не нарадуется, а то вдруг захандрит, потухнет, потемнеет вся.

— Замуж тебе пора! — посмеялась как-то Анна Ивановна. — Вижу, любишь ты маленьких, затискала Юру, как своего.

— А может, это и есть мой! Разве не похож? — захохотала Людка и, чувствуя, как кровь приливает к лицу, осыпала малыша поцелуями.

Анна Ивановна оторопела, у нее отнялись руки и ноги. Оправившись от волнения, она весело сказала:

— Все бы ты шутила, непутевая!

— А я не шучу, не шучу, не шучу! — упала Людка на грудь Анне Ивановне и разрыдалась.

5

В институт Людка не поступила: провалилась на первом экзамене. Как ни старалась, как ни зубрила, а по химии схватила двойку. На билет ответила, а на дополнительных вопросах срезалась.

— У нас химия — коронный предмет, а вы его, прямо сказать, не ахти! — огорошил ее флегматичный профессор. — Подождите годок, подготовьтесь получше, попытайтесь еще, если у вас, конечно, появится желание, если вы действительно почувствуете призвание к медицине.

Людка вернулась домой, убитая горем,

— Не ты первая, не ты последняя — успокоил ее отец. — В медицинский вообще можешь не поступить. Шла бы лучше работать.

— Еще чего вздумал? Не мели! — прикрикнула на него жена: она и слышать не хотела ни о чем другом, кроме медицинского института.— В этом году провалила, в следующем повезет, — уверяла она свою единственную дочь и строго сказала: — Готовься, работать еще успеешь, прокормит отец, не беспокойся.

Людка старательно готовилась, просиживая подолгу за учебниками, изредка отлучалась в кино или на танцплощадку, где ее поджидал известный всему поселку футболист Толька.

Утром Людка снова садилась за стол и начинала зубрить.

— Уччу-учу, а все чувствую, чего-то не хватает, — жаловалась она матери. — На курсы бы. Ну, ладно, попробую еще разок.

В августе Людка снова с треском провалилась.

— Я говорил тебе: работать! — уколол ее отец, а мать промолчала, нахмурилась.

Людка вернулась злая, решительная, настроенная по-боевому.

— Все равно поступлю! — упорствовала она. — Одна девчонка трижды пыталась и все-таки добилась своего, — утешала себя Людка.

Она снова засела за химию. Учила Людка основательно, не спеша, надеясь, что впереди еще год. Днем она занималась, а вечерами бегала со своим Толькой на танцы, возвращалась поздно, рассеянная, с прикушенными губами. Мать, обнаружив у нее потрепанную, зачитанную до дыр брошюрку «Гигиена брака», переполошилась и спросила напрямик:

— Уж не собираешься ли ты замуж, голубушка? Больно шибко ударяет за тобой этот верзила. Смотри, девка, грех солон. Тогда выгоню из дома, на порог не пущу!

Людка утешила мать, а у самой на душе было тошно, муторно, кошки скребли: «И зачем я, дура, поехала тогда в лес?»

После шумного, веселого, суматошного ноябрьского вечера, возвращаясь с Толькой домой, Людка поскользнулась, вскрикнула и ухватилась за живот.

— Я, наверно, стану матерью, — нерешительно, сдавленно призналась она.

— Ты что, сдурела? — вспылил Толька, пораженный этим известием. — Не может быть. Это тебе показалось, — успокаивал он ее и себя, а сам не на шутку призадумался.

Еще в мае в поселок приезжали футболисты из соседнего городка. В местной команде Толька считался первым: быстрый, проворный, ловко и хитро забивал мячи. Соседи заметили его, обласкали, поманили к себе. Теперь, после неприятного разговора с Людкой, он вспомнил настойчивое приглашение соседей и, не долго думая, переметнулся к ним. Людка окончательно убедилась, что затяжелела, страшно перепугалась, задумалась, как быть, стала обрабатывать мать.

— Уччу-учу, а все чувствую, что без посторонней помощи не обойтись,— снова призналась Людка матери. Она поведала ей, что в соседнем городке открылись курсы по подготовке в институт, убедила ее, что это очень важно, и мать не стала возражать против ее переезда.

— Смотри, как лучше,— рассудила она,— курсы — хорошее дело.

Людка сняла себе уютный уголок у одной веселой, разбитной вдовушки. Хозяйка помогла ей устроиться на сушизавод, где работала сама. На курсах Людка прозанималась недолго. Ей было явно не до них. Матери она объяснила, что курсы ничего не дают, что лучше заниматься самостоятельно.

Толька продолжал с ней встречаться, но прежней теплоты и нежности не было, откровенного разговора не получалось, отношения становились все натянутей и холодней. Проводив ее до дома, Толька не задерживался, быстро прощался и уходил, даже не поцеловав, как раньше. Людка падала в постель и заливала слезами подушку: ей все трудней и трудней было скрывать набухавший живот, предательские пятна на лице. Хозяйка, пронюхав, что Людка беременна, ласково, дружелюбно похлопала ее по животу:

— И чего убиваешься, дурочка? Выбрось и — концы в воду! Зачем тебе такая обуза? Ты только начинаешь жить. Успеешь — вылетишь замуж, еще надоест стирать пеленки.

— Поздно выбрасывать! — Людка безнадежно развела руками. — Может, одумается, дурень.

Толька не одумался, а совсем охладел: скрывался, врал. В январе завод, где он работал, направил его в Москву на годичные курсы. Людка окончательно «раскисла», упала духом. Она долго металась, готовая наложить на себя руки, и, наконец, решилась на кукушечью дикость: все обдумала, обговорила со своей хозяйкой и со страхом ждала родов.

Поздней апрельской ночью у нее начались схватки. Бледная, измученная, перепуганная, не взглянув даже на своего ребенка, она отвернулась к стене и впала в забытие.

Хозяйка завернула новорожденного в старую шаль, со спокойной совестью отнесла его в родильный дом и сунула в угол за веники.

— Все в порядке! — доложила она Людке. — Правильно сделали. Не нужен он тебе, не нужен, а там такие нарасхват.

— Спасибо, — слабо простонала Людка. — В долгу не останусь.

Людка долго ходила, как пришибленная. Постепенно боль стала затухать, а горе — забываться. Перед самым Новым годом из Москвы вернулся Толька. Они снова встретились и потянулись друг к другу.

— Зачем ты отказалась от ребенка? — сожалеюще упрекнул он ее. — Мы поженились бы и сразу получили квартиру, а теперь жди — получишь. Они долго и мучительно раздумывали, как поступить.

— Знаешь, — неожиданно предложил Толька, — наберись смелости, приди к этой самой Анне Ивановне и откровенно скажи...

— Ты с ума сошел! — переполошилась Людка. — Она меня выгонит в шею да еще заявит в милицию. Нет, надо обдумать, как лучше.

Людка ушла с прежней работы, устроилась в швейную мастерскую, а полгода спустя она заявила к Анне Ивановне, упала на грудь ей и призналась во всем.

— Анна Ивановна, милая,—взмолилась она,— верните мне сына, верните. Я глупая была, несмышленная, перепугалась насмерть. А теперь опомнилась, одумалась: жить не могу без ребенка, совесть грызет. Ведь мой он, родной, кровный, а вам совсем чужой. Вы еще себе найдете, а я всю жизнь вас помнить 'буду, всю жизнь благодарить. Отдайте, ради бога, отдайте. Я все равно не успокоюсь: в роно пойду, в суд.

— Я подумаю, посоветуюсь с мужем,— холодно сказала Анна Ивановна, отстраняя от себя Людку.

Еще тогда, вернувшись из родильного дома, озабоченная и счастливая, Анна Ивановна написала своим старикам на Украину трогательное письмо, в котором признавалась: «Наконец-то у меня скоро будет ребенок!» Родители обрадовались и с нетерпением ждали в гости дочь с внуком.

Сейчас, после мучительного разговора с Людкой, Анна Ивановна поняла, почувствовала всем сердцем, что оставаться тут бесполезно. Она рассчиталась на работе и спешно покинула городок, где обрела свое долгожданное счастье.

Людка прилетела в роно и взмолилась:

— Дайте мне адрес Грековой! Адреса ей не дали: он был неизвестен.

Мишка-Турист

1

Над Окон быстро таял реденький туман, спустившийся с пригорка от Шестаковского парка. Сначала тихо, робко, словно пробуя голоса, затем все дружнее, нетерпеливее запели птицы, радуясь теплему июньскому утру. Солнце вылезло на кромку горизонта и широко улыбнулось наступающему дню. Волна слепящего света захлестнула лесную поляну, где между двумя стройными березками висел плакат: «Привет следопытам Октября!»

Внизу, в разлужье, возле леса послышались ребячьи голоса. Они быстро приближались, становились громче и отчетливее. Один за другим прибывали из похода туристские отряды, выстраивались на поляне и, отдав рапорт начальнику слета, не мешкая, приступали к разбивке палаток.

Последними пришли зарощинцы, веселые и возбужденные. Я вышел навстречу, протянул руку Владимиру Михайловичу, руководителю отряда, и по-свойски, как старый знакомый, спросил у ребят:

— Ну, как вы себя чувствуете: по-боевому настроены или опять собираетесь «гореть» на костре? Зарощинцы понимающе заулыбались, а Владимир Михайлович шутливо ответил за всех: — Хватит гореть! Сегодня не наша очередь. Правда, Михаил? — обратился он за поддержкой к шупленькому, вихрастому мальчугану, замыкавшему строй. Тот, смутившись, утвердительно покачал головой.

Я с нескрываемым любопытством взглянул на Михаила и крайне удивился его появлению на слете. Показав ребятам место, где ставить палатки, я увлек Владимира Михайловича в сторону.

— Все чудись, Михалыч? — принялся я подтрунивать над ним. — Значит, все надежды на Мишку? Известный турист, известный. Раз прихватили его, победа обеспечена!

Владимир Михайлович Тропинкин заслуженно носил свою фамилию. Заядлый турист и краевед, он еще в студенческие годы, учась на геофаке, исколесил с рюкзаком за плечами всю область. У него было твердое убеждение: лучший учитель — природа. Нигде ребята не узнают столько интересного и полезного, чем в дороге, нигде не раскрывается так их душа, как в походе, у туристского костра. Владимир Михайлович до тонкостей изучил повадки ребят, умел угадывать их тайные желания, подслушивать их сокровенные мысли и редко ошибался. Опытный и гордый турист, он мог бы сейчас оговорить меня, но вместо этого добродушно улыбнулся и задумчиво сказал:

— Не беспокойтесь: Мишка — шустрый и ловкий малый, отличный костровой, не подведет! А победы, знаете, бывают разные. Если хотите знать, мы уже одержали одну, очень важную.

2

Свое первое путешествие Мишка совершил, когда ему было всего три года. В один из сентябрьских дней мать пошла в отдаленное село в гости. Мишка увязался было за ней, но она отшлепала его:

— Не реви: к вечеру вершусь!

Весь день у Мишки прошел в ожидании матери: томительно, грустно, скучно.

Пригнали стадо, бабушка пошла встречать корову, а Мишка, босой, без штанишек, в одной рубашонке вышел из дома, поковырял в носу, поиграл с Жучкой и засеменял по меже в поле, в ту сторону, куда утром ушла мать. «К вечеру вернусь», — вспомнил он слова матери и пошел встречать ее.

Тучи заволокли небо, сгустились сумерки, стало темно, холодно и жутко. Мишка вздрагивал от каждого шороха, спотыкался, падал, вскрикивал, уколовшись о стерню, поднимался и снова шел в темень. Порой ему чудились шаги матери, слышался ее голос, он передвигался быстрее и даже пытался бежать. Мальчонка шел всю ночь, выплавав все слезы, перестав чувствовать боль и страх.

Бабушка пришла домой, заметалась по хате, заглянула во все углы, обшарила весь сад — Мишка как в воду канул. По колхозному радио объявили, что пропал трехлетний мальчик Миша Пасынков.

Всю ночь школьники, взрослые, милиция разыскивали Мишку. Его нашли утром в поле, в омете соломы, далеко от дома. Мальчишка спал, прижавшись худеньким озябшим телом к старой доброй Жучке, которая тихо и жалобно скулила.

«Ну и Мишка, ну и смельчак!» — только и было разговоров на селе. С тех пор и прозвали его Туристом.

Мать привезла Мишку из Ухты, куда попала по вербовке. Вернувшись домой, она вышла замуж, вернее, приняла во двор вдовца. Бабушка поссорилась с зятем и перебралась в Москву к старшей дочери. Мишку не обижали и не ласкали, а просто не замечали, что он есть в доме. Мальчишка целыми «днями пропадал в лесу, в поле, на речке. В селе пошучивал.!!», что он прирожденный турист, еще голопузым доказал это. Мишка, конечно, не помнил тот случай, но ему нравилось, что взрослые с доброй усмешкой говорили о нем. Его невольно тянуло подальше от дома, к чужим и добрым людям. Он убегал, и садился на поезд, с которого его снимали уже в Туле и в Серпухове. В последний раз Мишку задержали в Москве.

Незадолго до этого директор школы, где учился Мишка, жаловался в роно:

— Есть у меня мальчишка, пятиклассник, редкий экземпляр. Тихий, застенчивый, но себе на уме, все делает по-своему, никого не признает. Захочет — придет в школу, захочет — нет. Увидит — рыбаки понесли рыбу, хватает удочку и на речку. Вздумает в лес за трибами — возьмет лукошко и скрывается на весь день. В школе редкий гость: запустил уроки, нахватал двоек, того и гляди отсеется. Отчим жалуется, что не слушается, а бить рука не поднимается, совесть не позволяет. Все-таки чужой: что скажут люди? А мать совершенно равнодушна. Вырастет, говорит, поумнеет. Проживет и без аттестата, теперь пастухи зарабатывают больше, чем инженеры. Вот как мать рассуждает. Помогите: накажите ее! — взмолился директор.

Мишкину мать вызвали на заседание административной комиссии: пристыдили, пропесочили, пригрозили оштрафовать за безнадзорность сына. Мать набросилась дома на Мишку и отхлестала его ремнем: «Не «позорь мать, не позорь!»

На другой день Мишка вышел та шоссе и остановил попутную машину.

— Далеко? — спросил у него шофер.

— До Москвы. Бабушку проведать: заболела, — схитрил он.

Дом, где жила бабушка, снесли, а другого адреса Мишка не знал. Он пробродил до вечера по шумным и суетливым улицам столицы, устал и проголодался, пришел на вокзал, присел на полу и, разморенный теплотой, уснул. Здесь его и подобрал дежурный милиционер.

Зарощинцы тщательно готовились к очередному слету. Они всегда заметно выделялись своей простой и красивой формой, чистотой и аккуратностью бивуака, яркой и добротной оформленной документацией, смекалкой и находчивостью в соревнованиях по ориентированию, а их содержательная, богатая поисково-краеведческими находками выставка вызывала восторг и зависть у соперников. В трудной туристской эстафете зарощинцы тоже выглядели молодцами: быстро укладывали рюкзак, проворно, едва касаясь ногами (бревна, перелетали через овраг, сноровисто переплывали речку, ловко ставили палатку. А все-таки была одна заковыка, которая не давалась им, перечеркивала все их старания и хлопоты, не пускала дальше второго места. Этой коварной заковыкой, этим камнем преткновения был простой «костер, на котором они «горели» глупо и непоправимо. Владимир Михайлович выходил из себя, ребята набрасывались на кострового, а тот покорно, не огрызаясь, выслушивал их упреки и проклятия, готовый положить на плаху свою горемычную голову. Владимир Михайлович, поборов себя, смирялся с неудачей, утешал ребят:

— Не шумите, сами виноваты, в другой раз умнее будете!

Теперь, готовясь к слету, зарослинцы перебрали, перепробовали все способы разведения костра, долго и мучительно думали, кто бы мог выручить. Кто-то из ребят пошутил:

— Мишка Турист, он мастак!

Все засмеялись, а Владимир Михайлович призадумался и вполне серьезно сказал:

— Можно рискнуть. Позовите его.

— Его не дозовешься: он в отлучке, совершает очередное турне!— огорчили ребята учителя.

В начале мая директор школы получил из Москвы извещение, что ученик пятого класса Пасынков Михаил задержан на вокзале и помещен в детприемник.

Владимир Михайлович вызвался съездить в Москву и привезти Мишку. Утром следующего дня он был на месте.

— Все путешествуешь? — заулыбался Владимир Михайлович при встрече с Мишкой. — Я сам люблю бродить, — откровенно признался он, — только всему свое время.

Мишка ожидал, что Владимир Михайлович понесет его по кочкам, но тот заговорил с ним просто и доверчиво:

— А сейчас зря: заканчивается учебный год. останешься в пятом, школу подведешь.

Дорогой Владимир Михайлович поведал Мишке, что ребята готовятся к слету, сокрушался, что опять могут прогореть на костре.

— Ума не приложу, — разводил он руками, — где найти дельного кострового, кому доверить. Кто-то из ребят намекнул, что у тебя это неплохо получается. Правда?

— Это они разыгрывают, — смутился Мишка, явно польщенный таким вниманием, — а вообще можно попробовать.

В школе Мишку не распекали за бегство, но встретили с усмешками. Первые дни он был робок и скован, на уроках больше молчал, но готовился к ним добросовестно.

После занятий Владимир Михайлович уводил ребят в ближайший лес, где они усердно тренировались в укладке рюкзака, в разбивке палатки, в преодолении препятствий, а Мишка самозабвенно отдавался своему делу, шумно сопя и жарко потя над костром.

Мишка с большой натяжкой, но все же закончил пятый класс, крепко привязался к ребятам, почувствовал их дружеское расположение. Теперь, придя на слет, он заколебался, сумеет ли оправдать их доверие, ходил рассеянный и тусклый. Перед самыми соревнованиями ребята увели его за поворот леса, на лужайку, чтобы провести контрольное испытание. Дрова занялись с первой попытки, но костер разгорался медленно, неохотно, и пока закипела вода в котелке, прошла целая вечность. Все недовольно зашумели, а Мишка засопел, зашмыгал носом, готовый расплакаться. Владимир Михайлович заметил подавленность ребят и, узнав, в чем дело, сказал:

— Главное: не нищать!

Соревнование длилось больше часа. Эстафета заканчивалась поединком двух сильнейших команд. Соперники одновременно, секунда в секунду, прошли

дистанцию. Все взоры устремились на лужайку, все с замиранием сердца ждали, кто быстрее разожжет «остер и вскипятит воду.

Мишку трясло. После неудачной контрольной попытки он отчаялся и пошел на хитрость: незаметно достал из кармана пузырек с бензином и облил пучок дроздишек. Теперь можно не беспокоиться: дрова вспыхнут с первой спички. Но Мишка ясно почувствовал, что на него подозрительно смотрят соперники, что вот сейчас они разоблачат его, что весь труд, затраченный ребятами, пойдет на ветер, не оберешься позора и сраму. А если и не заметят, не обнаружат подвох и победа будет обеспечена, то какими глазами он будет смотреть... Противная дрожь снова пробежала по всему телу, на лбу пробилась капелька пота. Мишка стоял и липкими пальцами теребил пучок. В самое последнее мгновение он поборол себя и недовольно пробурчал:

— Вот проклятый: уже отсырел!

Мишка швырнул злосчастный пучок в овраг и торопливо взял запасной. Он прикрыл его грудью и, затаив дыхание, чиркнул спичкой, подождал, когда она разгорится, и сунул дрожащий огонек под самые хрупкие, тоненькие, как травинки, сучки и, слегка поддувая, стал потихоньку отодвигаться в сторону, чтобы пропустить ветерок. Огонь робко тронул сухую былинку, уцепился за нее и, похрустывая, стал расползаться вверх и вниз, превращаясь в большое и доброе пламя. Мишка медленно приподнялся с колен и вытер рукавом глаза, которые заслезились то ли от радости, то ли от того, что в них попала струйка дыма.

Анютины глазки

1

Слева от дороги зеленел молодой отавой луг, справа рябился под ветерком пересыхающий пруд, по которому вперевалочку, цепляясь лапками за илистое дно, плавало стадо гусей.

Наш газик проскочил узкую, без единого деревца, плотину, с ходу одолел изволок и помчался по ровной широкой дороге, вдоль которой по обе стороны на добрые пять верст тянулось Пронино. Это большое село, лежащее в степной части района, славилось своими богатыми землями, а мне оно все-таки не нравилось. Вокруг села — ни лесочка, ни кустика, возле домов — ни одного плодового деревца, только старые, раскидистые ракиты, посаженные давным-давно, украшали Пронино.

Мы промчались по селу и свернули влево. Возле школы в молодом яблоневом саду хлопотал вместе с ребятами высокий худощавый биолог Иван Акимович Грушин, балагур и хлебосол.

— Вот видите, стоило только приложить руки,— обратился я к Ивану Акимовичу, здороваясь, — и, пожалуйста, чудесный сад: и яблони, и груши, и смородина, и такие прекрасные цветы, а в селе — пусто, ничего, кроме ракит. Чем это объяснить Иван Акимович?

— Да как вам сказать? — заулыбался учитель. — Видимо, народ у нас слишком практичный. Сад — дело любительское, сплошная морока: и окапывать, и обрезать, и

от мышей беречь. Проще и выгоднее — картошка: осенью сдал машину-другую, вот вам и денежки, чистые, хрустящие. Покупай, что душе захочется.

— А все-таки для души куда приятнее вот эта красота, — возразил я ему, — эта зелень, эти цветы!

Мы остались довольны порядком «а пришкольном участке, поблагодарили Ивана Акимовича за его усердие и стали прощаться.

— Небось, проголодались? Зайдемте на минутку, — засуетился учитель.

— Спасибо, Иван Акимович, — отказались мы. — Поздно, солнце садится.

— Зря упрямитесь, — обиделся Иван Акимович и еще пуще забеспокоился. — Девочки, что же вы отпускаете гостей без цветов?

— Сейчас, Иван Акимович, — ответили они, — мы уже приготовили.

— А можно нарвать Ане? — робко спросила одна из них.

— Пожалуйста, нарвите, — разрешил им учитель и пояснил нам: — Это они своей подружке. Девочки часто навещают ее: то полевых цветов принесут, то вот этих, своих, с грядок. Она очень любила цветы — анютины глазки.

2

Директор Пронинской средней школы, пожилой, располневший мужчина, часто отлучался в город, где у него была семья. Ему оставалось два года до пенсии, он с нетерпением ждал ее: от биологии отказался, чтобы не возиться на участке, а набрал себе часов рисования и черчения. Учителя недолюбливали своего директора за небрежность, халатность и нерасторопность.

— Поезжайте, проверьте контроль и руководство, — оказала Софья Андреевна, которой надоело слушать нарекания за пронинского директора.

Морозным январским утром мы выехали в Пронино. Дорога была забита снегом, лошадь с трудом тащила розвальни, и мы добрались до места с большим запозданием, промерзшие до костей. Сбросив плащи, одетые поверх пальто, мы ввалились в учительскую, растирая онемевшие руки.

— Не ждали? — подчеркнуто грубовато сказал я пронинцам вместо приветствия. — Небось, думаете: не было печали — черти накачали! Что ж, сами виноваты: поменьше бы жаловались!

— Негоже зажимать критику, негоже! — заулыбался Иван Акимович. — Директор не такие перлы сочиняет, вон посмотрите на доске объявлений.

Я повернулся к стене и прочел выписку из приказа:

«За систематическое грубое оскорбление директора при служебных обязанностях, называя его безграмотной деревенской бабой, приказываю объявить строгий выговор с последним предупреждением учителю биологии Грушину Ивану Акимовичу и довести до сведения роно». Внизу печать, дата и размашистая подпись директора. После такого «перла» неуместно было спорить и шутить.

Мы поговорили с директором, побеседовали с учителями, внимательно просмотрели школьную документацию, походили по урокам во вторую смену и уже собирались пойти отдохнуть, как в учительскую влетел страшно взволнованный Иван Акимович и схватился руками за голову:

— Никогда этого не случилось, никогда: сколько лет работаю, не было ничего подобного! — горячился он. — И вот, пожалуйста, как на грех.

— Да что хоть произошло? — удивились учителя. — Расскажите толком.

— Нет, это поразительно, в голове не укладывается, — ужасался учитель. — Где это видано, где это слышано: украсть деньги у своего товарища? Уму непостижимо!

Иван Акимович так и не мог сказать ничего вразумительного. Тем временем директор выяснил, что у девочки из девятого класса, где Иван Акимович классный руководитель, пропали три рубля: кто-то вытащил из кармана пальто, что висело в раздевалке. Уборщица божилась, что она все время была на месте, что «роне Светки Дурновой в раздевалку никто не забегал, да и та взяла только шапочку, потому что озябла.

После уроков девятый класс задержался в школе. Все недоумевали, кто 'мог это сделать. Ребята спорили, препирались, шумели. Иван Акимович бледный, стоял у стола, стараясь утихомирить разбушевавшихся ребят. Наконец, все разошлись, так и не выявив виновника.

Мы, как могли, утешили Ивана Акимовича и пошли к нему ночевать. Не успели еще поужинать, как в окно громко, нетерпеливо постучали. Хозяин поспешил на крыльцо. Через несколько минут он вернулся и выпалил:

— Понимаете, поймали. Вот уж на кого не подумаешь: Аня Боброва! Такая робкая, скромная, правдивая — и вот, пожалуйста, воровка!

Аня Боброва, придя из школы домой, спохватилась, что забыла в парте дневник. Она набросила на плечи пальтецо, схватила шапочку и побежала в школу. Влетев в класс, Аня включила свет, сунулась в парту, отыскивала дневник, почему-то оказавшийся в самом углу.

Две девочки, притаившись за изгородью, лежали в снегу и ждали, кто из ребят вернется вечером в школу. Они предположили, что деньги спрятаны где-нибудь здесь. Вор не мог их взять с собой, опасаясь, что станут обыскивать. Девочки с замиранием сердца ждали, что кто-то вот-вот покажется. Заметив Аню Боброву, вбежавшую в школу, они подкрались к окну и увидели, что она шарит в парте. Они бросились к двери, чтобы задержать Аню, и столкнулись лицом к лицу с ней.

— Ой, девочки! — встрепелась Аня. — Села готовить уроки, а что задали, не помню, хоть убей, забыла в парте дневник. Пришлось поневоле бежать в школу, — огорченно призналась она. — А вы что тут делаете? Все в снегу, как чертушки.

— А может быть, ты еще что-нибудь забыла? — ехидно спросила у нее Светка Дурнова, вырвала дневник и стала его листать.

— Да ты что, рехнулась? — перепугалась Аня, ошеломленная внезапной догадкой.

— Сама ты спятила! — обозлилась Светка, доставая из дневника деньги. — Вот они где, оказывается! — злорадно выпалила она.

У Ани оборвалось сердце, потемнело в глазах, отнялся язык.

— Это... это... это... — Аня не могла выговорить слова. — Это кто-то подложил. Я не видела, я не брала, честное комсомольское.

— Какое уж тут комсомольское! — презрительно и зло захохотали девчонки.

Аня, потрясенная неожиданной подлостью, не чуя ног, без дороги, проваливаясь в снег, бежала домой. Распахнув дверь, она услышала, как Толя, братишка-первоклашка, громко, нараспев, зубрил стих о зиме, а в горнице, за перегородкой, зло и грубо спорили мать и отец.

Аня раскрыла книгу, попыталась читать, но в голову ничего не лезло, мысли путались, строчки расплывались перед глазами. Она захлопнула учебник, не раздеваясь, повалилась на постель и уткнулась лицом в подушку. Ну, кто это мог сделать? Неужели дурнушка?

3

Почти полгода вместе с Аней, за последней партой, сидела Светка Дурнова, невзрачная, рыжая, взбалмошная девчонка с узкими, плутоватыми, бесстыжими глазами. Светка отличалась добродушным нахальством и редкой тупостью. Она запросто шпargarлила на уроках, слизывала у Ани на контрольных и, как подаяния, ждала у доски подсказки. Сладстена, она постоянно катала за щекой леденец и с нетерпением ждала конца урока, чтобы сразу после звонка мчаться в буфет.

— И охота тебе толкаться в очереди? — пожимала плечами Аня.

— А я без очереди! — ухмылялась Светка. — Давай деньги.

Однажды, узнав, что привезли горошек, Светка влетела на перемене в класс и, не обнаружив Ани, полезла в ее сумку, достала из карманчика рубль и побежала за конфетами.

Аня спохватилась, что нет денег, обрушилась на подругу:

— Зачем взяла, бессовестная? Я на тетради берегла, а ты...

— Глаза лопни, не брала!—заворковала она и сунула Ане в рот голубую горошину.

— Не лезь со своими грязными руками!— оттолкнула ее Аня.— Обрадовалась рублю.

— Ну и куркуль же ты, Анька! — обиделась Светка. — Не хнычь, отдам, — заворчала она и отвернулась от подруги.

В понедельник была контрольная по геометрии. Светка попыталась как всегда слизать, но Аня зло поглядела на нее:

— Не пяль глаза в чужую тетрадь, шевели своими мозгами.

— А ты и в самом деле куркуль!

— Вот тебе и куркуль.

Светка схватила двойку, нагубила Ане и перепорхнула на другую парту, глубоко затаив обиду.

Сейчас, задыхаясь от боли, Аня вспомнила об этом случае, тяжело вздохнула и уставилась широко открытыми глазами в темень потолка. «Думай, как хочешь, — рассуждала с горечью Аня, — а завтра все будут шушукаться и озираться. Теперь начнут проработывать, всю душу вымотают, а как докажешь, что не виновата?»

Собрание было бурным и коротким.

— Факт налицо! — сказал секретарь комитета комсомола. — А факт, как известно, упрямая вещь. Боброва опозорила свой класс, всю школу. Стыд и срам!

Все были возбуждены, настроены непримиримо.

Аня за эти два дня столько пережила и перестрадала, что у нее не осталось сил волноваться. Она равнодушно встала из-за парты, неторопливо подошла ж столу и спокойно сказала:

— Я не собираюсь оправдываться, потому что ни в чем не виновата: это чья-то злая шутка.

Иван Акимович, все время молчавший, упрекнул ребят:

— Даже если Аню в самом деле бес попутал, все равно это жестоко — исключить из комсомола. Нельзя рубить сплеча — можно дров наломать. Надо как следует разобраться.

— У вас слишком добрая душа,— снисходительно заметил секретарь.— Что же тут разбираться? Факт налицо: значит, не может быть никакой пощады!

Все проголосовали за его предложение. Даже Саша Петров. Не поднимая головы.

— Сними значок-то! — ехидно ухмыльнулась Светка. — Не позорься.

Аня презрительно взглянула на нее и, печально улыбнувшись, ни слова не проронила в ответ. Она отошла в сторонку, поджидая Сашу, с которым давно дружила, а когда он поравнялся с ней, робко спросила у него:

— Саша, у тебя есть «Анна Каренина»?

— Нету!— отрубил он грубо.— Была Аня Боброва, и ту украли,— промычал он и, задержавшись на мгновение, хмурый, прошел мимо.

Аня прикусила губы, гордо вскинула голову и направилась в учительскую, откуда доносились возбужденные голоса Ивана Акимовича и директора. Аня потихоньку постучала в дверь и, не дождавсь разрешения, приоткрыла ее:

— Иван Акимович, вас можно на минутку?

— Сейчас, подожди чуточку,

— После поговорите! — рявкнул директор. Закрой дверь, не подслушивай.

Аня повернулась и пошла домой.

Иван Акимович доказывал директору, что ребята поступили опрометчиво: не разобравшись толком, исключили девчонку из комсомола.

— А я убежден, — утверждал Иван Акимович, — что Аня не виновата: тут какое-то недоразумение. Вполне возможно, что это подстроила Светка Дурнова: она способна на любую гадость. Тем более, что у них уже была стычка из-за денег...

— Вечно вы собираете ребячьи сплетни!—оборвал его директор.

Когда Иван Акимович вышел из учительской, Ани уже не было. Ему стало неловко и стыдно, что так долго задержался.

— Девочке теперь очень тяжело и горько,— сказал мне Иван Акимович.— Надо бы ее утешить и ободрить. Пойдемте-ка сходим к ней домой.

Дом Бобровых стоял посреди села. Выглядел он понуро и сиротливо. Бугристая, почерневшая от времени соломенная крыша придавила к земле низкие, неровные, из чурбачков, стены, грубо обмазанные коровяком с глиной.

В сенцах в беспорядке валялись дрова, чугуны, ведра. Осторожно, чтобы не споткнуться, мы прошли к двери и, постучав, приоткрыли ее. В лицо ударило спертым, гнилым воздухом. Мы поздоровались и задержались в передней.

— Проходите, что же вы стоите?— послышался Анин голос.

Мы прошли в горницу и остановились, изумленные. В правом, дальнем, углу темнела икона божьей матери. Под лею, возле окна, на шлаковых кирпичиках стояла железная кровать, неубранная, без простыней.

Провисший потолок опирался на облезшую трубку с вывалившимися кирпичами и потрескавшейся плитой. Возле плиты, облокотившись на кирпичи, сидел и курил сгорбленный, заросший щетиной человек. Он слащаво улыбнулся нам, обнажив свои огромные желтые зубы. Во всем его облике было что-то древнее, дремучее. Ему, вероятно, было под сорок, но выглядел он стариком.

Отец Анн долгое время работал в полеводческой бригаде, простудился на уборке, заболел. Кто-то из дружков посоветовал лечиться водкой. Начав «лечение», он уже не смог отвыкнуть от этого «лекарства».

— Угробили человека, теперь никому не нужен, даже путевку не могут дать! — заговорила толстая женщина с мутными выпученными глазами. — Хватит ныть! — оборвала ее Аня. — Постыдились бы, а то еще кого-то вините.

Мы с одобрением поглядели на Аню, сочувственно улыбнулись ей.

— Аня, ты не очень расстраивайся, — сказал ей Иван Акимович. — Я верю, что ты не виновата. Ребята явно погорячились. Райком комсомола наверняка не утвердит решения собрания.

— И вы зашли меня обрадовать?—с издевкой спросила Аня. — Нечего жалеть воровку.

— Если ты не виновата, правда рано или поздно восторжествует!— несколько торжественно произнес я.

Аня сразу уловила, почувствовала неестественность в моем голосе и недовольно поморщилась.

— Правда восторжествует! — стиснув руками виски, взорвалась Аня. — До чего же я ненавижу громкие слова! Нет ее, правды, нет!—заметалась она.

— А ты, оказывается, упрямая! — обиделся я. — С тобой трудно разговаривать.

Я не ошибся, упрекнув Аню в упрямстве, но это упрямство было особого рода— упрямство подростка, доведенного до отчаяния. До восьмого класса Аня Боброва мало чем отличалась от своих подруг: была тихой и незаметной, и только иногда Иван Акимович замечал в ее больших серых глазах какую-то затаенную печаль.

Он догадывался, откуда у нее эта грусть и рассеянность, и незаметно старался развеять их.

С годами Аня стала острее и болезненней воспринимать домашний неуют, семейную неустроенность. Ане было нестерпимо стыдно, когда к ней заходили подруги и морщились, глядя на убогую домашнюю обстановку. Придя из школы, Аня спешила подмести полы, перемыть посуду, постирать грязное белье. Мать равнодушно смотрела на старания дочери, словно совсем не замечала их. Она и раньше не отличалась чистоплотностью, а после того, как муж заболел, и вовсе махнула рукой на семью.

Аня не могла примириться с распушенностью родителей: сначала робко, а затем все резче упрекала их:

— Когда же все это кончится? Как вам не стыдно от людей?

Отец курил, кашлял и помалкивал, а мать разгневанно отвечала дочери:

— Мы свое отжили. Нам и так хорошо. А тебе не нравится — поищи получше!

— Что ж, мне теперь из родного дома уходить? — отчаивалась Аня и с заплаканными глазами отправлялась в школу.

— Иван Акимович, родной, невозможно жить! — откровенно признавалась Аня своему классному руководителю. — Хоть завязывай глаза да убегай из дома. Не дождусь, когда закончу десятилетку. Плюну на все, подамся в город, в школу садоводов.

В тот вечер, когда мы с Иваном Акимовичем зашли к Бобровым, Аня была взвинчена, нервы ее не выдержали, и она наговорила глупостей.

В действительности ни домашняя обстановка, ни тяжкое обвинение товарищей не смогли сломить ее, не убили в ней веру в людей, в справедливость.

Она прометалась всю ночь, стараясь побороть жестокую обиду, а рано утром, не позавтракав, налегке, пешком отправилась в райком комсомола.

До города было километров двадцать. За ночь поземка зализала следы. Аня шла по бездорожью, то и дело проваливаясь в снег. Встречный ветер, резкий и морозный, толкал ее в грудь, обжигал лицо и колени, перехватывал дух. Аня останавливалась, поворачивалась спиной, переводила дыхание и двигалась дальше. О чем она только ни передумала за дорогу: и чем ближе подходила к городу, тем глубже вселялась в нее уверенность, что все это дурной сон, что все будет хорошо, что есть все-таки правда на земле.

Секретарь райкома Володя Щеглов, парень серьезный и рассудительный, узнав, в чем дело, попросил Аню:

— Пожалуйста, расскажи обстоятельно и откровенно все, как было.

Он внимательно выслушал Аню, посочувствовал ей и заверил:

— Мы скоро завернем к вам в школу. Во всем детально разберемся. Говоришь, что Иван Акимович был за тебя? Мне тоже кажется, что ты не виновата, что тут допущена грубая ошибка. Аня с благодарностью взглянула на Володю. «Есть все-таки правда на земле!» — подумала она про себя и заторопилась в родное Пронино.

Домой она добралась поздно вечером, с отмороженными лицом и руками. Жестоко простудившись, Аня не встала утром с постели: стонала и металась в бреду.

Через неделю мы приехали с Володей Щегловым в школу. Страсти приутихли, ребята присмирели.

Райком отменил решение собрания, но Ане уже не суждено было узнать об этом.

Бабай

1

Старое кирпичное здание Каменской восьмилетней школы стояло в самом конце села, на взгорке, спрятавшись в заросли сирени, акации, вишенника.

В этот отдаленный уголок рейсовый автобус не ходил, а машины сновали часто — возили заготовку. — Дорога до школы дальняя, — сказала мне Софья Андреевна, направляя на первый день занятий, — но вы самый молодой, как-нибудь доберетесь.

Я вышел утром за город, долго ждал попутку, в школу запоздал: торжественная линейка уже заканчивалась.

Директор кивнул мне и продолжал объявлять благодарности ребятам, отличившимся летом на работе в колхозе. Ребята устало переминались с ноги на ногу, а директор откашлялся, улыбнулся и торжественным голосом заговорил вновь:

— А теперь разрешите вручить ученику пятого класса Степушкину Алексею грамоту за смелость и находчивость, — Сергей Иванович бросил в мою сторону лукавый, загадочный взгляд.

«Наверно, этот мальчишка спас утопающего или вытащил кого-нибудь из огня?» — мелькнула у меня догадка, а Сергей Иванович закончил свою речь:

— За смелость и находчивость, проявленные при охране колхозного зерна.

Невысокий, шупленький подросток с выгоревшими рыжими вихрами неуверенно вышел из строя и, смутившись, принял из рук директора красочный, хрустящий лист. Я заметил среди ребят необычное оживление, веселые улыбки, дерзкие смешки.

Задорно и призывно зазвенел звонок, ребята, смеясь и толкая друг друга, заспешили в школу. Один из мальчишек, шумно похлопав Алешу по плечу, подзадорил его:

— Эх, ты, не сообразил! А я бы сел на помело и приказал бы: «А ну, бабка, прокати меня по полю!»

— Что за нелепые шутки? — непонимающе уставился я на директора. — Почему нелепые? — захохотал он. — Все правильно: бабка, помело. Точь-в-точь, как на хуторе близ Диканьки. Невероятная история, а мальчишка не струсил: вот вам и Бабай!

— Что еще за Бабай? — наострил я уши.

— Прозвище такое у Алешки, — пояснил Сергей Иванович.

2

Алешка меня крайне заинтересовал. Я позвал его после уроков в учительскую.

— Поздравляю, герой, поздравляю! — трясу его за руку. — Можешь с бабками воевать. А что Бабаем дразнят — не беда. Разве ты трус? Всем доказал!

— Я давно доказал! — осмелев, похвастался Алешка и наивно добавил: — Прозвище-то такое у меня с детства. Боязливый очень был. От испуга.

— Как от испуга? — встрепенулся я, предположив: под лед попал или еще хуже?

— Хуже! — звонко рассмеялся он.

В учительской никого не было, все ушли домой, мы остались одни, и Алешка, подогреваемый моими наивно-простодушными вопросами, разговорился да так, что не остановишь.

— Давнишнее это дело, — продолжал он. — Мне тогда года два было, наверно. Сам-то не помню, это уж Мать мне рассказывала. Сижу я, значит, под окном, роюсь в леске, домик строю. Подкрался Аксиньин сын, шутник он большой, шепнул мне на ухо: «Погляди-ка, что у меня». Я обернулся, а в лицо мне—медведь. Большущий, лохматый, глазища страшные, того и гляди слопаёт. Я задрожал весь от страха и закричал что есть мочи: «Ой, ба-ба-ай! Ой, ба-ба-ай!». Я звал на помощь бабушку, весь дрожал и заикался, и получалось: «Ой, бабай». С тех пор так и прозвали меня Бабаем. А медведь так и стоял перед глазами, по ночам являлся, снился. Один раз я так перепугался, что свалился с печки и руку вывихнул. Меня лечить стали от испуга. Доктора смотрели, бабки заговаривали, в куриный помет зарывали — ничего не помогло. В школу пошел — грачей боялся, увижу — обхожу стороной. Со мной за партой сидела одна девочка, красивая такая, чернявая. Она мне очень нравилась, заступалась за меня, когда ребята дразнили, а как-то повздорили с ней, она меня тоже обозвала Бабаем. Мне так стыдно стало, так обидно и горько. Зло взяло, такое зло, что я отчаялся: пусть, думаю, волки разорвут, а я докажу всем, что я не трус. Вечером ушел в ближний лес — испытать себя. Страшно было, жутко. Иду по лесу, съежился весь — каждый листик шуршит и дразнит: «Бабай, Бабай, Бабай!» А филин забормотал — у меня душа в пятки ушла. Стою ни жив ни мертв. Отдышался — дальше пошел. Дома хватились, шум подняли, стали искать. А я заблудился: вперед пойду — речка, назад поверну — тоже речка. Я страшно перепугался, стал плакать, кричать, звать. Тут меня и нашли. Ребята узнали, еще злей стали дразнить и разыгрывать. Я окончательно обозлился и поклялся, что пойду куда угодно, один, ночью. А самое страшное место у нас — кладбище. Говорили, что в полночь мертвецы встают, людей ловят, в могилу утаскивают. «А вот не пойдешь!» — поджигали меня старшие ребята. — «В штаны напустишь». — «Пойду!» — отбивался я. «Не пойдешь!» — «Пойду!» — а про себя решил: «Умру, а пойду. Лучше умереть, чем такой позор».

Я все время молчал, затаенно слушал Алешкин рассказ, качая от удивления головой, не прерывая, а тут не выдержал, прервал его: — Ну и как? Ходил все-таки?

— Ходил! — с гордостью выпалил Алешка. — Все поджилки тряслись, думал, сердце от страха разорвется, а все-таки прошел кладбище вдоль и поперек. Оказывается, ребята за мной следили, после рассказывали, что это они хрюкали, свистели, голосили. Все равно прошел, а домой прибежал без памяти, неделю валялся в горячке, еле отходили. Ничего, отошло! — сам себе удивился Алешка. — Зато ребята перестали с тех пор смеяться и дразнить, признали за своего, во все вылазки брали. А прозвище так и прилипло, присохло. Ну и пусть, оно хорошее, звучит, правда?

— Что верно, то верно! — согласился я. — Здорово звучит: «Ба-бай!» — громко, нараспев, произнес я, допытываясь: — А испуг-то как рукой сняло? Да?

— Нет, по-прежнему боюсь, только не очень, — совершенно искренне признался Алешка. — Вот бабка Аксинья и смекнула, что я испугаюсь и убегу.

3

— Заговорились мы с тобой, Алеша!—я встал и потрепал его рукой по вихрам. — Весь день бы слушал, да тебя, наверно, дома заждались. Еще подумают, что после уроков оставили. Алешка неохотно взял кепчонку, перекинул через плечо сумку и попрощался со мной. Сергей Иванович, не дождавшись меня, прибежал в учительскую, затормозил:

— Хватит, битый час просидели. Алешка такой: без конца будет рассказывать, только слушай.

— Наверно, эта бабка Аксинья из ума выжила?— не мог я никак успокоиться.

— Выжила!—хмыкнул Сергей Иванович.— Она хитрей черта, любого вокруг пальца обведет. Восьмой десяток, а молодого заткнет за пояс: жилистая, поджарая, злющая. Никак не может примириться с нашей жизнью. В тридцатом их раскулачили: мужа сослали, а она затаила злобу. Люди в колхоз вступают, а эта по дворам шушукается: «Кого слушаетесь? Они черту душу продали, от родных отреклись, от бога, а вы им верите. Мягко стелют, да жестко спать. Ведите, ведите коровенок на общий двор, а после по миру. Помяните мое слово: одумаетесь, да поздно будет. Нас хоть через дверь вытурили, а вы через окна не выскочите!»— пугала она соседей. Мой отец уполномоченным был, видимо, насолил ей. Кулаки подстерегли отца, из обреза его. Услышала она — от радости запрыгала: чтоб ему, говорит, не гнить в могиле, торчмя стоять,— припомнил Сергей Иванович.—Так и не пошла в колхоз, прикинулась болящей. Люди на работу, а она посмеивается: «Старайтесь, бабоньки, старайтесь: гните спину на чужого дядю!» То в лес за грибами скроется, то шастает по деревьям, куски собирает, вроде побирушки. Ее не обижали, не притесняли, даже помогали: сенца, дровишек подбросят. А волка сколько ни корми — все в лес смотрит! Все власть другую ждала. Немцы пришли— сразу духом воспрянула: радовалась, ластилась, да старая стала. А наши вернулись — сжалась, сторбилась. Весь свет возненавидела, на людей не глядит, идет по деревне — глаза в землю. Тридцать лет ходит, тридцать лет смотрит, все ищет чего-то, да не может найти. Сына родного прокляла, со двора сжила. Плюнул малый на нее. скрылся в город, глаз не кажет. А она вроде притихла, смирилась под старость, а живет еще кулацкое нутро. Колхоз потихоньку клянёт, а сама не прочь при случае руку запустить, урвать что-нибудь, да вот грех попутал. Молодец, Алешка, что не растерялся! — закончил Сергей Иванович.

4

Прямо против школы, за речкой, в углу поля, где пересекаются лесные полосы, виднелся колхозный ток. Алешкин отец, инвалид войны, сторожил зерно. Единственным его оружием была суковатая дубинка: сторож был не из робкого

десятка, честный и строгий, не разрешал баловаться, хотя в деревне попадались люди, у которых разгорались глаза на колхозное добро.

В этот день отца вызвали в райсобес.

К вечеру он не вернулся, хотя обещал обязательно быть. Мать забеспокоилась и сказала Алешке:

— Что-то батька задержался в городе. Сходи, покарауль с вечера, а там и он подойдет.

Алешка обрадовался, получив такое важное задание.

Он и раньше бывал на току, но тогда с отцом, а сейчас — один. Правда, страшновато, но разве можно было отказаться от такого почетного поручения? Алешка взял фонарик, достал коробок спичек, сунул в карман самодельный пугач и заспешил на ток.

Мать подождала-подождала сынишку и, уставшая, намотавшись за день на работе, легла вздремнуть, решив, что муж сразу завернул с дороги на ток, а Ленька не захотел, может быть, побоялся один идти домой и остался с отцом.

Алешка все глаза проглядел, поджидая отца, а его все не (было. Важно, опираясь о дубинку, Алешка обхаживал ток, запрокидывал голову, любовался звездами. С запада вынырнула, прошла над головой я удалилась большая яркая звезда. «Спутник!»— сразу догадался он и стал насвистывать: «Присядем, друзья, перед дальней дорогой».

В селе заиграла гармошка, девочки запели частушки, затем все затихло, погрузившись в ночь. Алешка зажег фонарик, посмотрел на часы, подаренные ему отцом в день рождения: стрелки показывали половину первого. Ему невольно вспомнилась бабушкина сказка: «В полночь колдунья села на помело и завихрилась по деревне».

— Темные люди были! — засмеялся вслух Алешка. — Верили во всякую чушь. — Не успел он так подумать, как увидел: из лесной полосы, шурша жнивьем, метнулась в сторону тока какая-то живность. Сердце у него заколотилось, как у пойманной птицы: не от испуга — от неожиданности. «Наверно, собака или волк», — подумал Алешка. Он вскинул фонарик — и обмер: колдунья! Самая настоящая, словно из бабушкиной сказки: в исподней рубахе, волосы распущены, скачет на помеле. Мальчишка оторопел, а в голове мгновенно мелькнуло: «Мужик увидел колдунью да матом ее: она, словно дым, растаяла; не выносит, значит, черного слова». Алешка никогда не ругался, не умел, а тут как фуганет, аж на луне слышно. А колдунья и бровью не повела: крадется к току и стонет. Алешка сторяча схватил отцову дубинку — и к ней. Она дрогнула, повернулась — и удирать. Алешку охватил азарт: догнал ее, прыгнул на помело, а сам — за волосы. Посветил фонариком и ахнул: бабка Аксинья! Озирается и дрожит вся, а под мышкой — мешок. Бабка Аксинья видит, что дело плохо, запричитала:

— Лешенька, милый, прости. Грех попутал дуру старую. Прости. Лешенька, не рассказывай никому: все яблоки твои будут, весь сад отдам!

— Значит, за рожью шла, ведьма старая?— обозлился Алешка.— Думала, что испугаюсь и убегу? Дудки! Не на того наехала со своим помелом.

Бабка Акси́нья напруглась, рванулась и пустилась наутек. Алешка выхватил пугач и закричал:

— Стой! Стрелять буду!

Бабка не расслышала или не поверила: бежит без оглядки. Алешка чиркнул спичкой и — «ба-бах!» Колдунья охнула, споткнулась и повалилась в жнивье.

— Ой, убил! Убил, проклятый! — завопила она дурным голосом.

— Не ори, бабка, жива будешь! — усмехнулся Алешка.

Он привел ее под навес и строго пригрозил:

— Не вздумай бежать — прихлопну! Сиди до утра, веселей вдвоем.

Бабка озябла, лязгает зубами, а сама умоляет:

— Бесстыдник! Скоро рассветет, а я в нижней рубахе. Отпусти, не позорь старуху.

Алешка (был неумолим, стоял на своем, не отходил ни шагу от нее, терпеливо ожидал рассвета. А вскоре пришел бригадир, увидел бабку Акси́нью в исподней рубахе, с мешком и помелом и заржал, как стоялый конь.

— Теперь, бабка, проваливай домой: пора печку топить! — приказал ей Алешка.

Бабка Акси́нья встала, размяла затекшие ноги и потянулась за мешком и помелом. Алешка подбежал и вырвал их:

— Трофеи оставь. В школьный музей. Чтобы все видели...

Орешек

1

Первого сентября Саша Орехов не пришел в школу. Не явился он и на другой день, хотя отец обещал привести его. Анна Васильевна, заведующая Песковской начальной школой, страшно расстроилась:

— Ничего не могу поделать. Даже отца не слушается: сегодня довел уже до порога, а он вырвался и поминай, как звали. Теперь на конюшне: он там целыми днями пропадает, дышать не может без лошадей, а в школу не пойдет, хоть убей!

— Вы убеждены? — недовольно спросил я.

— Даю голову на отсечение! — вспыхнула она.

— Голову поберегите, Анна Васильевна, она вам еще пригодится, — посоветовал я не без иронии.

— Ваш легко говорить, вы в школе не работаете, а я все ноги отбила! — не на шутку обиделась она. — Попробуйте сами.

— Возьму и попробую! — задел я ее за живое.

— Бесполезно! — безнадежно сказала она. — Я лучше всех его знаю: он все равно не придет. Этот орешек не так просто раскусить.

Саше Орехову девять лет. Крепкий, рослый, сноровистый. Одна помеха — заикается. Да не просто помеха, а беда, горе-горькое, которое замучило его.

В мае этого года я завернул в школу, зашел на урок в первый класс, сразу заметил Сашу, спросил у него:

— А ты, мальчик, почему руку не поднимаешь, молчишь все время?

— Я-я-я б-б-бо-юсь,— сильно заикаясь, чистосердечно признался он. Раздался смех — дружный, веселый, безобидный. Саша опустил голову и провел рукавом по глазам. В школу он больше не пришел, никакие уговоры не помогли. Анна Васильевна заколебалась: оставить на второй год или перевести? Лучше перевести — до конца учебного года всего две недели, а двоек у него нет.

Сашу перевели во второй класс, но первого сентября он снова не пришел в школу. Анна Васильевна забила тревогу. За лето Саша совсем одичал: протрет глаза и бежит из дома. Родители отчаялись: всякое может случиться.

Мне захотелось повидаться с мальчиком, поговорить с ним. Сопровождал меня первоклашка Мишка, неуклюжий, рыжий увалень, по прозвищу Медвежонок.

Мишка — важный и разговорчивый:

— Я каждый день захожу за Сашкой. Приду, а его дома нет. Ребята над ним смеются: где, мол, ему учиться, он слова не может выговорит!)! Ему только хвосты лошадям заплетать. А Сашка повернется и уйдет. Такой чудак! — Мишка, как дельный, хмыкнул носом.— Он меня только не боится. Рядом живем, вместе бегают на конюшню.

Подходя к Сашкиному дому, я совершил ошибку: пропустил Мишку вперед. Он не спеша перевалил через порог, по-взрослому приподнял рукой козырек кепчонки:

— Вот дяденька из школы, хочет с Сашкой поговорить.

Я поздоровался с хозяевами, огляделся, спросил:

— А Саши нет дома?

— Санька! — позвал его отец, худющий мужчина.— Где он? Сейчас только вертелся. Спрятал-ся, пострел!

Мишка загадочно улыбнулся и важно скомандовал:

— Шагом марша из-под кровати!

Лохматый черноглазый мальчуган неохотно вылез, отряхнулся, метнул в Мишкину сторону недовольный, сердитый взгляд: «Предатель!» — и пулей вылетел из дома.

— Вот и поймай его! — с досадой сказала мать.— Ничего не можем поделывать, никак не хочет учиться, а так послушный, старательный, все сделает, что ни попросишь: кур накормит, дров наколет, воды принесет из колодца. Замучили его лошади, весь день торчит на конюшне, а в школу на веревке не затянешь. Хоть бы нужда какая, а то ведь все есть. Сестра о нем заботится: купила портфель, книжки, тетрадки, счеты. Все равно не хочет в школу. Не то, чтобы не хочет, а...— запнулась мать,— недостаток у него: заикается.

— Все дело портит, — вмешался отец. — Ребята смеются, а мальчишка стеснительный. Лечили — не помогает. Давно заикается, с трех лет, от испуга. Сладена был: мать ушла на работу, а он в подвал по сметану. Заглянул в махотку, а там на доньшке. Сначала рукой доставал, а потом решил вылизать: просунул голову, а оттуда — никак. Перепугался, забился, закричал благим матом. Я вижу такую картину — разбил махотку молотком. А мальчик, как мел. Дрожит весь. С тех пор и заикается! — поведал с горечью отец.

По раме скользнула тень: Сашка, раздетый, в одной кепчонке, воровато заглянул в окно, увидел, что я еще сижу, и снова завихрился к речке.

Пока мы беседовали, подросел Мишка: только пообедал, облизывает губы. Стали советовать, как быть с Сашкой.

— В наше время безграмотный человек — то же, что слепой или безрукий! — вспомнил я слова Тургенева. — Мальчик должен обязательно учиться. Поговорите с ним посерьезней, пристыдите его, убедите, — упрашивал я родителей.

Мишка вызвался проводить меня. Идем берегом реки, разговариваем. Вдруг Мишка дергает меня за рукав:

— Гляди-ка!

Из-за кустов, с того берега, выглядывает Сашка, провожая нас ревнивым взглядом.

— Ну, что ты прячешься? — крикнул ему Мишка. — Прыгай к нам.

Сашка отрицательно замотал головой и пригрозил мне кулаком.

— Эх, ты, герой! — упрекнул я его. — А боишься чужого дяди.

Мы подошли к конюшне. Какая-то женщина неумело запрягала лошадь в телегу.

— Что глядишь? Помогай! — кивнула она Мишке и пошла за чем-то в конюшню.

Неуклюжий Мишка запыхтел, завертелся перед мордой у лошади, а дугу перекинуть не может. Я стал помогать ему, искоса наблюдая за Сашкой, который притаился за углом. Мишка возился-возился и махнул безнадежно рукой. Сашка не вытерпел, поборол робость, подбежал к подводе, и, заикаясь, заносчиво сказал, обращаясь ко мне:

— Сра-а-зу видно, что го-о-родской!

— Правда,— виновато сознался я.

Сашка ловко перекинул дугу, засупонил хомут, подвязал чересседельник и заправил вожжи.

— А ты просто молодец! — похвалил я его, испытывая явное удовольствие.

— Это он может, запросто! — с гордостью и завистью сказал Мишка.

Подошла женщина, ребята вместе с нею вскочили в телегу. Сашка встал, натянул вожжи и лихо прикрикнул на лошадь: — А ну п-п-пошла!

Я взобрался на пригорок, оглянулся и помахал ребятам рукой. Мишка подружески заулыбался, Сашка медленно поднял руку: мальчишеский кулак задержался в воздухе, дрогнул и разжался в приятельскую пятерню.

Долг платежом красен

1

Где-то в начале августа, совершенно случайно, встретила меня на улице Анастасия Петровна Полухина, директор Красносельской восьмилетней школы, и, взволнованная, расстроенная, взмолилась:

— Слушайте, я в роно бегу. Спасибо, что вы на глаза попались. Позор-то какой! Выхожу сейчас из книжного магазина, а на тротуаре пыль столбом. Штрафники, заросшие, грязные, помятые — смотреть противно! — подметают улицу. Увидел меня

дядя Петя Страхов, милиционер, отозвал в сторону, чуть не плачет: «Дурак-то мой, Валерка, опрохвостился, тоже с метлой. Я сам виноват, погорячился, а теперь локоть близок, да не укусишь. От стыда глаза не знаю куда деть. Анастасия Петровна, голубушка, у меня язык не повернется, а вам сподручнее, директор все же: похлопочите, поручитесь!» Я посмотрела и глазам не верю: правда, Валерка, с метлой, с большущей. У меня так и оборвалось сердце. Умоляю вас: выручите. Вы знаете начальника милиции. Не велика вина-то. А Валерка на осень. Допустили до экзаменов, а он по алгебре схватил двойку. Сейчас самая подготовка, а он — метет. Останется па второй год — вы же ругать будете.

Я слушал и молчал, затрудняясь, как поступить. Хотел отделаться шуткой, да было явно не до смеху: поколебался, подумал и зашагал в милицию.

Начальник встретил меня хмуро, видимо, догадался, зачем я пожаловал, ехидно скривил губы и, положив трубку, выругался:

— Легок на помине, а я вот звонил в роно. Молодцы, заучили, отрезвлять приходится!

Я виновато топтался у двери, комкал кепку, не зная, как (подступиться, с чего начать, а потом собрался с духом и выпалил:

— Пожалуйста, отпустите Страхова. Не велика вина-то: кружку пива выпил. Натощак — развезло. Головой ручаюсь, больше не повторится. Лучше меня посадите.

— И посадим, если заслужишь! — полушутя, полусерьезно оказал начальник. — И метлу всучим, да еще какую побольше! — расхохотался он.

Я рассказал какой-то анекдот, извинился, что оторвал от дела, и, открывая дверь, спросил с ехидцей:

— А у вас, кажется, есть милиционер Страхов? Уж не отец ли Валерки?

— Еще ничего не выдумаешь? — встрепенулся начальник и уже более мирно сказал: — А может быть, и отец: служба есть служба.

Анастасия Петровна встретила меня у входа и горячо затрясла за рукав.

2

Учился Валерка Страхов неважно, а вел себя еще хуже. Анастасия Петровна не раз вызывала в школу его мать, выговаривала:

— Совсем от рук отбился: уроки пропускает, алгебру запустил, дурачится!

Мать недовольно морщилась, хмурилась:

— Я уже весь язык обтрепала. Сам должен понимать. Взрослый.

Отец тоже сквозь пальцы смотрел, дома бывал редко, а появится, услышит, отмахнется:

— Ничего, одумается, подтянется, не глупей других.

Валерка, почувствовав слабинку, совсем распоясался, на все махнул рукой. Экзамены на носу, а он в ус не дует. Целыми днями возле тракторов крутится. Привязался к взрослым, курить стал. Полная самостоятельность, а в голове — ветер. Без конца дурачился: то один номер отколет, то другой. Сначала просто шалил, выламывался, а потом до хулиганства дошел: выпил, завел трактор и — в соседнюю деревню на вечеринку. Председатель колхоза пожаловался в милицию. Отец узнал,

разгорячился и пригрозил сыну, а про себя подумал с горечью: «Петровна правду говорила: учи, пока поперек лавки лежит, а как вдоль ляжет — поздно будет!»

Валерка, провалив экзамен, посмеивался: «Без алгебры проживу!» Анастасия Петровна не на шутку забеспокоилась: будут склонять на всех совещаниях, что вот, мол, допустили до экзаменов, а он второгодником остался. А то еще хуже: возьмет и бросит совсем. Все, кто на осень, ходят на подготовку, стараются, надеются сдать, а Валерка уже неделю не показывается.

В этот день Анастасия Петровна встретила Валерьяну мать, спросила у нее с досадой:

— Куда Валерка запропастился? Опять не явился...

— Валерка-то? Да скотину стережет: наша очередь, — покривила душой мать, потому что сама не знала, где был сын.

А Валерка с утра увязался с трактористами в город: зашли в столовую перекусить, заказали по кружке пива. Были они уже навеселе, заспорили: кто сильнее, кто кого за руку перетянет? Тянули-тянули и сбросили тарелки со стола — вдребезги! Заведующая столовой позвонила в милицию:

— Придите, пожалуйста, уймите хулиганов! Милиционер Страхов дежурил, прибегает и волосы дыбом: Валерка с пьяной компанией! Прости, говорит, батя, а сам лыка не вяжет.

— После будем разговаривать! — оборвал его отец. Ведет в милицию, подталкивает в спину, возмущается: — Достукался, поросенок: школу опозорил, отца осрамил!

А когда Валерка пришел в себя, ему вручили метлу.

Все это рассказала мне Анастасия Петровна, пока мы шли с нею из милиции в роно.

3

Мне не терпелось узнать, что делает Валерка. На другой день я отправился в Красносельскую восьмилетнюю школу, что по соседству с городком.

— Ну, как дела? — спрашиваю у Анастасии Петровны.

— Плохи дела, — упала она духом. — Из милиции вернулся вчера же, а в школу не показался опять.

Валерку мы застали дома.

— Бродяга, ты ведь голову с меня снял! — разобиделась Анастасия Петровна. — Почему не явился в школу?

— Стыдно, Анастасия Петровна, совестно очень, — признался он, увидел меня и покраснел до ушей — Я все перезабыл, сижу, зубрю, завтра приду. Может, вытяну на тройку. Валерка сдержал слово: ежедневно являлся на подготовку, старательно занимался и с большой натяжкой сбросил с плеч алгебру.

Однажды завернул к нему председатель колхоза, стал обхаживать:

— Что не здороваешься? Дуешься, что пожаловался на тебя? А как же ты думал: угнал трактор, а ему в ночь на работу. Угнал-то — полбеды, а вот если бы забурился в овраг да голову себе сломал, с кого бы спросили? С меня! Так-то, дорогой. Это очень

хорошо, что тебя к железкам тянет, только по уму надо. Что дальше-то делать собираешься? Небось, в девятый пойдешь? — задел он его за живое.

— Смеетесь? — обиделся Валерка и откровенно сознался: — Слаб в поджилках, да и душа не лежит: по работе руки чешутся.

— Значит, не хочешь в девятый? — уцепился председатель. — Дело твое. Что правда, то правда: с дуриной ты, да еще с какой! — грубовато пошутил он, — а вот технику любишь, этого не отнимешь. Отправляйся-ка в училище механизации, а? Получишь широкий профиль, а нам позарез нужны рабочие руки, сам знаешь.

— Подумаю, — заупрямившись, уклончиво ответил Валерка.

4

Года три спустя, мы возвращались из отдаленной сельской школы домой. Дело было к вечеру, с запада, навстречу нам, широко облегая небо, стремительно двигалась большая черная туча. Мы спешили, чтобы поскорее выскочить на шоссе, но не успели и попали под грозовой ливень. — Не было печали, черти накачали! — выругался шофер, когда паша старенькая «Победа» засела в лощинке.

С двух сторон к дороге подходила лесная полоса, и березки, горестно покачивая верхушками, с любопытством смотрели на нашу возню. Мы ломали сухие ветки, бросали под колеса, подталкивали сзади: машина натужно редела, но так и не смогла выскользнуть из колеи. Пока мы возились, совсем стемнело. Мы заглушили мотор, сначала курили, поглядывая по сторонам, а потом задремали.

— Ура! — подскочил от радости шофер, увидев, как сбоку, далеко в поле, выкатились из-за бугра два округлых огонька фар. — Сюда движется, подождем.

— Сиди в лощине, жди погоды, а вместо нее опять, глядишь, ливень! — я выпрыгнул из машины и побежал по мокрому полю навстречу огонькам.

Тракторист, заметив меня, остановился, выглянул из кабины и, стараясь перекрыть гул мотора, рявкнул:

— Что случилось? Засели? Эх, вы, деятели!

— Дружище, выручи, засели по самую репку. Выручи, на бутылку будет! — взмолился я.

Он долго не отвечал. Видимо, ему не хотелось вылезать из кабины, возиться с плугом, мокнуть, но все-таки согласился.

— Чья машина-то? — поинтересовался он, когда я вскочил в кабину и сел рядом.— Роновская, говоришь? А, роновская! — засмеялся он и подозрительно заглянул мне в лицо, обнажив в темноте белые зубы.

Шофер обрадовался, выбежал навстречу трактору и торжествующе поднял руку, приветствуя спасителя.

— Трос есть? — спросил у него тракторист и подкатил к «Победе». — Цепляй!

Трактор осторожно, плавно вытянул машину из лощины и остановился.

— Большущее спасибо, держи на бутылку! — подбежал я к трактористу, свесившему голову из кабины.

Он замотал отчаянно головой и закричал:

— Не беру! Не стоит. Вы тоже меня когда-то вытащили. Долг платежом красен.

— Когда вытащили? Откуда? — изумился я, держа застывшую в воздухе руку с трехрублевкой.

— Из милиции! — ответил он звонко. — Да не только...

Меня словно током трахнуло.

— Валерка? Страхов? Ты? — закричал я.

— Он самый! — захохотал Валерка и резко потянул на себя рычаги.

Страничка

1

Я встал пораньше, пришел в роно и стал набрасывать вчерашние впечатления.

— Что не спится? Чем занимаетесь? — заглянула Софья Андреевна. Она всегда рано приходит: дел по завязку, днем не управляется.

— Секрет! — заговорщически улыбнулся я.

— Так и секрет? Раскройте, все равно узнаю, — пошутила она.

— А смеяться не будете?

— Конечно, нет.

— Я завел тетрадь, — признался я. — Записываю, где был, с кем встречался, что интересного увидел или услышал.

— Очень даже хорошо! — одобрила Софья Андреевна. — Почему не записать? В голове все не удержишь. А так надежней: что написано пером, то не вырубишь топором.

— Я коротко, просто так, до страничке.

— Ну, если так, то вот вам еще одна страничка! — оживилась она. — Помните письмо: мать разыскивала дочь? Девочка узнала, уехала к матери, а вчера заходит Вера Михайловна — вы ее знаете, словесница из вечерней школы — вся в слезах: «Девочка-то моя вернулась!» Дело прошлое, — открылась Софья Андреевна, — когда я прочла письмо, то заколебалась: сказать Вере Михайловне — значит, убить ее, а скрыть, умолчать, не ответить родной матери — совесть не позволила. Теперь девочка опять здесь. Что это: детский каприз, позднее раскаяние или глубокая привязанность? Сходите, поговорите, пожалуйста, с ней, чтобы снова не повторилась эта история.

Вера Михайловна была дома, готовилась к урокам, проверяла тетради. Она заметно постарела: голова стала совсем белой, лицо сплошь в морщинах, только глаза по-прежнему поблескивали живыми искорками.

— Работы много, не управляюсь, — посетовала Вера Михайловна. — Сами знаете, как трудно учителю, особенно словеснику. Глаза сдают, память слабеет, а работы — край непочатый: вечером — в школе, днем — хожу по заводам, интересуюсь, как работают мол «малыши», — так ласково называла она своих учеников. — Душа радуется: примерно трудятся, занимаются на совесть. Придут в

школу, усталые, глаза слипаются, а крепятся. Погляжу на них и забываю про свою усталость. Прихожу домой возбужденная, счастливая. А тут еще радость: дочка вернулась. Слышали? Девочка-то моя вернулась! — в глазах у Веры Михайловны блеснули слезы. — Жаль было девочку потерять, очень жаль, души в ней не чаяла.

Муж-то погиб на войне, одна осталась, как есть одна. Пошла в детский дом, приглянулась девчужка, шустрая, забавная, с рыжей челочкой, щебетунья. Сказали, что сиротка, ни отца, ни матери, а мне и нужна такая. Взяла ее в охапку, несущу домой, ног под собой не чую. Кормила, растила, глаз по ночам не смыкала. Девочка тоже привязалась ко мне: мать и мать, свою-то не помнила, ей два годика было, когда родная угодила в тюрьму. Подросла — понятливая, смышленная стала. Возьмет фотографию мужа, поглядит-поглядит, спросит: «Мам, а мам, а палка наш смелый был, храбрый?» — «Очень,— скажу, — очень: геройски погиб». Расцелует его и повиснет у меня на шее. Я скрывала, что чужая ей. Она не знала, никто не знал: я из другого города переехала сюда. Так и осталось бы тайной. Может быть, перед смертью призналась бы. А тут вдруг нежданно-негаданно вызывает Софья Андреевна, смотрит на меня и молчит, хочет что-то важное сказать, да не может, язык не поворачивается. Мучила, мучила, а потом не выдержала. Знаю, говорит, тяжело вам будет, Вера Михайловна, тяжело и горько, а придется оказать, нельзя иначе. Девочка-то у вас, оказывается, не родная?

Мать нашлась, разыскивает. Так у меня сердце и оборвалось. Показывает письмо, читаю, а сама ничего не вижу: слезы... Совсем одна остаюсь: мужа потеряла, теперь - дочку. Что скажу ей? Как оправдаюсь?

Прибежала Валя из школы, увидела меня в слезах, бросилась на шею: «Мамочка, что с тобой? Кто тебя обидел? Ну, скажи, мамуля». А у меня язык отнялся, глаза не могу поднять. Крепилась, крепилась, собралась с духом, говорю: «Валюта, а если я не твоя мать?» Она расхохоталась, запрыгала, завертелась: «Мамочка, глупенькая, ну, что ты говоришь?» — «Правда, Валечка, правда: чужая». Она замерла, побледнела и снова расхохоталась: «Мам, ну, что ты говоришь? Ты, моя мать, вдруг не моя мать? Ничего не понимаю. Бред какой-то!» — вспыхнула она, а сама — руку к моему лбу: мол, в своем уме ли? Она не верила, никак не могла представить, а когда я ей показала письмо, девочка схватилась за голову, бросилась в постель и разревелась: «Зачем ты скрывала? Зачем? Стало быть, и папка не мой? Как это нелепо, как это жестоко!» Я попыталась объяснить ей, но она и слышать не хотела, — развела руками Вера Михайловна.— Родная мать звала Валю домой, в Сибирь. Я поехала вместе с девочкой.

От станции до села, где жила Валина мать, добрались автобусом. Представляете встречу: слезы, объятия, поцелуи. Я совсем потеряла голову, чуть не помешалась.

Через неделю Валя проводила меня до станции. Была она грустная, опечаленная, расстроенная. А теперь вот снова у меня, дома, — еще не веря своему счастью, закончила Вера Михайловна.

Валя задержалась в школе. Она, вероятно, спешила домой: шумно распахнула дверь, подлетела к Вере Михайловне, чмокнула ее в лоб.

— Вот бессовестная, постыдилась бы чужого человека, — оговорила ее Вера Михайловна и предложила: — Знакомьтесь.

Валя повернулась ко мне, узнала, заулыбалась.

— А мы уже давно знакомы! — тряхнула она рыжей челкой. — Ведь правда?

— Честное пионерское! — заверил я. — А помнишь, как я тебя подзадоривал, на лыжне, а потом грамоту вручал за первое место?

— Еще бы не помнить, все помню! — с удовольствием призналась Валя и сказала Вере Михайловне. — Мам, готовь обед, а мы погуляем в саду.

— Не боишься, что Славка приревнует? — пошутил я, вспомнив, что она дружит с высоким рыжим Славкой, первым бегуном в городе.

— Нет, он у меня не ревнивый! — сказала Валя смущенно, когда мы вышли на крыльцо. — Мы только однажды с ним поругались, когда я уезжала в Сибирь, а он не хотел, страшно обиделся, словно чувствовал...

— Что чувствовал? — уцепился я за ниточку предстоящего разговора.

— Что мне не стоило ехать, — разочарованно призналась Валя.

— Почему? — удивился я.

— Да так, — запнулась Валя. — Глупо получилось. Я была сама не своя, когда узнала, что у меня другая мать есть, родная. На Веру Михайловну крепко обиделась, что она скрывала. А зря разобиделась. Родная мать с недельку поласкала, поластилась, а потом... Чужая я ей. У нее своя семья. Двое ребятишек: одному — пять, другой — грудной. Меня замотала: то пеленки постирай, то за хлебом сбегай, то дров накопи. Не дочь ей нужна была, а нянька, работница. А сама пальцем не шевельнет, скроется на весь день на станцию: все приторговывала. Она и в тюрьму за это угодила. Меня-то двух лет в детский дом поместили. Я и не помнила ее, отца — тоже, оказывается, его совсем не было. А отчим под стать матери: все время косился, распекал мать. Я разговор случайно подслушала: «Зачем она тебе? Разыскала на свою шею. Корми теперь, одевай Возьмет и смоеется: — Гляжу, мать начинает меня поучать: «Трудом праведным не наживешь хором каменных!» Помните фильм «А если это любовь?» Так вот, моя мать — копия. Темная, грязная, грубая. Ну, думаю, и мать: не видела тебя пятнадцать лет, век бы тебя не видать. Поругалась, хлопнула дверью и поминай, как звали! Видно, правда: не та мать, что родила, а... — не договорив, печально оборвала Валя.

— Жалеешь? — не поверил я.

— Вы что, смеетесь? — обиделась Валя всерьез. — Просто горько на душе, обидно за такую мать. Не верите? Честно, Ни на кого больше не променяю свою седенькую Веру Михайловну и своего рыжего Славку.

Я доверчиво заглянул в чистые голубые Валины глаза и невольно прикоснулся рукой к ее худенькому плечу.

Дом над зушей

1

Светлый, просторный, рубленый из добротной сосны дом Кочетковых стоял в красивом месте, над Зушей, у самой Карауловой горы.

Помню, еще мальчишкой, поднимаясь крутой дорожкой и Караулову гору, я пристал к бабушке: «А почему она Караулова? Почему?» — «Потому, что Караулова!» — рассердилась запыхавшаяся бабушка и, передохнув, объяснила по-своему: В старое время разбойники встречали тут купцов, что возвращались с ярмарки. Днем, стало быть, выглядят-высмотрят, кто побогаче, а вечером подкараулят и оберут до нитки, пустят по ветру, а пикнешь — прихлопнут да и Зушу: кушай, щука, на здоровье ирода пузатого».

Я слушал бабушку и хватался покрепче за подол ее юбки.

Позднее мне довелось услышать более убедительное и правдоподобное объяснение. Еще живет легенда, что здесь, на Карауловой горе, па самом заре Московского государства, стояли сторожевые посты русичей, которые неусыпно, зорко из-под ладоней вглядывались вдаль, в дикую степь и, завидев ворога, зажигали факелы, предупреждая свое войско о грозящей опасности.

Не знаю, так ли это было или нет, а вот одно неоспоримо: с высоты Карауловой горы открывается чудесный вид на Зушу и Бородиновский мост, на Подберезово и Ядрино, на заречные поля, березовые перелески и дальнюю полевую дорогу, которая упирается в самый горизонт и, словно согнувшись, опускается в Казюлькино, где знаменитый Фет творил свои дивные стихи.

Все что широко, отчетливо, ясно виделось из светлых кружевных окон кочеткдаского дома, но сегодня его молодой хозяйке некогда было любоваться знакомыми видами: Таня Кочеткова, худенькая, чернявая женщина, с нетерпением ждала мужа, который десять дней назад уехал за своей матерью на Украину.

Она встала рано: истопила печь, вымыла, выскребла добела полы, протерла до блеска мебель и окна. После завтрака Таня принесла из сарайчика большой таз, плеснула в него горячей воды и занялась стиркой. Незаметно подкрался обед. Дед Степан, степенный, покладистый старикашка, окончательно поседевший после смерти старшей дочери и жены, долго хлопотал по хозяйству, уморился, сел за стол и пригорюнился:

— Что-то Михаиле задержался. Видать, не будет к обеду: либо случилось что-нибудь, а может быть, забыл про нас с тобой, Сереженька? — пошутил он, обращаясь к внуку.

Сережа торопливо, обжигая губы, опорожнил тарелку с кулешом и затормошил мать:

— Мам, пойдем на речку. Все ребята там: купаются, рыбу ловят. Пойдем, папка все равно сегодня не приедет.

Таня вскинула на плечо коромысло с двумя зелеными эмалированными ведрами, наполненным и бельем, взяла за руку Сережу и пошла полоскать.

Стояла середина мая, было тихо и солнечно. Под горой, на лужайке, босые, без маек, в одних трусишках, ребята гоняли мяч. На берегу, у самой воды, разомлев от

жары, дремали козы и время от времени опускали в речку свои смешные бородки. Недалеко от них, на камушнике, сутились лгальчинжи, держа на весу тонкие, гибкие, словно крысиные хвостики, удилища.

Таня сполоснула белье, подозвала к себе соседского парнишку и наказала ему:

— Присмотри, пожалуйста, за Сережей, чтобы он не лез в воду, не подходил близко к горе.

Караулова гора круто, отвесно обрывалась к Зуше, обнажив причудливые каменные пласты. Огромные, бесформенные глыбы, подмытые полой водой, висели над самой рекой, грозя обрушиться и завалить дорогу, идущую по берегу. Разгоряченная Зуша бежала прямо на эти глыбы и, словно испугавшись их, сворачивала влево, шла дальше, огибая полукругом городок.

Весной, в половодье, большущие льдины с треском и грохотом ударялись в обнаженную грудь горы и, разламываясь и крошась, двигались дальше, оглушенные и обессиленные, опираясь о гору, как о стену.

Когда-то в горе зияли темные дыры первобытных пещер, но со временем вход в них был завален обрушившимися глыбами, и только в трещинах и щелях до сих пор селились галки и скворцы, поднимавшие по вечерам возню и крик.

Сережа, задрав голову, раскрыв от удивления рот, поглядывал на гору и следил за потревоженными птицами, кружившими над ним.

Возвращаясь с речки, Таня встретила знакомую почтальонку, взяла у нее газеты.

— А писем нет? — огорчилась она. Таня всю неделю ждала весточки от Михаила, а сегодня, в воскресенье, его самого.

Михаил заявился перед самым вечером вместе с матерью, крохотной седенькой старушкой. Таня растерялась, неуклюже обняла и расцеловала свекровь и повела ее в дом знакомить с отцом, а Михаил огляделся и, не обнаружив сынишки, забеспокоился:

— А где Сережа? Куда запропастился?

— Разве его заставишь сидеть дома? — оправившись от смущения, объяснила Таня. — Мы с ним на речку ходили, там и остался, от ребят силком не оторвешь.

— Правда? — заулыбался (радостно Михаил. — Пойдем к нему, я страшно соскучился. Пойдем поскорей! — Михаил потянул Таню за руку.

Они перебежали дорогу, подошли к самому обрыву Карауловой горы и остановились над Зушей. Внизу, у самого берега, бегала, кричала и смеялась беспечная, веселая ребятня.

— Вот узнай Сережу, узнай! — щебетала Таня, теребя мужа за рукав, а Михаил, словно его лег не виделся с сынишкой, вглядывался в мальчишек, стараясь угадать, где Сережа, выбирал то одного, то другого и ошибался.

— Эх, ты, папаша! — укоряла его Таня. — Вон, смотря, у родничка. В черных трусишках, в красной маечке.

Таня оперлась о плечо Михаила и, чуть подавшись вперед, позвала:

— Сережа! Сереженька, папа приехал. С бабушкой! Беги сюда.

Мальчишка встрепенулся, вскинул голову и, увидев на краю горы мать и отца, пустился по крутой тропинке к ним, задыхаясь от быстрого бега и неожиданной радости.

Судьба занесла Михаила в маленький орловский городишко. Первое, что бросилось ему в глаза, было старинное здание с красивыми часами на высокой башне. Часы давным-давно остановились, их не решались чинить и заводить, чтобы не спугнуть их таинственную задумчивость, их загадочное молчание.

Городишко был тихий, немногочисленный. Его обитатели знали друг друга наизусть, по имени и отчеству, в лицо. Михаил поселился в скромном, уютном домике, недалеко от базара, у одиноких, добрых старичков, спокойно доживавших свой век.

В городке строилась новая десятилетка, а у Михаила были золотые руки: его охотно взяли плотником.

После работы, сбросив потную, запыленную опилками робу, Михаил переодевался в свой модный светло-серый костюм и отправлялся бродить по вечернему городку, пристально вглядываясь в лица прохожих. Он уже два месяца жил в этом городке, все собирался навестить Машу, но всякий раз откладывал, надеясь случайно встретить ее и удивить своим появлением здесь. Оказавшись в одном городке, рядом с Машей, он снова захандрил, заупрямился и даже засомневался, его ли это ребенок у нее. Леденящее чувство ревности, которое вспыхнуло еще в дороге, теперь все чаще охватывало его, делало шальным, смешным и бессильным.

В этот раз он отпросился пораньше с работы, чтобы отослать матери, жившей в далекой украинской станице, денежный перевод. Михаил запоздал, пришел перед самым закрытием почты. Чернявая, хрупкая девушка, принимавшая переводы, торопилась домой, но Михаил, обычно застенчивый и робкий, упрямо топтался у окошка и умолял ее:

— Поймите, я очень спешил, думал, что успею, а все-таки опоздал. Я пришел бы в другой раз, да завтра у нас задержка на работе. А мать теперь сидит без копейки, — явно сгустил он Красин, — ждет не дождется, думает, что сын совсем забыл ее. Не беспокойтесь, что темно. Я провожу вас, если не возражаете, все равно мне делать нечего.

Девушка дрогнула, улыбнулась, удивленно вскинула свои густые черные брови:

— Вы заполнили бланк? Давайте скорее.

— А у вас тут красивые девчата: все чернявые, все симпатичные, только очень гордые,— как бы между прочим заметил Михаил, протягивая в окошко хрустящие десятки.

— И совсем не гордые,— притворно хмуро заговорила девушка. — Зря наговариваете.

Девушку звали Таней. Жила она на самой окраине городка. Михаил провожал ее до дома. Обычно замкнутый и молчаливый, он всю дорогу говорил, забавлял Таню, смешивая украинскую и русскую речь, и сам удивлялся себе.

Заметив у крыльца добротные сосновые бревна, густо засыпанные яблонево́й листвой, он, плотник, естественно, заинтересовался:

— Вероятно, думаете новый дом отгрохать?

— А вы догадливый! — засмеялась Таня.— Верно, собираемся. Это все батя хлопочет. Я, говорит, мог бы и в старом умереть, а Сережа только начинает жить: подарю ему новый, чтобы помнил деда.

— Хороший у Сережи дедушка!— отозвался с грустинкой в голосе Михаил. — А вы давно замужем?

— Что вы? — захохотала Таня. — Мне только восемнадцать, я только в прошлом году школу закончила. Куда спешить? Подожду еще, — замахала она руками. — Вы, наверно, о Сереже подумали? Это сынишка моей старшей сестры.

Михаил облегченно вздохнул, поправил галстук.

— Жарковато! — наивно признался он. — Душа горит, и во рту пересохло. Хозяйка от души меня кормит, да только иногда пересаливает. Хочется пить. Выручите,— осмелел он?

— Вот проблема — напиться! Заходите, пожалуйста, — пригласила она Михаила, открывая дверь.

Дома никого не было, стояла добрая, уютная тишина.

— Батя с Сережей, наверно, у соседей. Все вечера пропадают у них: телевизор смотрят,— пояснила Таня, включила плитку и поставила чайник.

— Не хлопочите, — заволновался Михаил, — дайте простой воды, родниковой.

— Зачем же? — повернулась к нему Таня. — Одна минута и — готово. Или вы спешите?

Таня подогрела чай, наполнила стакан, плеснула в него заварки, насыпала сахару и подала Михаилу. Он залпом опорожнил стакан и крикнул:

— Хорош чаек! Весь в хозяйку. Спасибо.

— Не стоит, — смутилась девушка. — Это я вас должна благодарить, не всякий пойдет провожать, месить грязь. Может, еще?

— Пожалуйста,— попросил Михаил, — только не чаю, а свежей, ключевой, если есть.

— Вот чудак-то! — удивилась Таня, взяла кружку и вышла в сенцы, а Михаил шагнул к фотографии, висевшей на стене. Шагнул и остолбенел. Его всего заколотило. Бывает же так: не думал, не гадал, как в сказке: Маша!

— Пейте! — позвала его Таня, а он стоит, застыл, не может оторвать глаз. — Пейте! — повторила удивленная девушка. — Что вы загляделись?

Михаил взял кружку, дрожащей рукой поднес ее ко рту, а пить не может: зуб на зуб не попадет.

— Это ваша подруга? — заикаясь, спросил он.

— Нет, это моя сестра, Маша, — печально ответила Таня. — Красивая была...

— А почему «была»? — у Михаила присох язык.

— Она умерла в мае, — с болью поведала Таня, — вернулась из Горловки, больная, и умерла. Остался сынишка, Сереженька... Маша писала, что дружит с каким-то парнем, очень хвалила. А потом вдруг присылает письмо, злое-презлое. Помню ее слова: «Таня, не верь ребятам: все они подлецы!» Она была бедовая, а в душе стыдливая л гордая. Скрывала ото всех, что у нее скоро будет ребенок. Ее даже не успели отвезти в родильный дом. Роды были трудные, ее отправили в больницу. Полежала, поправилась, вернулась в холодную, нетопленную комнату. Простудилась и

заболела. Врачи не могли определить болезнь или скрывали от нее. Говорили, что осложнение «а легкие. Она не кашляла, только опухла, отекала. Я поехала в Горловку, забрала ее, больную, с ребенком, домой. Местные врачи не помогли. Мы повезли ее в Тулу, где брат живет. А там дали понять, что поздно. Через месяц Маша умерла.

Сережу выхаживала бабушка, мать моя, а вскоре и она, потрясенная смертью Маши, последовала за ней. Сережа привязался ко мне, как к родной матери. Машу он, конечно, забыл, а меня зовет «мама Таня».

У Михаила все оборвалось внутри: он стоял, безмолвный и бледный. Таня взглянула на него и вскрикнула:

— Что с вами? На вас лица нет.

Михаил молча достал из бокового кармана бумажник, вынул такую же фотокарточку и протянул девушке. Таня, изумленная, прочла: «Милому Мише на добрую память. Люби и не забывай. Маша».

— Вы с ней дружили?— еле выговорила Таня.

— Я ее очень любил. Только не говорите своим, пусть это между нами... — задыхаясь от волнения, сказал Михаил и, не простившись, выскочил из дома в непроглядную осеннюю темень.

3

В Горловке Михаил работал на шахте крепильщиком, плотником, столяром. У него были золотые руки и редкая влюбленность в свое дело. В бригаде его ценили и уважали. Рекомендуя Михаила в местком, товарищи говорили:

— Михаил безупречен в работе и быту, безотказно выполняет любые поручения, а главное — честный, веселый, свой в доску.

Местком поручил Михаилу культурную часть. Приближался День шахтера, у Михаила было полно хлопот. Он договорился с музыкантами, а какая музыка пойдет на лад, если не будет пива? Михаил взял заявку и отправился в райпит. Заглянул в бухгалтерию, а главного нет.

— Подождите немного, сейчас подойдет,— участливо подмигнула ему машинистка, озорная чернявая девушка. У нее было лукавое цыганское лицо, узкий разрез глаз, пышные вьющиеся волосы. Она торопливо, проворно, не глядя на клавиши, печатала какую-то бумагу, изредка бросая на Михаила любопытные взгляды. Видимо, ей сразу приглянулся этот высокий, сутуловатый парень с небрежной рыжей шевелюрой и наивными голубыми глазами.

Михаил терпеливо ожидал, а она озорно и весело перекидывалась шуточками:

— Значит, решили погулять? По-настоящему? С блеском? Позавидуешь.

— А что завидовать? — восторженно воскликнул Михаил.— Приходите к нам, не пожалеете. У нас много парней. Веселые, симпатичные. Скучать не будете. Приходите. Вот вам пригласительный. Так Михаил познакомился с Машей. Девушка пообещала и пришла, вернее, он сам привел ее. Весь вечер Михаил не покидал Машу, глаз не сводил, был на седьмом небе, а ее приглашали нарасхват, она то и дело отлучалась, и Михаил слегка хмурил брови. После вечера он проводил ее домой. Маша жила одна, в маленькой, уютной, холодной комнатенке. Михаил задержался у нее далеко за

полночь, и Маша, опасаясь отпустить его в такое позднее время, оставила ночевать. Они встречались все чаще и чаще, уходили то в кино, то на танцы, то еще куда-нибудь. «Молодец, Мишка! Отлично справляешься со своими обязанностями: культурно время проводишь и о других не забываешь», — подтрунивали над ним ребята.

Скромный, угловатый, нецелованный, Михаил сразу, всей душой привязался к этой озорной, лукавой девушке и ревновал ее к любому встречному. Однажды вечером он пошел к ней и замер у двери, услышав шумный разговор, вроде любовного объяснения:

— Подружили и хватит. У меня есть другой: самостоятельный и непьющий, а ты опять пришел навеселе.

Михаил понял, что речь шла о нем, поколебался и вошел. Маша смутилась и, скрывая неловкость, развязно предложила ему:

— Познакомься, Михаил. Это мой лучший друг. Пожав своему сопернику руку, Михаил скис.

— Извините, что помешал. Я тут третий, а третий, как говорится, лишний, — вспыхнул он, повернулся и зло хлопнул дверью.

Всю ночь Михаил мучился, терзался, заснул только на рассвете, обвинив себя в запальчивости, а проснувшись, снова заметался, охваченный ревностью. Затаив горькую обиду, обвиняя то Машу, то себя, Михаил больше года не показывался к девушке, а потом не выдержал, затосковал и побежал к ней. Дверь открыла незнакомая женщина и с огорчением сказала:

— Разве вы не знаете: Маша давно не живет здесь? Она выехала с ребенком на родину, куда-то на Орловщину.

Упоминание о ребенке поразило Михаила и положило конец всем его колебаниям. Спешно собрав вещи, он сел на поезд и помчался в незнакомый орловский городишко, полный решимости помириться с Машей.

Михаил опоздал: Машу уже похоронили. Потрясенный этим известием, он целую неделю, словно пришибленный, забыв про еду и сон, бродил по городку, а потом, издергавшийся и почерневший, снова направился на почту, к Тане, чтобы раскрыть ей душу, как-то оправдаться, успокоить совесть, найти поддержку и утешение.

В воскресенье Михаил вместе с Таней отправился на кладбище и провел там почти полный день. Общее горе быстро сдружило их, они стали близки и неразлучны, а через полгода Михаил предложил Тане расписаться, и она согласилась.

Таню все время тревожил мучительный и щекотливый вопрос: как быть с Сережей?

— Сережу мы со временем усыновим, а пока представь меня как отца, — подсказал ей Михаил. — Я ведь и так ему отец, свой, родной, кровный.

Дед Степан, узнав о таком решении, крепко переполошился, прослезился и благославил дочь.

— По-моему, этот парень не шалопут, а честный и надежный малый, — высказал он свое мнение Тане. — Конечно, он поломал жизнь Маше, но она и сама виновата: за такого парня надо было держаться обеими руками, а не разыгрывать гордыню, не куражиться над ним.

Сереже шел уже третий год. Мальчишка рос бойкий и смысленый. Он все чаще приставал то к дедушке, то к Тане:

— Мама Таня, ты говоришь, что папка скоро приедет, а его все нету.

Таня сначала терялась, а потом подобрала удачное объяснение и утешала Сережу:

— Знаешь, Сережа, папка очень далеко, очень занят, строит большую шахту, но скоро стройка закончится и он приедет домой, чтобы обнять и расцеловать своего любимого сыночка.

Мальчишка привык к этой мысли, наивно верил и терпеливо ждал. Теперь Таня с трепетом готовилась к последнему объяснению с Сережей, и, когда он снова заговорил об отце, она обняла его, прижала к себе и стала горячечно целовать в нос, в глаза, в лобик.

— Все, Сереженька, все! — счастливо ворковала она. — Папка завтра приедет. Давай я тебя выкупаю, принаряжу, чтобы не стыдно было папку встречать.

Михаил забрал свой большой чемодан, тепло распрощался с добрыми стариками и зашагал на окраину городка, навстречу своей судьбе, к своему черноглазому сынишке. Еще издалека он увидел Таню и Сережу. Сердце его переполнилось тревогой, счастьем и неизъяснимой нежностью. Михаил заторопился к дому, не доходя до калитки, бросил чемодан, и сильные, добрые, горячие руки отца подхватили бегущего навстречу Сережу, (взмахнули вверх и прижали к разгоряченной груди).

— Пап, папочка, — забеспокоился Сережа, — ты совсем приехал?

— Совсем, родной мой, совсем, — успокоил его Михаил, глядя по теплой головенке. Спустя полчаса, счастливый и возбужденный, Сережа выбежал на улицу и похвалился ребятам:

— А ко мне папка приехал! Совсем приехал. И конфет привез. Во какие, блестящие! Мальчишки загадочно переглянулись и протянули к нему руки.

— Дай мне! Дай мне, — наперебой просили они.

Сережа на радостях, по доброте душевной, раздал все конфеты, а когда подбежали другие ребята и стали просить, он заморгал своими невинными глазенками:

— Нету больше, нету.

— У, какой жадный! — обиделись ребята. — И совсем он тебе не лапка, а дядя чужой. Сережа всхлипнул и, суча кулачками, кинулся на своих обидчиков. Таня увидела его, плачущего, взяла на руки и понесла домой.

У Тани захолонуло в груди и подкосились ноги, но она устояла и, поборов замешательство, стала успокаивать Сережу:

— Не верь им, Сережа, не верь. Глупые они. Завидно им, понимаешь, завидно, что к тебе пайка приехал и конфет привез.

Таня уложила Сережу в кровать, и он, растревоженный и счастливый, мгновенно уснул. Нелепый мальчишеский разговор перепугал Таню, расстроил ее до слез, омрачив семейное счастье своей неожиданностью.

Дед Степан, приземистый, седобородый старик с мудрыми, добрыми, чуть подслеповатыми глазами, завернул самокрутку, затаился, закашлялся.

— Хватит тебе, Танюха, киснуть. Садитесь-ка за стол, — оживился он, открывая бутылку «Столичной», налил стаканы и предложил: — Давайте-ка выпьем по махонькой за ваше счастье, за Сережу, а заодно и помянем своих.

Печально и грустно было Тане. Не о такой свадьбе мечтала она. Никто не кричал ей «горько», а горечь жгла губы, глаза, сердце.

— Нам надо уезжать отсюда! — решительно сказала она, огорошив всех своей неожиданной выходкой.— Обязательно уезжать. Ради Сережи, только ради него. Иначе не сдобровать, не будет житья.

— Ну, что ты, Танюша? — заволновался Михаил. — Разве ты ему чужая? Разве я ему чужой? Пускай говорят, никому язык не завяжешь.

— Миша, родной,— стала убеждать она мужа. — Подумай хорошенько, взвесь: сейчас он несмышленный, ничего толком не понимает, а вырастет — поймет. Что ты ему скажешь, как оправдаешься? Все равно ребята будут дразнить.

Михаил возражал, спорил, доказывал, а в душе соглашался с Таней. Дед Степан захмелел, нахмурился, взвизгнул:

— Вы как хотите, а я отседова никуда не поеду. Не поеду, слышите! Тут мой корень. Тут весь век прожил, тут и помирать буду.

— Я согласен с вами, папаша, но Таня по-своему тоже праша, — рассудил Михаил.— Лучше уехать, ради Сережи. Подыщем место в соседнем городке, где нас никто не знает, перевезем сруб, отгрохаем дом и будем спокойно жить. А дом поставить просто — в своих руках.

— Нет уж, голубчик! — возразил дед Степан. — Дом я сам буду мастерить, по своему вкусу и разумению. Есть еще сила в руках и зуд мастеровой!

4

Михаил перебрался в соседним городок и вместе с тестем отгрохал светлый, просторный, добротный дом над Зушей у самой Карауловой горы, а вскоре перетянул сюда и свою мать.

Оставалось еще одно, очень важное дело, которое они не успели осуществить: усыновить Сережу.

Я заинтересовался судьбой мальчишки, быстро собрал документы и подготовил решение об усыновлении, а когда оно было утверждено исполкомом горсовета, поспешил на Караулову гору, чтобы обрадовать Михаила и Таню.

— Мы вас очень ждали, все глаза проглядели, — засуетилась Таня. — А вот и Сережа! — обрадовалась она и погладила темно-русую головку мальчика с большими черными глазами и вздернутым, как у Михаила, носиком. — Он у нас ручной, не боязливый, — похвалила она его и спохватилась: — Миша, что же мы стоим у порога? Приглашай гостя.

Я прошел в большую, светлую уютную горницу. Сережа убежал на улицу, Таня хлопотала па кухне, а мы с Михаилом водрузились на диване. Через полчаса вся семья сидела за столом, уставленным богато и со вкусом.

— Выпьем за счастье Сережи, за новоселье, за наше здоровье! — предложил дед Степан, давно и нетерпеливо поджидавший этой минуты.

Мы долго толковали о жите-бытье, о том, что в жизни бывает всякое. Захмелевший от вина и счастья Михаил положил мне на плечо свою тяжелую, костистую, рабочую руку и попросил:

— Это наша самая сокровенная семейная тайна. Сохраните ее в секрете. Ради Сережи и нашего счастья.

Мы распрощались по-дружески, тепло и нежно. Выходя из калитки, я увидел Сережу: он рылся в песке, строил из кирпичиков домик и мурлыкал по-своему любимую детскую песенку: «Пусть всегда будет мама, пусть всегда будет папа».

Я уходил взволнованный, растроганный, убежденный в том, что Сережино счастье прочно и вечно, как этот дом, как эта гора, на которой он стоит.